

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 26, № 5*

Вологда • 2022

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

К читателям. Новые подходы к решению проблем российских территорий 7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Сидоров М.А.

Об ускорении роста экономики российских регионов на основе развития
межрегиональных цепочек создания стоимости 10

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Леонов С.Н.

Перспективы реформирования местного самоуправления
в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного
самоуправления в единой системе публичной власти».....24

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Леонидова Е.Г., Кудревич А.Ю.

Оценка временной доступности придорожного сервиса
в регионе в контексте роста потребления туристских услуг 39

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Файберг Т.В., Гордеев В.В.

Тенденции долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа 57

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Артамонова А.С.

Социальное предпринимательство как инновационный
фактор развития территории.....73

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И.

Поведенческие факторы образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей региона.....	88
--	----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лебедева М.А.

Барьеры перехода к «Zero Waste» в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в регионах СЗФО	110
--	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: июль 2022 года	124
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2022 года.....	135

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары	145
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН.....	148
Правила для авторов	150
Информация о подписке.....	153

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

To the Readers. New Approaches to Solving the Issues of Russian Territories 7

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Sidorov M.A.

On Accelerating the Economic Growth of Russian Regions Based on the Development of
Interregional Value Chains 10

EFFICIENCY OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Leonov S.N.

Prospects for Reforming Local Self-Government in the Light of the Bill
“On General Principles of Organizing Local Self-Government
in a Unified System of Public Authority” 24

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Leonidova E.G., Kudrevich A.Yu.

Assessment of the Time Accessibility of Rest Areas
in the Region in the Context of the Growth of Tourism Services Consumption 39

TERRITORIAL FINANCE

Faiberg T.V., Gordeev V.V.

Trends in Debt Sustainability of the Siberian
Federal District Regions.....57

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Artamonova A.S.

Social Entrepreneurship as an Innovative Factor in Territory’s Development 73

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Gainanov D.A., Ataeva A.G., Migranova L.I.

Behavioral Factors of the Educational Trajectory in Ensuring the Staffing Needs of the Region	88
--	----

ECONOMICS OF NATURE

Lebedeva M.A.

Transition Barriers to “Zero Waste” in the Field of Municipal Solid Waste Management in the Regions of the Northwestern Federal District	110
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in July 2022	124
Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in August 2022.....	135

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars.....	145
New VolRC RAS issues.....	148

Guidelines for the authors	150
Subscription information	153

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

К ЧИТАТЕЛЯМ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Мир в настоящее время переживает период трансформации, характеризующийся глубокой рецессией глобальной экономики, усилением рыночной волатильности, неустойчивостью международной финансовой системы, замедлением процессов формирования новых транснациональных производственных цепочек, снижением потоков инвестиций¹. Последствия трансформации в полной мере отражаются на экономике Российской Федерации.

На фоне турбулентности мировой и российской экономики усугубляются проблемы российских территорий, поэтому все большую актуальность приобретают задачи, связанные с поиском перспективных направлений развития экономики, способных обеспечить ускорение роста экономики и позитивную социально-экономическую динамику регионов; решения наиболее острых вопросов, волнующих органы региональной государственной власти, местного самоуправления и не способствующих росту качества жизни населения. В данном выпуске журнала представлены статьи, авторы которых предлагают подходы к решению указанных задач.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2022). К читателям. Новые подходы к решению проблем российских территорий // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.1

For citation: Uskova T.V. (2022). To the readers. New approaches to solving the issues of Russian territories. *Problems of Territory's Development*, 26 (5), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.1

---

¹ Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России (2022) / кол. авт.; под общ. ред. Т.В. Усковой, Е.В. Лукина. № 2. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 148 с.

Так, одним из драйверов экономического роста может стать развитие межрегиональных цепочек создания стоимости на основе стимулирования производства продукции потребительского назначения, так называемой «экономики простых вещей». Именно этой проблеме посвящена статья М.А. Сидорова. Автор обосновывает, что производство товаров, имеющих повышенный спрос на потребительском рынке, обладает весьма высоким мультипликационным эффектом. Если принять во внимание меньшую по сравнению с машиностроением сложность, ресурс- и наукоемкость производств продукции потребительского назначения, то форсирование развития этого сектора видится весьма целесообразным.

Вопросы стимулирования роста потребления туристских услуг в российских регионах раскрываются в статье Е.Г. Леонидовой и А.Ю. Кудревич. В ней обосновывается, что недостаток инфраструктуры, в том числе объектов придорожного сервиса, является одним из барьеров, сдерживающих развитие внутреннего туризма. Так, по мнению авторов, на принятие решения о совершении турпоездки на автомобиле существенное влияние оказывает наличие достаточного числа автозаправочных станций. Предложенный методический подход позволяет оценить временную доступность объектов придорожного сервиса.

Современная экономическая ситуация, связанная с санкционным давлением и последствиями пандемии коронавирусной инфекции, в значительной степени влияет на региональные бюджеты и требует реформирования бюджетных отношений на всех уровнях. В числе негативных последствий можно отметить несбалансированность бюджетов субъектов Федерации, рост государственного долга. Тенденции долговой устойчивости субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, и возможности займовой деятельности региональных органов власти в перспективе представлены в статье Т.В. Файберг, В.В. Гордеева.

В перечне главных факторов устойчивого развития территории А.С. Артамонова рассматривает некоммерческий сектор, в частности социальное предпринимательство, которое в общественной жизни выступает проводником инноваций. Основными барьерами развития социального предпринимательства в российских регионах называются недостаточная финансовая поддержка и низкий уровень предпринимательской культуры населения. Для повышения вклада социального предпринимательства в решение задач социально-экономического развития территорий необходимы разработка и реализация на региональном уровне просветительских, обучающих, акселерационных программ, создание оптимальной среды для функционирования социальных предприятий.

Поведенческие факторы образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей экономики региона раскрыты в статье Д.А. Гайнанова, А.Г. Атаевой, Л.И. Миграновой. Авторы показали значительный дисбаланс между рынками труда и образовательных услуг по ряду направлений подготовки специалистов. Доказано, что существуют субъективные поведенческие факторы, усиливающие этот дисбаланс, выявлены факторы и условия, влияющие на выбор индивидуальной образовательной траектории студентов и возможные последствия ее реализации.

Обращение с твердыми коммунальными отходами остается актуальной проблемой для большинства стран мира, в том числе России. Выявлению культурных, рыночных и нормативных барьеров, мешающих реализации концепции «Zero Waste» в российских регионах, посвящена статья М.А. Лебедевой. Материалы статьи будут полезны региональным органам исполнительной власти, осуществляющим деятельность в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

В решении проблем социально-экономического развития российских территорий весомую роль играет институт местного самоуправления. Его реформирование – ак-

туальной задачей государства². В статье С.Н. Леонова освещаются теоретические подходы к реализации нового этапа реформирования института местного самоуправления – формирования в Российской Федерации одноуровневой системы местного самоуправления. Обосновывается, что отказ от многоуровневой системы местного самоуправления не позволит преодолеть проблемы, связанные с хроническим дефицитом местных бюджетов или устранить практику передачи полномочий между муниципальными образованиями разного

уровня. Главная причина складывающейся ситуации состоит в слабой проработке вопросов экономической эффективности укрупнения (слияния) муниципалитетов. Следствием реализации законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», по мнению автора, станет еще большее ослабление данного института власти.

Надеемся, что представленные в выпуске подходы к решению проблем российских территорий будут востребованы на практике.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

² Бухвальд Е.М., Кожевников О.А., Ворошилов Н.В. (2022). Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать // Самоуправление. № 1. С. 12–15. DOI: 10.55488/22218173_2022_1_12; Ворошилов Н.В. (2021). Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России // Проблемы развития территории. Т. 25. № 5. С. 105–124. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2

УДК 332.1 | ББК 65.305.4

© Сидоров М.А.

ОБ УСКОРЕНИИ РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ

МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ СИДОРОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ma.sidorov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

Текущие проблемы развития российских территорий усугубляются на фоне турбулентности мировой и российской экономики, что выражается в усилении рыночной волатильности, неустойчивости международной финансовой системы, замедлении процессов формирования новых транснациональных производственных цепочек, снижении потоков инвестиций, спаде реальных доходов населения. В кризисных условиях актуальной задачей для российских регионов становится поиск наиболее перспективных отраслей экономики, которые смогут стать драйверами роста для всей социально-экономической системы. Данная задача специфична ввиду огромных пространств и высокой степени поляризации экономического поля страны. В связи с этим цель исследования заключается в обосновании развития межрегиональных цепочек создания стоимости в направлении производства продукции потребительского назначения («экономики простых вещей») и оценке экономического эффекта от создания дополнительного спроса. Для достижения цели были решены следующие задачи: отрасли промышленности агрегированы согласно назначению их продукции (конечного, промежуточного и инвестиционного спроса, а также машиностроение), рассчитаны и оценены экономические эффекты от их стимулирования, рассмотрен вклад территорий. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также инструментарий, базирующийся на методологии межотраслевого баланса. Проведенные расчеты позволили выявить проблемы и ограничения для роста машиностроительных производств, доказать значимость развития

Для цитирования: Сидоров М.А. (2022). Об ускорении роста экономики российских регионов на основе развития межрегиональных цепочек создания стоимости // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2

For citation: Sidorov M.A. (2022). On accelerating the economic growth of Russian Regions based on the development of interregional value chains. *Problems of Territory's Development*, 26 (5), 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2

машиностроения, которая выражается в увеличении основных экономических показателей. Определено, что производство промышленной продукции для конечного потребления обладает вторым по величине мультипликационным эффектом после машиностроения, при этом освоение товарного производства в потребительской сфере характеризуется существенно меньшей сложностью, ресурсоемкостью и наукоемкостью, в связи с чем целесообразно форсировать развитие сектора продукции конечного потребления. Результаты исследования могут применяться для разработки стратегических документов пространственного развития, программ развития отраслей экономики и промышленных кластеров. В дальнейшем будет продолжена работа по поиску новых точек роста и наиболее перспективных направлений структурных изменений для перехода регионов и страны в целом к устойчивому социально-экономическому развитию.

Регион, российская экономика, экономика, цепочки создания стоимости, конечная продукция, межотраслевой баланс, промышленное развитие.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-010-00643.

Введение

В начале 2022 года глобальная экономика перешла от пандемического шока и ускорения инфляции к глубокой рецессии, усилению рыночной волатильности, неустойчивости международной финансовой системы, замедлению процессов формирования новых транснациональных производственных цепочек, снижению потоков инвестиций. Этот факт резко усиливает актуальность развития российской экономики, предполагающего формирование высокорентабельных производств с высокой долей добавленной стоимости в цене продукции, являющихся ключевым приоритетом экономической политики страны в целом и ее регионов. Однако происходящие под влиянием рыночных сил изменения структурных пропорций экономики, сформировавшихся еще в советское время, далеко не всегда оказывают положительный эффект.

Среди причин этого явления не только негативные последствия институциональных реформ и неблагоприятный инвестиционный климат, но и вклад, который вносит в экономическую динамику устоявшаяся в регионах структура занятости и производства, что можно назвать «унаследованными особенностями» регионов. При этом российские территории экономически разобщены, что препятствует превращению их особенностей в преимущества от территориальной специализации.

Как следствие, регионы развиваются крайне медленно и неравномерно, а в целом национальная экономика (представляющая органическую совокупность взаимодействующих между собой региональных рынков страны) во многом продолжает зависеть от такого внешнего фактора, как спрос мировых рынков на энергоносители.

При этом доходы, получаемые за счет продажи первичного сырья, с помощью механизмов распределения сначала становятся доходами бизнеса и населения (государственные заказы, зарплаты, пенсии, трансфертные выплаты и т. д.), после чего обмениваются на зарубежную продукцию, становясь доходами иностранного капитала. Как следствие, формируется порочный круг, с каждым оборотом сужающий отечественное воспроизводство промышленного капитала и замедляющий развитие экономики страны в целом (Ускова и др., 2013; Хубиев, 2015). Неотъемлемым инструментом решения данной проблемы является развитие межрегиональных цепочек создания стоимости (ЦСС).

Для поддержки экономического роста важны поддержка ключевых отраслей промышленности, последовательное стимулирование развития менее затратных в освоении производств «простых вещей», ориентированных на внутренний рынок, что приведет к развитию экономики благодаря получению той части созданной стоимости,

которая в настоящее время отходит иностранному капиталу. Благотворное влияние будет оказано и на потребительский рынок в связи с поддержкой доходов населения.

Цель исследования заключается в обосновании развития межрегиональных цепочек создания стоимости в направлении производства продукции потребительского назначения («экономики простых вещей») и оценке экономического эффекта от создания дополнительного спроса. Для достижения цели были решены следующие задачи: отрасли промышленности агрегированы согласно назначению их продукции (конечного, промежуточного и инвестиционного спроса, а также машиностроение), рассчитаны и оценены экономические эффекты от их стимулирования, оценен вклад территорий.

Обзор литературы

Внимание к тематике, связанной с изучением цепочек создания стоимости, растет как в глобальной, так и в отечественной исследовательской среде. Используемые в научных публикациях понятия «цепочки создания стоимости», «цепи поставок» (supply chains¹), «производственные сети» (production networks), «фрагментация производства» (fragmentation of production), как правило, отождествляются (Мурадов, Пономаренко, 2014). В целом ЦСС представляют собой устойчивый механизм начисления стоимости в процессе создания конечного продукта, включающий в себя различные технологические стадии производства, а также сферы дизайна и сбыта продукции. В рамках частных случаев ЦСС связи товарных потоков между ее звеньями разделяют на восходящие (вывоз сырья, которое позже возвращается в качестве готовых товаров) и нисходящие, подразумевающие производство и поставку товаров и услуг для конечного потребления². В наиболее систематизированном виде совре-

менная теория ЦСС представлена в работах Г. Джереффи (Gereffi, Fernandez-Stark, 2011) и Р. Каплински (Kaplinsky, 2013), где подчеркивается управляемый и динамический характер ЦСС. Одним из ответов на кризисы начала XXI века стала разработка в течение последних двух десятилетий широким кругом исследователей, представляющих различные дисциплины, теории глобальных цепочек создания стоимости (Gibbon, 2001; Gereffi et al., 2013).

Заявленная нами тематика актуальна с момента своего появления и лишь набирает популярность (рис. 1). Однако со временем ситуация в российской экономике кардинально не изменилась в лучшую сторону, при этом производственная централизация лишь усиливается.

В последнее десятилетие исследователи отмечают преобладание двух ключевых трендов: смещение стратегий организации глобальных цепочек от поиска дешевых ресурсов к поиску специфических активов и компетенций (Adarkwah, Malonaes, 2022) и изменение для ряда производств типовой формы кривой добавленной стоимости в цепочках – от классической U-образной формы организации глобальной цепочки к L- и W-образной под влиянием внедрения передовых производственных технологий и цифровизации производств (Ming et al., 2015; Park, Park, 2021). Интересно и то, что заметно усилилась роль государства в промышленной политике, отмечен переход к проактивному подходу к поиску новых источников роста, в т. ч. в развитых странах. Ключевая дилемма при выявлении сравнительных преимуществ в экономике – следовать за рынком или определять цели самостоятельно (Rodrik, 2011; Lin, 2012). По мнению Ю.В. Симачева, «сравнительное преимущество нужно определять, но при гибком государственном вмешательстве – с возможностью отказаться от неуспешных инструментов там, где необходимо, а также

¹ Dietzenbacher E., Oosterhaven J., Pei J. (2011). Interregional trade, supply chains and regional income disparity. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/policychallenges-uibe2.pdf> (accessed July 2022).

² Kogut B. (1985). Designing global strategies: Comparative and competitive value-added chains MIT sloan management review. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/designing-global-strategies-comparative-and-competitive-value-added-chains> (accessed July 2022).

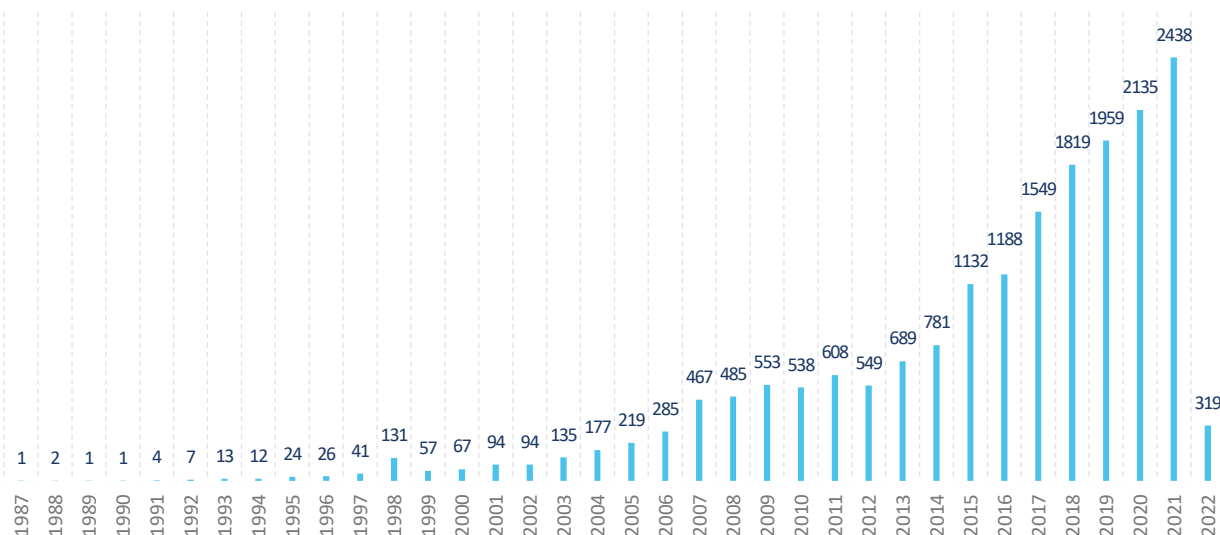

Рис. 1. Публикации по теме «Value Chain» в Web of Science

Рассчитано по: данные Web of Science.

пересмотреть приоритетные для развития отрасли с учетом меняющейся внешней среды, внутренних драйверов и ограничений» (Симачев и др., 2022).

В России определенным ориентиром в развитии межрегиональных цепочек создания стоимости может служить Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, отмечающая важность «обеспечения усиления межрегионального сотрудничества в рамках реализации перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации и достраивания цепочек добавленной стоимости в пределах макрорегионов»³. В Стратегии в качестве отраслей территориальной специализации в большинстве регионов обозначены отрасли промышленности конечного спроса, хотя они и следуют за добывающей промышленностью и машиностроением.

Также важно, что Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности⁴ акцентирует внимание на экспорте как магистральном направлении развития промышленной политики, поскольку потребительский спрос россиян ограничен низким уровнем доходов населения, однако

остается привлекательным для апробации и первичных продаж продукции по причине близости к потребителю. Вместе с тем развитие межрегиональных цепочек создания стоимости является эффективным способом оздоровления внутреннего рынка. При этом открытым остается вопрос, достаточно ли у региональных органов власти инструментов, способствующих активации и последующей активизации действий в обозначенном направлении.

Проблему осложняет то обстоятельство, что в российской экономике развитые (иначе говоря, крупные, многофункциональные) ЦСС – достаточно редкая практика. В основном встречается небольшая размерность, включающая две-три стадии производства, что накладывает отпечаток на всю социально-экономическую систему государства. В частности, это низкие темпы роста ВВП, инвестиционная непривлекательность отдельных отраслей, нарастание территориальных диспропорций, процессы деиндустриализации, недостаточный уровень спроса на фундаментальную науку.

Отсутствие в стране культуры организации производств полного цикла и ориента-

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 14.07.2022).

⁴ Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEluQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf> (дата обращения 14.07.2022).

ции на выпуск конечной продукции, а не полуфабрикатов не позволяет сколько-нибудь уверенно нивелировать зависимость от импорта. При этом в последние годы в мировой экономике явно обозначился себя тренд на реализацию инструментов протекционизма внутренних производителей, в том числе нередко с использованием санкционной риторики. В таких условиях для российского потребителя технологической продукции значительно повышаются риски, связанные с доступом к импортному оборудованию, комплектующим.

Таким образом, существует необходимость постоянного совершенствования мер, направленных на развитие межрегиональных ЦСС, поэтому изучение данной проблемы остается актуальным.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили труды ученых (Аганбегян, 2018; Сухарев, 2018; Хубиев, 2015; Ивантер и др., 2018; Погосов, 2010; Ускова и др., 2013), рассматривающих проблемы ускорения экономического роста, в том числе путем стимулирования внутреннего спроса, удлинения цепочек создания стоимости, проведения новой индустриализации и т. п. Применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также инструментарий, базирующийся на методологии межотраслевого баланса.

Вычленение изучаемых отраслей произведено с помощью агрегирования расширенного перечня разнесенных по видам деятельности данных, отражающих выпуск товаров, проведение работ и оказание услуг российскими предприятиями.

В силу того что объектом анализа являются отрасли экономики, за основу принята межотраслевая таблица, составляемая в методологии баланса народного хозяйства. Первый ее квадрант описывает потоки продукции между отраслями материального производства, которая используется в качестве элементов текущих материальных затрат; материальные затраты в сфере услуг

отражаются во втором квадранте и выступают в качестве самостоятельного функционального элемента конечного продукта.

Целенаправленное ускорение процесса встраивания территорий в цепочки создания стоимости и извлечение из этого инструмента максимальных выгод для экономики является одной из приоритетных задач государственной политики. Для выработки и осуществления конкретных шагов по ее реализации немаловажно оценить эффект для экономики от стимулирования потенциальных драйверов роста.

В рамках нашего исследования расчеты проводились согласно видам экономической деятельности, представленным в официальной статистике, при этом отрасли промышленности были агрегированы до четырех секторов:

- сектор промышленности конечного спроса продукции, включающий пищевую и легкую промышленность, целлюлозно-бумажное и полиграфическое производство, производство готовых металлических изделий и прочие производства;
- сектор промышленности промежуточного спроса, в который входят деревообработка, химическое и металлургическое производство;
- сектор промышленности инвестиционного спроса, представленный преимущественно производством неметаллических минеральных стройматериалов;
- машиностроение, включающее производство машин и оборудования, транспортное машиностроение, а также производство электрических машин и электрооборудования, производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи, производство средств измерений, контроля, управления и испытаний, оптических приборов, фото- и кинооборудования, часов.

На *рис. 2* представлена структура выпуска выделенных секторов в экономике России. Столь заметный разрыв объясняется экспортоориентированностью экономики, поскольку более половины стоимостного объема продукции в 2020 году выпущено в

Рис. 2. Структура выпуска экономики России в 2020 году

Рассчитано по: данные Росстата.

сфере производства полуфабрикатов, добычи полезных ископаемых, услуг транспорта.

Далее с помощью межотраслевой модели были рассчитаны объемы реализации продукции отраслей экономики при росте спроса на них; оценена их роль в дополнительном приросте численности работников и фонда заработной платы. В ходе расчетов мы опирались на структуру российской экономики 2016 года, поскольку за этот год опубликованы последние таблицы «затраты – выпуск» в максимально полной номенклатуре, причем коэффициенты отраслевых затрат изменяются достаточно медленно (Саяпова, 2011). Оценка территориальных эффектов, возникающих при стимулировании спроса на отечественную продукцию промышленности конечного спроса, проведена по федеральным округам РФ пропорционально структуре выпуска продукции.

Результаты исследования

Важным индикатором, отражающим величину экономического эффекта от стимулирования отраслей, является коэффициент полных затрат (рис. 3). Его значение опре-

деляется полными затратами продукции какой-либо отрасли, требуемой для производства продукции других отраслей, при этом высокий уровень означает больший межотраслевой экономический эффект. Было определено, что по полным затратам на один рубль выпущенной продукции обрабатывающие производства конечного спроса лишь незначительно уступают машиностроению, что во многом обеспечивается вовлеченностью российских территорий в цепочки создания конечной продукции потребительского назначения.

Использование межотраслевого инструментария дает возможность определить эффект⁵, который будет получен экономикой при изменении спроса. Предположим, что в результате поддержки потребления резидентами продукции выделенных нами секторов вырос спрос на конечное использование их товаров и услуг (это может произойти в ходе осуществления инвестиционных проектов в сфере промышленности, инфраструктуры, касающихся уровня жизни, и т. д.). Последствием роста конечного спроса в рассматриваемой отрасли станет повышение основных экономических показателей по

⁵ Под эффектом понимается прирост валового выпуска, численности работников и фонда оплаты труда в соответствующих видах экономической деятельности.

Рис. 3. Коэффициенты полных затрат в различных видах экономической деятельности в российской экономике, руб. на 1 руб. продукции в 2016 году

Рассчитано по: таблицы «затраты – выпуск», 2016 год.

полному кругу видов экономической деятельности.

По нашим расчетам, стимулирование спроса на продукцию промышленности конечного спроса в объеме 1 млрд руб. обеспечит в целом по экономике прирост валового выпуска продукции в 2,7 млрд руб., численности работников – на 1043 человек (табл. 1). Кроме того, увеличится фонд заработной платы на 508,7 млн руб. Наибольший эффект стимулирование потребления населением и бизнесом продукции отечественного машиностроения окажет на сельское хозяйство, обрабатывающие производства промежу-

точного спроса, операции с недвижимостью, торговлю и транспорт, поскольку в структуре затрат обрабатывающей промышленности конечного спроса эти отрасли имеют наибольшую долю.

Необходимо именно в секторе промышленности конечного спроса вернуть генерируемую добавленную стоимость. Критически важно осваивать внутренний рынок, ориентированный на спрос населения. В период эпидемической неопределенности огромные усилия сконцентрированы на поддержании спроса – удержании рабочих мест и сохранении доходов. Это правильно, однако

Таблица 1. Эффект от роста спроса на продукцию секторов экономики РФ в объеме 1 млрд руб. в 2020 году

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, %	Прирост валового выпуска, млн руб.	Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
Обрабатывающие производства конечного спроса	1,40	1 242	278,2	108,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,68	394	96,7	30,8
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	0,12	281	24,6	13,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,30	152	141,9	80,7
Оптовая и розничная торговля	0,13	151	75,3	32,0
Транспорт	0,71	119	228,4	130,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,72	87	144,8	74,7
Добыча полезных ископаемых	0,06	78	5,7	5,7
Машиностроение	0,08	71	19,6	10,7
Финансовая деятельность	0,13	54	13,8	15,0
Строительство	0,02	14	3,7	1,7
Рыболовство, рыбоводство	0,19	13	1,2	1,1
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	0,08	12	3,3	1,3
Связь	0,00	5	0,5	0,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,01	5	1,3	0,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,00	4	0,6	0,4
Гостиницы и рестораны	0,00	2	0,1	0,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,01	2	2,8	1,4
Образование	0,00	1	0,4	0,2
В целом по экономике	0,16	2 686	1043	508,7

Рассчитано по: таблицы «затраты – выпуск», 2016 год.

этого недостаточно. Принципиальное значение имеет освоение не только сложных, но и самых простых и объемных рынков. Необходимо путем внедрения современных технологий удлинять цепочки создания стоимости в производстве «простых вещей», создавая дополнительный спрос на высокотехнологичную продукцию. В качестве примера можно привести необходимость модернизации сельского хозяйства: «Заполнить всю технологическую цепочку (семена, удобрения, упаковка, корм), провести цифровизацию предприятий сельского хозяйства (она дает прекрасные результаты,

при этом российские фермы оцифрованы всего на 5%, европейские – на 85%)»⁶.

При стимулировании производства той или иной отрасли важно знать о ее поставщиках, спрос на продукцию которых также вырастет. К примеру, в случае стимулирования сектора конечной продукции почти треть экономического эффекта придется на сельское хозяйство, гостиницы и рестораны, строительство (рис. 4).

Отдельно отметим, что доля импорта в потребляемой населением конечной продукции хотя и снижается, но остается достаточно высокой. Активное использование

⁶ Гурова Т. (2020). Ситцевая модернизация против коронакризиса // Эксперт. № 21. С. 13–19.

Рис. 4. Структура промежуточного потребления сектором конечной продукции других отраслей экономики в 2016 году, % к итогу

Рассчитано по: таблицы «затраты – выпуск», 2016 год.

Таблица 2. Доля импорта в отраслевых ресурсах, потребляемых населением, % к итогу

Наименование отрасли	Доля импорта в отраслевых ресурсах, потребляемых населением		Доля в общем объеме импортированной продукции конечного потребления	
	2011 год	2016 год	2011 год	2016 год
Машиностроение	55,0	55,4	26,7	22,9
Обрабатывающая промышленность промежуточного спроса	36,0	33,1	12,3	14,5
Обрабатывающая промышленность конечного спроса	27,1	26,4	47,9	49,6
Промышленность инвестиционного спроса	32,5	24,4	0,5	0,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	20,2	19,3	8,9	8,3
Добыча полезных ископаемых	24,3	15,8	0,1	0,1
Рыба и прочая продукция рыболовства и рыбоводства	18,3	7,3	0,2	0,1
Услуги транспорта и связи	4,2	5,0	2,9	3,5
Услуги в области образования	0,2	0,9	0,1	0,5
Прочие отрасли	0,5	0,1	0,3	0,2
Итого доля импорта в конечном использовании	8,8	8,8	100,0	100,0

Рассчитано по: таблицы «затраты – выпуск», 2011, 2016 гг.

в качестве ресурсов для обрабатывающей промышленности конечного спроса продукции зарубежного производства значительно снижает эффект от ее стимулирования,

однако способно стать драйвером развития прочих отраслей (табл. 2).

В пространственном аспекте был определен относительный прирост выпуска про-

дукции по федеральным округам от замены импортируемой продукции промышленно-сти конечного спроса на произведенную в России (рис. 5). Центральный федеральный округ получит наибольший эффект – его доля составит почти треть. Меньше будет выпущено продукции в Северо-Западном и Приволжском федеральных округах и лишь одна пятая придется на все остальные округа.

Однако, несмотря на то что доля ряда федеральных округов в общем производстве российской продукции промышленности конечного спроса незначительна, этот сектор занимает определенную долю в валовом

выпуске территорий (табл. 3). Так, в большинстве округов представлено производство готовых металлических изделий, СКФО – второй в стране по доле полиграфической и издательской деятельности в структуре выпуска, а ДВФО обладает перспективами дальнейшего развития экспортоориентированных производств пищевой и ювелирной продукции.

При стимулировании производства той или иной отрасли важно понимать, кто является потребителями ее продукции. В промежуточном потреблении продукции обрабатывающей промышленности конечного

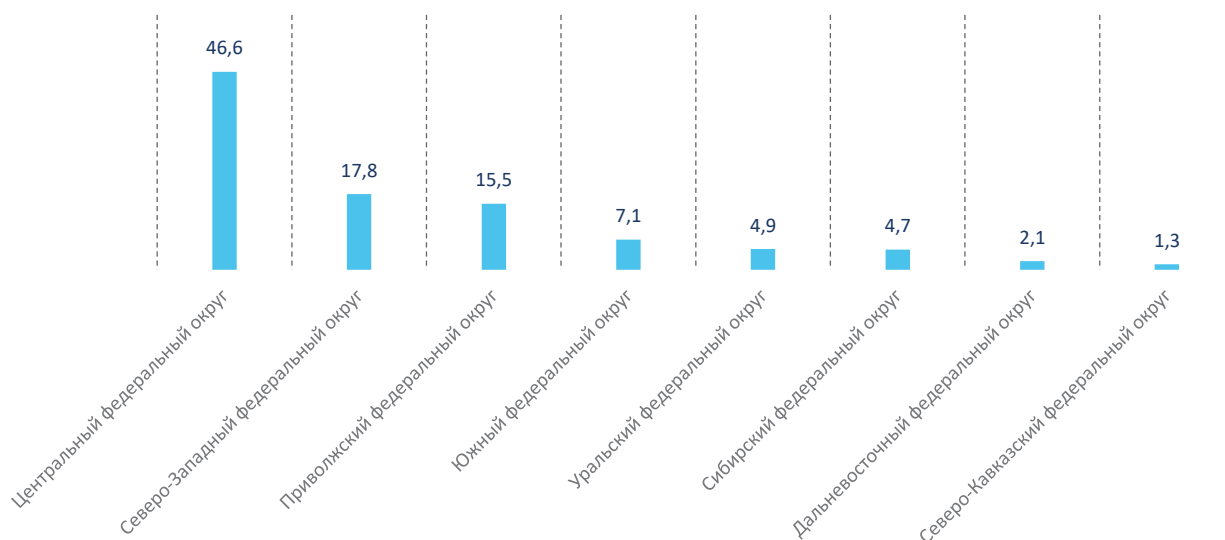

Рис. 5. Территориальное распределение экономического эффекта от замены импортируемой продукции промышленности конечного спроса на продукцию, произведенную в России, в 2020 году, % к итогу
 Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 3. Удельный вес обрабатывающей промышленности конечного спроса в 2020 году, % к общему объему выпуска федеральных округов

Наименование отрасли	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДВФО
Обрабатывающая промышленность конечного спроса	10,35	11,59	13,84	16,36	15,08	11,34	3,82	5,63	5,79
Пищевая промышленность	6,44	7,18	7,75	12,61	13,93	6,74	1,69	4,20	5,21
Текстильные изделия, кроме одежды и ее аксессуаров	0,20	0,30	0,25	0,29	0,05	0,17	0,02	0,06	
Одежда и ее аксессуары	0,12	0,16	0,10	0,40		0,11	0,01	0,03	
Кожа и изделия из кожи	0,05	0,07	0,03	0,06		0,05	0,02	0,01	
Целлюлозно-бумажное производство	0,87	0,55	3,31	0,69		0,95	0,06	0,21	
Полиграфическая и издательская деятельность	0,19	0,16	0,65	0,12	0,31	0,12	0,01	0,11	0,02
Готовые металлические изделия	2,19	2,79	1,37	2,06	0,52	2,86	1,95	0,97	0,15
Прочие производства	0,29	0,39	0,37	0,14	0,27	0,34	0,06	0,03	0,41

Рассчитано по: данные Росстата.

Рис. 6. Промежуточное потребление продукции сектора промышленности конечного спроса в 2016 году, %

Рассчитано по: таблицы «затраты – выпуск», 2016 год.

спроса (кроме самой этой отрасли) преобладают сельское хозяйство, обрабатывающие производства промежуточного спроса, а также оптовая и розничная торговля, на долю которых приходится 57,9% от общего объема потребления электроники (рис. 6).

Добавим, что важно развивать производство продукции обрабатывающей промышленности конечного спроса и в тех регионах и округах, где нет достаточно большого внутреннего рынка. По нашему мнению, результативной также будет реализация инвестиционных программ в смежных с этим сектором отраслях (в особенности импортозависимом сельском хозяйстве, а также секторе разработки требуемого программного обеспечения и предоставления сопроводительных услуг) с опорой на пространственное распределение эффекта от удлинения межрегиональных цепочек создания стоимости. Таким образом, станет возможным укрепление курса на уменьшение территориального экономического дисбаланса.

Обсуждение и заключение

1. Выявлено, что стимулирование ключевого для российской экономики сектора промышленности промежуточного спроса

вызывает прямой позитивный эффект. В то же время важно учитывать, что этот сектор оказывает лишь ограниченное влияние на технологическое развитие экономики. Межотраслевой эффект от стимулирования спроса на продукцию сектора конечного спроса существенно занижен по причине импортозависимости и слабой производственной кооперации отраслей внутри страны. Переход на использование отечественной компонентной базы дополнительно ускорит экономический рост.

2. Для развития внутреннего рынка региона требуется применять целенаправленные усилия по ликвидации барьеров развития промышленности, важными этапами могут стать образование повышенного внутреннего спроса на местные товары и услуги, интеграция местных производителей в межрегиональные цепочки создания стоимости, повышение потребительской и инвестиционной привлекательности секторов.

3. Расчеты, выполненные с использованием построенной нами межотраслевой модели, позволили определить территориальное распределение эффекта от дополнительного спроса на продукцию машиностроения в ходе импортозамещения. Выявлены отчетливые пространственные

диспропорции: большая часть эффекта придется на Центральный, Северо-Западный и Приволжский федеральные округа, что обуславливает целесообразность использования их мощностей в качестве материальной базы для ускорения секторального развития. В условиях хронической нехватки средств для встраивания прочих территорий в производственные цепочки оптимально начинать со смежных отраслей, включая сферу разработки программного

обеспечения и предоставления сопроводительных услуг.

Подытоживая, стоит добавить, что результаты исследования вносят вклад в развитие методических аспектов, сопряженных с оценкой влияния секторов на экономику регионов, а также потенциального эффекта от поддержки отраслей. В дальнейшем мы планируем продолжать углубляться в тематику регионального и межрегионального межотраслевого моделирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Аганбегян А. (2018). Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 11–27.
- Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. (2018). Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 27–34.
- Мурадов К.Ю., Пономаренко А.Н. (2014). Аналитические возможности альтернативной статистики цепочек создания добавленной стоимости в товарных потоках // Вопросы статистики. № 9. С. 12–23.
- Погосов И.А. (2010). Тенденции изменения структуры экономики России после кризиса 1998 года. М.: Институт экономики РАН. 44 с.
- Саяпова А.Р. (2011). Региональная дифференциация коэффициентов прямых затрат в симметричных таблицах «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 5 (128). С. 39–47.
- Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. (2022). Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. № 6. С. 5–25.
- Сухарев О. (2018). Изменение макроэкономической политики для обеспечения экономического роста в 2018–2024 гг. // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 113–119.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Хубиев К. (2015). Проблемы структурной перестройки экономики на новой промышленной основе // Экономист. № 8. С. 12–22.
- Adarkwah G.K., Malonaes T.P. (2022). Firm-specific advantages: A comprehensive review with a focus on emerging markets. *Asia Pacific Journal of Management*, 39, 539–585. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10490-020-09737-7>
- Gereffi G., Bamber P., Frederick S., Fernandez-Stark K. (2013). *Costa Rica in Global Value Chains: An Upgrading Analysis*. Duke Center on Globalization, Governance & Competitiveness.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. (2011). *Global Value Chain Analysis: A Primer*. Center of Globalization, Governance & Competitiveness, Duke University, Durham, North Carolina, USA.
- Gibbon P. (2001). Upgrading Primary Production: A Global Commodity Chain Approach. *World Development*, 29 (2), 345–363.
- Kaplinsky R. (2013). Global value chains: Where they came from, where they are going and why this is important. *IKD Working Paper No. 68*. Milton Keynes, UK: The Open University.
- Lin J.Y. (2012). *Structural economics. A framework for rethinking development and policy*. Washington, DC: World Bank.
- Ming Y., Meng B., Wei S. (2015). Measuring smile curves in global value chains. *IDE Discussion Paper No. 530*. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization. Available at: <http://doi.org/10.20561/00037644>

- Park S., Park I. (2021). The value-added creation effect of industry position in global value chains: Implications for Asia-Pacific economies. *Asian-Pacific Economic Literature*, 35 (2), 95–122. Available at: <https://doi.org/10.1111/apel.12329>
- Rodrik D. (2011). Comments on «New structural economics» by Justin Yifu Lin. *The World Bank Research Observer*, 26 (2), 227–229. Available at: <https://doi.org/10.1093/wbro/lkr008>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Sidorov M.A.

ON ACCELERATING THE ECONOMIC GROWTH OF RUSSIAN REGIONS BASED ON THE DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL VALUE CHAINS

The current development problems of Russian territories are aggravated against the background of the turbulence of the world and Russian economy, which is reflected in increased market volatility, instability of the international financial system, slowing down the formation of new transnational production chains, decrease in investment flows, and decline in real incomes of the population. In crisis conditions, an urgent task for Russian regions is to search for the most promising economic sectors that can become growth drivers for the entire socio-economic system. This task is specific due to the vast spaces and the high degree of polarization of the country's economic field. In this regard, the purpose of the research is to substantiate the development of interregional value chains in the direction of consumer goods production ("economy of simple things") and to assess the economic effect of creating additional demand. To achieve the goal, we have solved the following tasks: we have aggregated industries according to the purpose of their products (final, intermediate and investment demand, as well as mechanical engineering), calculated and evaluated the economic effects of their stimulation, and considered the contribution of territories. The methodological basis of the research is general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, as well as tools based on the methodology of intersectoral balance. The calculations have made it possible to identify problems and limitations for the growth of machine-building industries, to prove the importance of the mechanical engineering development, which is expressed in an increase in the main economic indicators. We have determined that the industrial products production for final consumption has the second largest multiplier effect after mechanical engineering, while the development of commodity production in the consumer sphere is characterized by significantly less complexity, resource intensity and knowledge intensity, and therefore it is advisable to accelerate the development of the sector of end-use products. The research results can be used to develop strategic documents for spatial development, programs for the development of economic sectors and industrial clusters. In the future, we will continue searching for new growth points and the most promising areas of structural changes for the transition of regions and the country as a whole to sustainable socio-economic development.

Region, Russian economy, economy, value chains, final products, intersectoral balance, industrial development.

REFERENCES

- Adarkwah G.K., Malonaes T.P. (2022). Firm-specific advantages: A comprehensive review with a focus on emerging markets. *Asia Pacific Journal of Management*, 39, 539–585. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10490-020-09737-7>
- Aganbegyan A. (2018). Why is the Russian economy marking time? *Problemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 3, 11–27 (in Russian).
- Gereffi G., Bamber P., Frederick S., Fernandez-Stark K. (2013). *Costa Rica in Global Value Chains: An Upgrading Analysis*. Duke Center on Globalization, Governance & Competitiveness.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. (2011). *Global Value Chain Analysis: A Primer*. Center of Globalization, Governance & Competitiveness, Duke University, Durham, North Carolina, USA.
- Gibbon P. (2001). Upgrading Primary Production: A Global Commodity Chain Approach. *World Development*, 29(2), 345–363.
- Ivanter V., Porfir'ev B., Shirov A. (2018). Structural aspects of long-term economic policy. *Problemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 3, 27–34 (in Russian).
- Kaplinsky R. (2013). Global value chains: Where they came from, where they are going and why this is important. In: *IKD Working Paper № 68*. Milton Keynes, UK: The Open University.
- Khubiev K.A. (2015). Problems of structural adjustment of the economy on a new industrial basis. *Ekonomist=The Economist*, 8, 12–22 (in Russian).
- Lin J.Y. (2012). *Structural Economics. A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington, DC: World Bank.
- Ming Y., Meng B., Wei S. (2015). Measuring smile curves in global value chains. In: *IDE Discussion Paper No. 530*. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization. Available at: <http://doi.org/10.20561/00037644>
- Muradov K.Yu., Ponomarenko A.N. (2014). Analytical potential of an alternative statistics on creation chains fro trade flows in value added. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*, 9, 12–23 (in Russian).
- Park S., Park I. (2021). The value-added creation effect of industry position in global value chains: Implications for Asia-Pacific economies. *Asian-Pacific Economic Literature*, 35(2), 95–122. Available at: <https://doi.org/10.1111/apel.12329>
- Pogosov I.A. (2010). *Tendentsii izmeneniya struktury ekonomiki Rossii posle krizisa 1998 goda* [Trends in the Structure of the Russian Economy after the 1998 Crisis]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Rodrik D. (2011). Comments on “New structural economics” by Justin Yifu Lin. *The World Bank Research Observer*, 26(2), 227–229. Available at: <https://doi.org/10.1093/wbro/lkr008>
- Sayapova A.R. (2011). Regional differentiation of direct cost coefficients in symmetric input–output tables. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5(128), 39–47 (in Russian).
- Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G. (2022). Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 5–25 (in Russian).
- Sukharev O. (2018). Changing macroeconomic policy to ensure economic growth in 2018–2024. *Problemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 3, 113–119 (in Russian).
- Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. (2013). *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of Economic Growth of the Territory]. Vologda: ISERT RAN.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.3

УДК 338.43 (571.6) | ББК 65.9

© Леонов С.Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ЗАКОНОПРОЕКТА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ»

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

В статье с использованием общенаучных методов исследования выполнен анализ теоретических подходов к совершенствованию территориальной реформы местного самоуправления в России, заложенных в рамках прошедшего в Государственной Думе первое чтение законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Показано, что в рассматриваемом законопроекте понятие «местное самоуправление» трактуется не как форма народовластия, а лишь как форма самоорганизации граждан. Особое внимание уделяется анализу аргументов относительно укрупнения муниципальных образований, формированию одноуровневой системы местного самоуправления в Российской Федерации, сокращению числа муниципалитетов и оценке последствий предлагаемой новой системы ответственности для глав муниципальных образований. Показано, что заложенный в проект федерального закона отказ от многоуровневой системы местного самоуправления не позволяет перейти к декларируемому в законопроекте новому принципу образования органов местного самоуправления в привязке к населению, преодолеть проблемы, связанные с хроническим дефицитом местных бюджетов или устранить практику передачи полномочий между муниципальными образованиями разного уровня. Главной причиной выявленной ситуации явля-

Для цитирования: Леонов С.Н. (2022). Перспективы реформирования местного самоуправления в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 24–38. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.3

For citation: Leonov S.N. (2022). Prospects for reforming local self-government in the light of the bill “On general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority”. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 24–38. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.3

ется слабая проработка в законопроекте вопросов экономической эффективности укрупнения (слияния) муниципалитетов. Выполненный анализ показывает, что законодательные инициативы, реализующиеся в России под лозунгом повышения эффективности функционирования местного самоуправления, в случае реализации могут привести к ослаблению данного института и усилению вертикали власти. Институт местного самоуправления после принятия законопроекта будет подвергнут дальнейшей «ползучей унитаризации», демонстрируя усиление тенденции на устранение автономности, самостоятельности и независимости российского местного самоуправления. Научная новизна работы состоит в обосновании теоретических и практикоориентированных предложений по совершенствованию социально-экономической составляющей реформы.

Местное самоуправление, муниципальные образования, территориальная реформа, органы местного самоуправления, Россия.

Введение

Реализация муниципальной реформы в России показывает, что обострение проблем реформирования местного самоуправления (МСУ) совпадает по времени с периодом пандемии коронавируса (2019–2021 гг.), принятием поправок в Конституцию РФ (2020 год), одобрением в декабре 2021 года закона о публичной власти, принятого как реакция законодательной системы на конституционные поправки 2020 года (Бухвальд и др., 2020; Ворошилов, 2021; Широков, Юркова, 2022). Наличие большого числа проблем в реализации реформы местного самоуправления зачастую порождает, как отмечается в литературе (Юркова, 2016), стремление к революционному пути их решения, возврату к «истокам», отказу от ориентации на «западную» модель местного самоуправления, к усилению тенденции централизации власти, утвердившейся, как заявляют сторонники данного подхода, в российском общественном сознании.

Представляется, что названные тезисы как минимум не бесспорны (Ковров и др., 2020; Леонов, 2021с). Мировой опыт организации местного самоуправления показывает, что не существует единой «западно-европейской» или, тем более, «западной модели» местного самоуправления. В трех наиболее значимых государствах Европы (Великобритании, Франции и Германии)

модели местного самоуправления разнятся формами организации, компетенцией, степенью централизации (Акмалова, 2001). Более того, даже в рамках одного государства, например Германии, модели могут отличаться (Исупова, Берр, 2009), а в США вообще каждый штат имеет свою модель местного самоуправления¹.

Состоявшаяся в 2020 году конституционная реформа среди изменений, связанных с политическим устройством федеральной власти и закреплением ряда социальных гарантий, непосредственно коснулась проблем местного самоуправления, декларируя, в частности, вовлечение местного самоуправления в юридически недоопределенную «единую систему публичной власти» в России². Уже одно это утверждение заставляет внести изменения в вопрос организации местного самоуправления. Требуется, как минимум, понять роль МСУ и то, как оно будет функционировать в этой «единой публичной системе власти».

Кроме того, в Государственной Думе 25 января 2022 года в первом чтении прошли обсуждения проекта Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³, предполагающего, в случае его принятия, коренным образом реформировать российскую систему местного

¹ Кормушкина Н.В. (2010). Конституционное право зарубежных стран. М.: Институт экономики и права Ивана Кушнера. URL: <https://be5.biz/pravo/k038/index.html>

² Ст. 132, п. 3 Конституции РФ, ред. 2020 г. // Конституция России. Все редакции. URL: <http://konstitucija.ru>

³ Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

самоуправления, заложенную в свое время ФЗ-131⁴. Разработка нового законопроекта объясняется огромным количеством изменений, которые вносились и продолжают вноситься в действующий ФЗ-131, что превратило его в своеобразное нормативно-законодательное «лоскутное одеяло»⁵.

Проект нового закона, получивший в средствах массовой информации наименование «закон Клишаса – Крашенинникова», по имени его авторов, вызвал неоднозначную реакцию в обществе. В нашей статье в качестве цели обозначена научная оценка законопроекта с точки зрения влияния реформы МСУ на процессы социально-экономического развития муниципалитетов и роли населения в управлении на местном уровне.

Попытаемся выявить перспективы местного самоуправления и оценить потенциал воздействия на состояние местного самоуправления закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в случае его одобрения депутатским корпусом, рассмотрим ключевые моменты, которые должны будут определять особенности современного этапа местного самоуправления согласно положениям названного законопроекта.

Результаты исследования

Одно из главных отличий нового законопроекта от действующего (ФЗ-131) заключается в самой трактовке понятия «местное самоуправление». В первой статье

нового законопроекта, в отличие от действующего 131-ФЗ, понятие «местное самоуправление» трактуется не как форма народовластия, а лишь как форма самоорганизации граждан⁶. Подобный подход к трактовке местного самоуправления изначально конфликтует с понятием местного самоуправления, заложенным в Европейской хартии МСУ⁷, и создает угрозу низведения последнего до уровня территориального общественного самоуправления, которое, как отдельная форма самоорганизации населения по территориальному признаку, существует и в действующем законе и рассматривается в новом законопроекте о местном самоуправлении. Не случайно данное в новом законопроекте определение понятия «местное самоуправление» подвергается самой сильной критике на этапе представления отзывов на законопроект. К середине июня 2022 года по первой главе, наименьшей в законопроекте и насчитывающей всего 8 статей, было внесено свыше 50 замечаний, из которых рекомендовано к принятию 17 поправок⁸.

Одноуровневая система местного самоуправления

Большое число нареканий вызывает и новация, связанная с реформой территориальной организации местного самоуправления и, как следствие, с изменением структуры и числа действующих муниципалитетов.

Авторы законопроекта считают, что существующая система местного самоуправления, декларирующая возможность существования

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Информационно-правовая база «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/186367>

⁵ Только с октября 2003 года по апрель 2022 года различные дополнения в ФЗ-131 были внесены 145 нормативно-законодательными актами. И это без учета законов, которые оказывали влияние на местное самоуправление через изменение отдельных отраслевых законодательных норм.

⁶ В ст. 1 законопроекта постулируется: «Местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией РФ настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами».

⁷ Европейская хартия местного самоуправления (1985). Серии европейских договоров. № 122. 15 октября 1985 // Council of Europe. Страсбург. URL: <https://rm.coe.int/168007a105>

⁸ Пенизев М. (2022). Реформу местного самоуправления заморозят? Коммунисты настаивают на введении моратория на реформы госуправления на период спецоперации. URL: https://zakon.ru/blog/2022/6/14/reformu_mestnogo_samoupravleniya_zamorozyat_kommunisty_nastaivayut_na_vvedenii_moratoriya_na_reformy#_ftnref1

муниципальных образований 8 видов⁹, является избыточной. В результате предлагается сохранить лишь три вида муниципальных образований: городские и муниципальные округа, а также внутригородские территории городов федерального значения. В законопроекте предложено отказаться от сложных «матрешечных» конструкций (многоуровневых муниципальных образований), когда сельские и городские поселения входят в состав муниципального района, заменив их одним муниципальным образованием – муниципальным (или городским) округом.

При этом сами требования к образованию городских округов не меняются. Предлагается использовать те же критерии, которые существуют и в действующем ФЗ-131¹⁰. Другими словами, все муниципальные образования, по плотности населения не подходящие под критерии городского округа, в проекте нового закона предлагается преобразовать в муниципальные округа, которые «поглотят» муниципальные районы и входящие в них городские и сельские поселения.

Напомним, что в Конституции РФ с момента ее принятия в 1993 году до конституционной реформы 2020 года сохранялся «поселенческий принцип» организации местного самоуправления¹¹. В отличие от этого новый законопроект концентрируется на идее централизации, воплощающей концепцию единства системы публичной власти, заложенную в редакции Конституции РФ 2020 года¹².

Фактическая практика муниципально-го строительства, в ряде регионов частично

опережавшая опыт федерального регулирования и de facto состоявшая в укрупнении муниципальных образований, может получить с принятием данного законопроекта свое завершение de jure (Леонов, 2021b). Речь о том, что активизировавшийся в 2015–2017 гг. в регионах процесс реального укрупнения муниципальных образований привел к преобразованию в ряде субъектов РФ двухуровневой системы местного самоуправления, включавшей муниципальные районы с городскими и сельскими поселениями, в одноуровневую, базирующуюся только на городских округах. Например, в это время два дальневосточных субъекта Федерации сформировали одноуровневые системы местного самоуправления, базирующиеся на 9 (Магаданская область) и 18 (Сахалинская область) городских округах соответственно.

Можно выделить несколько причин стремления к укрупнению муниципальных образований. Во-первых, экономические причины, так как дисбаланс по линии «полномочия – бюджетная обеспеченность муниципалитетов» многократно становился предметом дискуссий на разных уровнях. Подобные тенденции были характерны для процессов совершенствования системы местного самоуправления в большинстве стран мира¹³. Во-вторых, триггером территориальной трансформации для российских муниципалитетов стало то, что ФЗ-87 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁴

⁹ Согласно действующему федеральному закону (131-ФЗ) в российской системе местного самоуправления выделяются следующие виды муниципальных образований: сельские и городские поселения, муниципальные районы, городские и муниципальные округа, городские округа с внутригородскими районами, а также внутригородские территории городов федерального значения.

¹⁰ В ст. 2 131-ФЗ отмечается: «Городской округ – один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, ... при этом не менее двух третей населения такого муниципального образования проживает в городах и (или) иных городских населенных пунктах».

¹¹ В ст. 131 п. 1 Конституции РФ 1993 года постулировалось, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно» (Конституция РФ, 1993 г. // Конституция России. Все редакции. URL: <http://konstitucija.ru>)

¹² Ст. 132, п. 3 Конституции РФ, ред. 2020 г. // Конституция России. Все редакции. URL: <http://konstitucija.ru>

¹³ Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings (2019). OECD/UCLG. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf

¹⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814

Таблица. Динамика числа муниципальных образований в Российской Федерации по видам (на 1 января текущего года), ед.

Вид муниципального образования	2007 год	2010 год	2015 год	2021 год
ВСЕГО	24200	23907	22923	20303
в том числе				
Муниципальные районы	1793	1829	1823	1606
Городские округа	520	512	535	630
Муниципальные округа	-	-	-	100
Городские округа с внутригородским делением	-	-	-	3
Внутригородские районы	-	-	-	19
Внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения	236	236	267	267
Городские поселения	1732	1739	1644	1346
Сельские поселения	19919	19591	18654	16332
Составлено по: данные сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263				

с 1 мая 2019 года законодательно ввел новый вид муниципальных образований – муниципальный округ. Если до 2019 года многие субъекты РФ воздерживались создавать преимущественно сельских территориях городские округа, то юридическое закрепление понятия «муниципальный округ» сняло этот барьер. В результате уже к началу 2021 года в субъектах РФ появилось 100 муниципальных округов (табл.). Наибольшее число вновь сформированных муниципальных образований (округов) отмечалось в Пермском (18), Ставропольском (16) краях, Кемеровской (13) и Нижегородской (11) областях.

Более того, можно прогнозировать, что к 1 января 2025 года количество муниципальных округов значительно увеличится, так как одновременно с введением понятия «муниципальный округ» ФЗ-87 ввел ряд критериев «урбанизации» для городских округов, включающих требования к доле городского населения, доле площади городских территорий и плотности населения. В случае если городские округа из тех, что были сформированы из муниципальных районов в последние годы, установленным критериям не соответствуют, их следует преобразовать в муниципальные округа.

Представляется, что разработчики нового законопроекта о местном самоуправлении увидели в идущем *de facto* процессе укрупнения муниципалитетов более эффективную концентрацию полномочий и финансов на верхнем уровне местного самоуправления. Для облегчения финансовых взаимоотношений субъекта РФ с входящими в его состав муниципалитетами они постарались в законопроекте реализовать отмененную в редакции 2020 года конституционную парадигму о поселении как основе системы местного самоуправления в России. Не случайно в пояснительной записке к законопроекту переход на одноуровневую модель местного самоуправления они мотивируют тем, что для организации местной власти приоритетом является не территория, а привязка к населению¹⁵.

Принцип привязки к населению

Разработчики законопроекта предполагают, что отказ от многоуровневой системы местного самоуправления поможет «перейти к новому принципу образования органов местного самоуправления в привязке к населению, преодолеть проблемы, связанные с хроническим дефицитом местных бюджетов».

¹⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

тов, а также избавиться от практики передачи полномочий между муниципальными образованиями от одного уровня другому»¹⁶.

К сожалению, принцип укрупнения муниципалитетов и привязки местного самоуправления к населению больше звучит как рекламный слоган, чем как реальная составляющая реформы местного самоуправления. Остается не проработанным вопрос об экономической эффективности укрупнения (слияния) муниципалитетов, данный процесс следует обосновывать не только качественными аргументами, но и количественными выкладками (Леонов, 2021а; Маркварт и др., 2022; Ivanyna, Shah, 2014).

Действительно, принцип сокращения числа муниципальных образований с конца 1960-х гг. является заметным мировым трендом¹⁷ (Fujita et al., 2000; Temple, 1994). При этом существующие (в основном положительные) оценки результатов проведенных территориальных реформ также базируются главным образом на качественном анализе экономических последствий подобных слияний.

Оценки экономической эффективности произведенных в зарубежных странах муниципальных реформ в части укрупнения муниципалитетов немногочисленны. Анализ результатов публикаций, содержащих оценки экономической эффективности произведенных в Евросоюзе и в других странах укрупнений муниципалитетов показал, что чаще всего слияния муниципалитетов инициируются и стимулируются органами государственной власти путем выделения реформируемым муниципалитетам целевых дотаций в первые годы их объединения. При этом ожидаемая экономия на административных расходах даже если и наблюдается, то перекрывается ро-

стом расходов по исполнению основных полномочий муниципалитета (на образование и здравоохранение) в силу объективных особенностей оказания публичных услуг на местном уровне. В результате аналитики делают обобщающий вывод о спорности широко распространенного аргумента в пользу муниципальных слияний – достижения экономии на масштабе (Dollery et al., 2007; Pevcin, 2017a; Pevcin, 2017b).

Отметим, что подобные выводы об экономической эффективности слияния муниципалитетов встречаются и в публикациях российских исследователей как на основе анализа зарубежных работ (Маркварт, Францке, 2017), так и в ходе оценки российской действительности¹⁸.

При оценке эффективности слияния муниципальных образований необходимо исходить из двух критериев – экономической эффективности и обеспечения доступа населения к местному самоуправлению.

При этом распространенная тенденция касается трактовки доступа к МСУ в узком, «пассивном» смысле, лишь как возможность населения получить услугу. Однако даже если не учитывать отмеченный выше факт, что выигрыш в части эффективного предоставления услуг не вполне очевиден, в процессе укрупнения муниципалитетов игнорируется второй, «активный» аспект доступа к МСУ – возможность населения непосредственно участвовать в осуществлении местного самоуправления (Пузанов, Попов, 2017; Пузанов, 2021), поскольку в противном случае «вместо формирования активных местных сообществ по мере укрупнения выстраивается командно-административная система отношений населения и местной власти» (Бабун, 2016, с. 90).

¹⁶ Пенизев М. Доклад П.В. Крашенинникова в Государственной Думе РФ о реформе местного самоуправления: вопросов больше, чем ответов. URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/30/doklad_pv_krashennnikova_v_gosudarstvennoj_dume_rf_o_reforme_mestnogo_samoupravleniya_voprosov_bols

¹⁷ Multi-Level Governance Reforms: Overview of OECD Country Experiences (2017). Eds. by I. Chatry, K. Hulbert. OECD Multi-Level Governance Studies. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264272866-en>; Decentralization: A Sampling of Definitions (1999). UNDP. Working Paper. URL: http://web.undp.org/evaluation/documents/decentralization_working_report.pdf

¹⁸ Озерова М. Вертикаль власти воткнется в землю // Московский комсомолец. № 28719 от 7 февраля 2022 г. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/06/nazvany-posledstviya-reformy-mestnogo-samoupravleniya-dobyut-okonchatelno.html>

Сокращение числа муниципалитетов

По оценкам инициаторов законопроекта количество муниципальных образований, которых на сегодня в России насчитывается 20,3 тысячи, должно сократиться с принятием законопроекта вдвое¹⁹. При этом отмечается, что вопросы преобразования муниципальных образований будут находиться в ведении властей субъектов Федерации.

Отметим, что планируемое сокращение в два раза представляется слабо обоснованным, поскольку, как видно из данных таблицы, из 20,3 тысячи муниципальных образований свыше 16,3 тысячи приходится на сельские поселения. Вряд ли можно предположить, что большая часть из них сможет стать полноценными самостоятельными муниципальными образованиями. Скорее они будут «поглощены» вновь формируемыми городскими или муниципальными округами, а число муниципальных образований в этом случае может сократиться в 3–4 раза, до 5–6 тысяч, перечеркнув все надежды на организацию эффективной самоорганизации граждан в рамках рациональной функционирующей системы местного самоуправления. Напомним, что на старте реформы Минфин России насчитывал в стране лишь 5,5 тыс. местных бюджетов²⁰.

Органы местного самоуправления

Серьезных изменений действующей системы органов местного самоуправления в проекте не предусматривается. В муниципальных образованиях останутся местная администрация, представительный орган и глава муниципального образования. Изменения коснутся сроков полномочий, он должен стать общим – пять лет.

Изменяются и способы назначения главы муниципального образования. Точнее, муниципальные выборы и избрание главы муниципального образования депутатами из своего состава предполагается оставить, но конкурсный отбор, когда кандидаты на должность главы муниципального образования проходили специальный конкурс²¹, на уровне муниципальных образований планируется заменить отбором кандидатов на прямую главой субъекта РФ.

Нововведением явится и то, что глава муниципального образования, рекомендованный главой субъекта РФ, получит «смешанный» статус. Он будет возглавлять местную администрацию как «лицо, замещающее муниципальную должность», а в целях «укрепления единой системы публичной власти» будет одновременно находиться на государственной должности субъекта РФ. Механизм того, как подобная схема должна работать, к сожалению, не прописан.

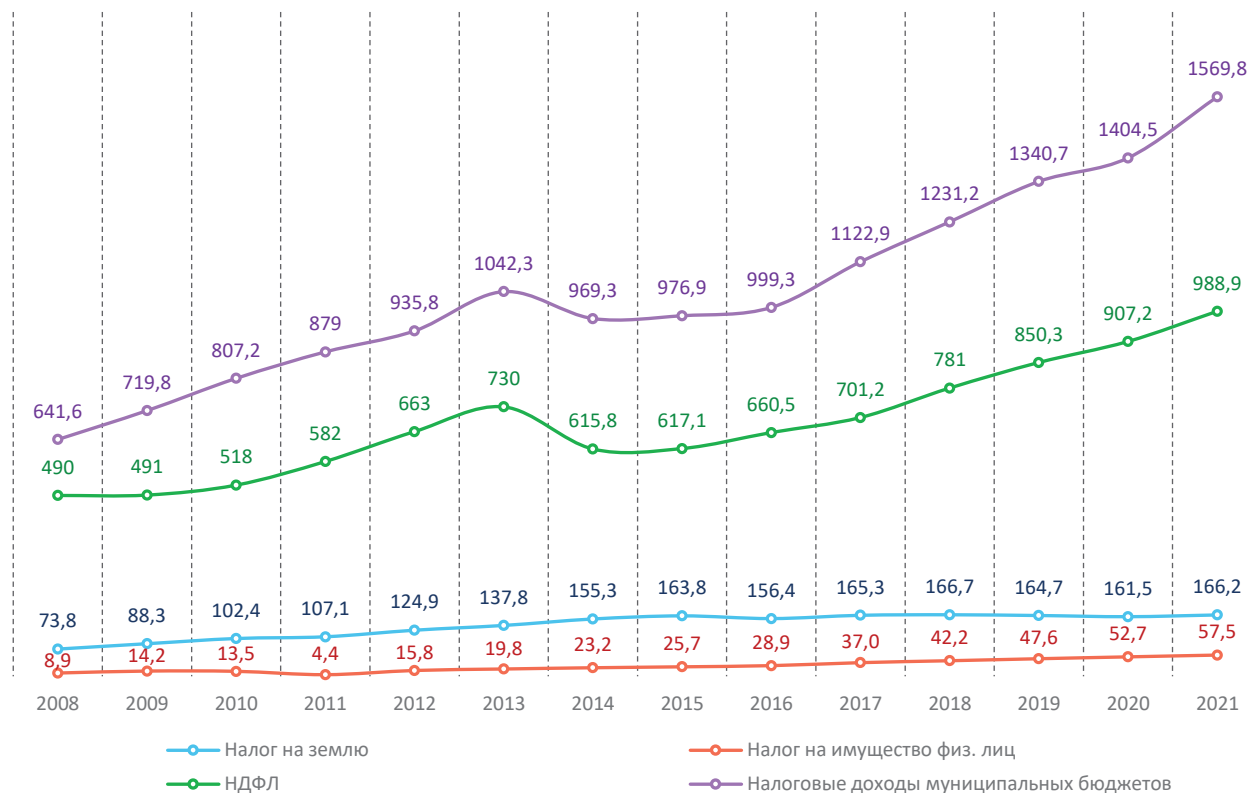
Новая ответственность для главы муниципального образования

Предполагается, что высшее должностное лицо субъекта РФ будет вправе вынести предупреждение, объявить выговор главе муниципального образования, главе местной администрации за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта РФ, что не соответствует декларирующимся в законопроекте принципам ухода от «жонглирования» полномочиями между уровнями власти.

¹⁹ Пенизев М. Доклад П.В. Крашенинникова в Государственной Думе РФ о реформе местного самоуправления: вопросов больше, чем ответов. URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/30/doklad_pv_krashennnikova_v_gosudarstvennoj_dume_rf_o_reforme_mestnogo_samoupravleniya_voprosov_bols

²⁰ Проблемы и перспективы муниципальной реформы Российской Федерации (2008) : Доклад Института экономики РАН и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; рук. авт. кол. С.Д. Валентей, Т.Я. Хабриева. М. С. 18.

²¹ В процессе конкурсного отбора кандидат оценивался конкурсной комиссией, которая на уровне сельских и городских поселений формировалась 50/50 представительным органом поселения и представительным органом муниципального района. В муниципальных районах 50% членов комиссии назначались представительным органом района, а другие 50% – главой субъекта РФ.

Рис. Динамика налоговых доходов местных бюджетов в целом по РФ, млрд руб.

Составлено по: Финансовые взаимоотношения с регионами и муниципальными образования (2022) / Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/operational/municipalities> (дата обращения март 2022).

Еще одним новым основанием для отправки в отставку является систематическое недостижение неких социально-экономических показателей, конкретный перечень которых в настоящее время отсутствует. При этом сослаться на Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»²² не получится, так как в этом указе нет критериев эффективности для оценки деятельности глав муниципальных образований.

Учитывая отсутствие положений, блокирующих осуществление контроля за органами местного самоуправления со стороны органов государственной власти, а также уси-

ление ответственности органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, необходимо, как минимум, уточнить положение законопроекта о подконтрольности и подотчетности главы муниципального образования.

Стимулирование финансовых возможностей муниципальных образований особенно важно в силу хронического недофинансирования процессов муниципального развития (Левина, 2017). Большую часть налоговых доходов местных бюджетов в РФ (от 77 до 85%) формируют три налога – налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на имущество физических лиц, налог на землю (рис.).

Особая роль в перераспределении налоговых доходов принадлежит налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) (Печенская-Полищук, 2020). Изначально норматив перечисления федерального НДФЛ в региональ-

²² Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68. URL: <https://base.garant.ru/400281504>

ные бюджеты составлял 10%, затем был увеличен до 20%, а в 2014 году снижен до 15%. Как видно из данных рисунка, норматив перераспределения НДСФЛ значительно влияет на доходы местных бюджетов, определяя объем и структуру местных бюджетных доходов, являющихся главным источником финансирования регионального развития.

Преобладание в местных доходах российских бюджетов долевых налогов (НДСФЛ) при одновременной невысокой доле местных налогов – важная особенность, отличающая российскую систему организации МСУ от зарубежных аналогов. Если в большинстве стран Европы доля местных налогов в доходах муниципальных бюджетов превышает 30–40%²³, то в РФ налог на имущество физических лиц и земельный налог, относимые к местным налогам и целиком зачисляемые в местные бюджеты, формируют менее 15% доходов местных бюджетов. Это один из самых низких показателей среди европейских стран.

В качестве целевых направлений по укреплению финансовых основ функционирования российских муниципалитетов следует совершенствовать инструменты развития доходной базы местных бюджетов. Речь идет о решенной в значительном числе зарубежных стран проблеме перераспределения НДСФЛ с места работы в место проживания налогоплательщика, после изначальной уплаты налога по месту работы (Кузнецова, 2006). Следует внимательно изучить и вопрос придания статуса «местные» всей группе имущественных налогов, поскольку именно органы МСУ могут результативно влиять на их администрирование.

Высокая зависимость финансирования российских муниципалитетов от трансфертных перечислений – еще одна проблема. В настоящее время в РФ межбюджетные

трансферты формируют две трети доходов, значительно превышая долю налоговых доходов в местных бюджетах. При этом в трансфертах растет удельный вес субсидий и субвенций, а доля дотаций сокращается.

В зарубежных странах трансферты также выступают важным источником доходов местных бюджетов, но их объем в развитых европейских странах не превышает 20% бюджетных доходов муниципалитетов²⁴, а в Канаде, например, в течение 1990-х гг. доля трансфертов в доходах местных бюджетов снизилась в три раза – с 45 до 15–20% (Лексин, 2011).

То есть, в отличие от зарубежных стран, где в последние десятилетия доходные источники перераспределялись в пользу собственных доходов муниципалитетов, в России необходимо переломить тенденцию роста трансфертов в сравнении с местными налоговыми поступлениями.

Дискуссионные моменты

9 июня 2022 года группа депутатов фракции КПрФ во главе с Г.А. Зюгановым внесла в Государственную Думу законопроект²⁵, который предлагает введение моратория на проведение реформ государственного и муниципального управления, пока идет спецоперация на территории Украины. Предлагается на время спецоперации не только заморозить все законопроекты, которые уже находятся на рассмотрении Государственной Думы и так или иначе касаются действующей системы государственного и местного самоуправления, но и новые законопроекты по этой теме принимать только при условии их одобрения Президентом РФ.

В пояснительной записке к законопроекту депутаты отмечают, что реформа местного самоуправления в настоящее время,

²³ Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings (2019). OECD/UCLG. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf

²⁴ Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Country Profiles (2019). OECD/UCLG. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/SNGWOFI_2019_report_country_profiles.pdf

²⁵ Законопроект № 140466-8 «Об особом порядке внесения в Государственную Думу и рассмотрения в Государственной Думе проектов федеральных конституционных законов и проектов федеральных законов, принятие которых предусматривает необходимость изменения системы и структуры органов государственной власти и органов местного самоуправления» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/140466-8#bh_note

как минимум, не реализуема в тех масштабах, в которых была задумана изначально, а в условиях спецоперации будет являться вредной для стабильности государственного и муниципального управления. В пояснительной записке подчеркивается, что «в период военной операции подобных масштаба и целей любые попытки, а тем более конкретные действия на любом из уровней публичной власти, которые могут дестабилизировать хотя бы в малейшей степени сложившуюся систему и структуру государственного и муниципального управления, очевидно скажутся негативным образом на временных интервалах достижения результатов специальной военной операции, приведут к отвлечению материальных и людских ресурсов»²⁶.

Ранее о несвоевременности кардинальных изменений в системе местного самоуправления говорила депутат Государственной Думы от фракции партии «Новые люди» Сардана Авксентьева, отмечая, что «принимала участие в работе Комитета Госдумы по госстроительству и законодательству... Еще раз высказала мнение, что сейчас не время для реформы местного самоуправления. Напомню, законопроект был внесен в декабре прошлого, 2021 года. Это была другая реальность. Сейчас людям нужна стабильная, эффективная местная власть, а не чехарда с переименованиями, укрупнениями и передачей имущества муниципалитетов»²⁷.

Можно говорить, что в Государственной Думе начинает формироваться группа «депутатов-консерваторов», предлагающих отказаться от реформы местного самоуправления в текущих условиях. Возможно, что к «консерваторам» присоединится и председатель комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления Алексей Диденко

(фракция ЛДПР), который является активным критиком законопроекта, считающим, что в качестве одной из основных поправок следует рассмотреть «сохранение в тексте закона особой конституционной и институционной ценностной роли местного самоуправления как одной из основ конституционного строя. Ровно так, как сегодня это записано в первой главе Конституции Российской Федерации»²⁸.

В итоге перспективы реформы местного самоуправления в настоящее время выглядят достаточно туманно. Отсутствует единодушие по законопроекту среди депутатского корпуса, на местах муниципальные депутаты и местные главы также настроены критически в части предложений по реализации реформистских амбициозных планов.

В целом реформирование местного самоуправления в России на современном этапе содержит элементы «дежавю» с вопросами организации Земского положения 1864 года в Российской империи и его реформирования в 1890 году. Правда, в имперской России возобладало понимание необходимости сохранения земского самоуправления, и в 1890 году при подготовке новой редакции Земского положения, несмотря на отсутствие единства, а часто и антагонизм в деятельности правительственных и земских властей, земское дело не было передано в заведование правительственным органам (Коркунов, 1909).

После тридцатилетия реализации реформ местного самоуправления в современной России также наметился серьезный антагонизм в деятельности уровней власти, но к консенсусу, которого удалось достичь по данному вопросу авторам редакции Земского положения 1890 года, российские власти, к сожалению, еще не пришли.

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об особом порядке внесения в Государственную Думу и рассмотрения в Государственной Думе проектов федеральных конституционных законов и проектов федеральных законов, принятие которых предусматривает необходимость изменения системы и структуры органов государственной власти и органов местного самоуправления». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/140466-8#bh_note

²⁷ Публикация Сарданы Авксентьевой в Telegram. URL: <https://t.me/RealSardana/308>

²⁸ Диденко А.Н. Поселения нужно прописать в законопроекте о местной власти // Парламентская газета. 21.04.2022. URL: <https://www.pnp.ru/economics/didenko-poseleniya-nuzhno-propisat-v-zakonoproekte-o-municipalnoy-vlasti.html>

Выводы и предложения

Выполненный анализ позволяет говорить, что практические мероприятия и законодательные инициативы, реализующиеся в России под лозунгом повышения эффективности функционирования местного самоуправления, в реальности могут привести к ослаблению данного института и усилению вертикали власти, а сам институт местного самоуправления в последнее десятилетие подвергается «ползучей унитаризации». В ключевой поправке новой редакции Конституции РФ 2020 года (ст. 131) в части территориальных основ МСУ не только исчез приоритет поселенческого уровня, но появилась возможность полного его упразднения. А введение в редакцию Конституции РФ 2020 года нормы о праве органов государственной власти напрямую участвовать в формировании органов МСУ, назначать и увольнять должностных лиц местного самоуправления подрывает сам принцип организационной обособленности и самостоятельности органов местного самоуправления, постулируемый в ст. 12 Конституции РФ. Это фактически переводит ст. 12 Конституции РФ из гарантирующей нормы существования МСУ в России в разряд деклараций о наличии в стране некоей системы публичной власти, формально напоминающей местное самоуправление.

Для нивелирования выявленных негативных моментов необходимо продолжить широкое экспертное и общественное обсуждение рассматриваемого законопроекта. В числе ключевых направлений, подлежащих широкому обсуждению, целесообразно рассмотреть:

– вопросы финансовой самостоятельности органов местного самоуправления путем установления соответствия доходной части местного бюджета их расходным обязательствам; введения уплаты налогов

юридическими лицами по месту нахождения предприятия или организации, а налога на доходы физических лиц – по месту жительства гражданина; введения налогообложения земельных участков, принадлежащих государству; отмены льготы по уплате земельного налога (в последующем – налога на недвижимость) юридическими лицами;

– стремление к самостоятельности местных бюджетов как правилу, а не редкому исключению; механизмы финансовой поддержки муниципалитетов должны иметь стимулирующий характер, ориентировать органы местного самоуправления на снижение дотационности местных бюджетов за счет развития экономики подведомственной им территории;

– следует проработать вопрос об экономической эффективности укрупнения (слияния) муниципалитетов, обосновав данный процесс не только качественными аргументами, но и количественными выкладками.

В законопроекте «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенном в Госдуму 16 декабря 2021 года, не акцентирован главный вопрос – как будет решаться проблема стимулирования экономического развития и бюджетной обеспеченности муниципальных и городских округов. Наглядно просматривается лишь усиление тенденции на устранение автономности, самостоятельности и независимости российского местного самоуправления.

Анализ хода реформы местного самоуправления и законодательных инициатив показывает, что местное самоуправление в стране как институт публичной власти постепенно переходит в известное с советских времен государственное управление на местах, на практике превращаясь в «муниципальное управление», под которым проглядывают контуры «государственного управления в муниципальных границах».

ЛИТЕРАТУРА

- Акмалова А.А. (2001). Модели местного самоуправления. М.: Прометей. 168 с.
- Бабун Р.В. (2016). Местное самоуправление в современной России: проблемы и решения. LAMBERT Academic Publishing. 124 с.
- Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. (2020). Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 51–76. URL: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10003>
- Ворошилов Н.В. (2021). Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 141–159. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.8>
- Исупова С., Берр Х. (2009). Местное самоуправление в Германии: опыт федеральной земли Бавария // Бюджет. № 9 (81). С. 83–86.
- Ковров Э.Л., Кукушкин В.Л., Ухов А.Е. (2020). Кризис реформы местного самоуправления в России: опыт междисциплинарного анализа // Социально-гуманитарные знания. № 5. С. 185–202. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.5.51449>
- Коркунов Н.М. (1909). Русское государственное право. Т. II. Часть особенная / под ред. М.Б. Горенберга. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 748 с. URL: http://lib.lunn.ru/KP/Classiki/korkunov_1_2.pdf
- Кузнецова О.В. (2006). Межбюджетные отношения: параллели между Россией и Германией // Казанский федералист. № 3. С. 56–67.
- Левина В.В. (2017). Особенности применения бюджетно-налоговых инструментов регулирования социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. № 3-1. С. 115–127.
- Лексин И.В. (2011). Специфика территориальной организации местного управления и самоуправления в Канаде // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 4. № 2. С. 99–108.
- Леонов С.Н. (2021a). Особенности реформы местного самоуправления в России // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: мат-лы VI Международной научно-практической конференции; 22–23 апреля 2021 года. М.: Государственный университет управления. С. 275–278.
- Леонов С.Н. (2021b). Структурные и финансовые аспекты реформирования местного самоуправления в России. 30 лет поиска // Известия Байкальского гос. ун-та. Т. 31. № 2. С. 129–139. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(2).129-139
- Леонов С.Н. (2021c). Финансовые результаты реформы местного самоуправления. Опыт регионов Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 160–175. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.9
- Маркварт Э.Э., Францке Й. (2017). Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная экономика. № 3. С. 40–61.
- Маркварт Э., Киселева Н., Соснин Д. (2022). Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Т. 30. № 2. С. 95–111.
- Печенская-Полищук М.А. (2020). Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 71–88.
- Пузанов А.С. (2021). Потенциал для развития муниципалитетов // Бюджет. № 10 (226). С. 56–59.
- Пузанов А.С., Попов Р.А. (2017). Оценка территориальной доступности местного самоуправления: экономико-географическое исследование // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. № 3. С. 24–30.

- Широков А.Н., Юркова С.Н. (2022). МСУ: большая реформа или упразднение? // Бюджет. № 1(229). С. 70–74.
- Юркова С.Н. (2016). Модель местного самоуправления для России: дискуссионные тезисы // Мат-лы Афанасьевских чтений. № 3. М.: Изд-во Бондалетов В.В. С. 29–36.
- Dollery B., Byrnes J., Crase L. (2007). Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian rising to the challenge inquiry. *Economic Analysis & Policy*, 37 (1), 1–14. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0313592607500019>
- Fujita M., Krugman P., Venables F.J. (2000). *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: MIT Press.
- Ivanyna M., Shah A. (2014). How close is your government to its people? Worldwide indicators on localization and decentralization. *Economics*, 1–62. Available at: <https://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2014-3>
- Pevcin P. (2017a). Municipal mergers: Theoretical considerations, practical evidence and potential implications. *8th International Scientific Conference «Future World by 2050»* (Croatia, Pula, 1-3rd June 2017), 31–44. Available at: https://fet.unipu.hr/_download/repository/Future_World_2050_-_Conference_Proceedings.pdf
- Pevcin P. (2017b). The evidence on the existence of economies of scale in local government units. *EBEEC Conference Proceedings, The Economies of Balkan and Eastern Europe Countries in the Changed World, KnE Social Sciences*, 379–384. Available at: <https://knepublishing.com/index.php/Kne-Social/article/view/673>
- Temple M. (1994). *Regional Economics*. London: St. Martin's Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

PROSPECTS FOR REFORMING LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE LIGHT OF THE BILL “ON GENERAL PRINCIPLES OF ORGANIZING LOCAL SELF-GOVERNMENT IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY”

The article uses general scientific research methods to analyze theoretical approaches to improving the territorial reform of local self-government in Russia, laid down in the framework of the first reading of the bill “On general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority”, which was held in the State Duma. We have shown that in the bill, the concept of “local self-government” is interpreted not as a form of democracy, but only as a form of citizens’ self-organization. We pay particular attention to the analysis of arguments regarding the consolidation of municipalities, the formation of a single-level system of local self-government in the Russian Federation, the reduction in the number of municipalities and the assessment of the consequences of the proposed new responsibility system for the municipalities’ heads. We have shown that the rejection of the multilevel system of local self-government, laid down in the bill, does not allow moving to the new principle of formation of local self-government authorities declared in the bill in relation to the population, overcoming problems associated with a chronic deficit of local budgets or eliminating the practice of transferring powers between municipalities of different levels. The main reason for the identified situation is the weak elaboration in the bill of the economic efficiency issues of municipalities’ integration (merger). The analysis shows that legislative initiatives

implemented in Russia under the slogan of improving the local self-government efficiency, in the case of implementation, can lead to the weakening of this institution and the strengthening of the power vertical. After the adoption of the bill, the institute of local self-government will be subjected to further “creeping unitarization” demonstrating the strengthening of the tendency to eliminate the autonomy, independence and independence of Russian local self-government. The scientific novelty of the work consists in substantiating theoretical and practice-oriented proposals for improving the socio-economic component of the reform.

Local self-government, municipalities, territorial reform, local self-government authorities, Russia.

REFERENCES

- Akmalova A.A. (2001). *Modeli mestnogo samoupravleniya* [Models of Local Government]. Moscow: Prometei.
- Babun R.V. (2016). *Mestnoe samoupravlenie v sovremennoi Rossii: problemy i resheniya* [Local Self-Government in Contemporary Russia: Problems and Solutions]. LAMBERT Academic Publishing.
- Buchwald E.M., Valentey S.D., Odintsova A.V. (2020). Economic problems of federalism, regional policy and local self-government. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk=Bulletin of the IE RAS*, 1, 51–76. Available at: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10003> (in Russian).
- Dollery B., Byrnes J., Crase L. (2007). Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian rising to the challenge inquiry. *Economic Analysis & Policy*, 37(1), 1–14. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0313592607500019>
- Fujita M., Krugman P., Venables F.J. (2000). *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: MIT Press.
- Isupova S., Berr Kh. (2009). Local self-government in Germany: The experience of the Federal State of Bavaria. *Byudzheth*, 9(81), 83–86 (in Russian).
- Ivanyna M., Shah A. (2014). How close is your government to its people? Worldwide indicators on localization and decentralization. *Economics*, 1–62. Available at: <https://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2014-3>
- Jurkova S.N. (2016). Model of local self-government for Russia: Discussion theses. In: *Mat-ly Afanas'evskikh chtenii*, 3 [Materials of the Afanasiev readings, 3]. Moscow: Izd-vo Bondaletov V.V. (in Russian).
- Korkunov N.M. (1909). *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. II. Chast' osobennaya* [Russian State Law. Volume II. Special Part]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. Available at: http://lib.lunn.ru/KP/Classiki/korkunov_1_2.pdf
- Kovrov E.L., Kukushkin V.L., Ukhov A.E. (2020). The crisis of local self-government reform in Russia: Interdisciplinary analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*, 5, 185–202. Available at: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.5.51449> (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2006). Interbudgetary relations: Parallels between Russia and German. *Kazanskii federalist=Kazan Federalist*, 3, 56–67 (in Russian).
- Leksin I.V. (2011). The specifics of the territorial organization of local government and self-government in Canada. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie=Problem Analysis and Public Administration Projection*, 4(2), 99–108 (in Russian).
- Leonov S.N. (2021b). Structural and financial aspects of local government reform in Russia. 30 Years of experience. *Izvestiya Baikal'skogo gos. un-ta=Bulletin of Baikal State University*, 31(2), 129–139. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(2).129-139 (in Russian).
- Leonov S.N. (2021a). Specific features of local government reform in Russia. In: *Rol' mestnogo samoupravleniya v razvitiu gosudarstva na sovremennom etape: mat-ly VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 aprelya 2021 goda* [The Role of Local Government in the Development of the State at the Present Stage: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference; April 22–23, 2021]. Moscow: Gosudarstvennyi universitet upravleniya (in Russian).

- Leonov S.N. (2021c). Financial results of the local self-government reform. Experience of the regions of the Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(6), 160–175. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.9 (in Russian).
- Levina V.V. (2017). Features of the application of the budgetary and tax instruments of the municipal social and economic development regulation. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=Proceedings of the TSU. Economic and Law Sciences*, 3-1, 115–127 (in Russian).
- Markwart E.E., Franzke J. (2017). Modern territorial reforms of local self-government in Germany and Russia. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 40–61 (in Russian).
- Markwart E., Kiseleva N., Sosnin D. (2022). The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects. *Vlast'*, 30(2), 95–111 (in Russian).
- Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2020). Instruments and principles of reallocating budgetary resources in the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(2), 71–88 (in Russian).
- Pevcin P. (2017b). The evidence on the existence of economies of scale in local government units. In: *EBEEC Conference Proceedings, the Economies of Balkan and Eastern Europe Countries in the Changed World, KnE Social Sciences*. Available at: <https://knepublishing.com/index.php/Kne-Social/article/view/673>
- Pevcin Primož (2017a). Municipal mergers: Theoretical considerations, practical evidence and potential implications. *Eighth International Scientific Conference "Future World by 2050"* (Croatia, Pula, June 1–3, 2017). Available at: https://fet.unipu.hr/_download/repository/Future_World_2050_-_Conference_Proceedings.pdf
- Puzanov A.S. (2021). Potential for the development of municipalities. *Byudzhet*, 10(226), 56–59 (in Russian).
- Puzanov A.S., Popov R.A. (2017). Assessment of territorial accessibility of local self-government: Economic and geographic research. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*, 3, 24–30 (in Russian).
- Shirokov A.N., Yurkova S.N. (2022). Local self-government: Big reform or abolition? *Byudzhet*, 1(229), 70–74 (in Russian).
- Temple M. (1994). *Regional Economics*. London: St. Martin's Press.
- Voroshilov N.V. (2021). Inter-municipal cooperation in Russia: Status, problems and prospects of development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14, 6, 141–159. Available at: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.8> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: leonov@ecrin.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.4

УДК 338.48 | ББК 65.433

© Леонидова Е.Г., Кудревич А.Ю.

ОЦЕНКА ВРЕМЕННОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРИДОРОЖНОГО СЕРВИСА В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ РОСТА ПОТРЕБЛЕНИЯ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: [0000-0002-9206-6810](https://orcid.org/0000-0002-9206-6810); ResearcherID: [1-8400-2016](https://orcid.org/1-8400-2016)

АРИНА ЮРЬЕВНА КУДРЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-8898-8249](https://orcid.org/0000-0002-8898-8249); ResearcherID: [GNW-2404-2022](https://orcid.org/GNW-2404-2022)

Статья посвящена актуальной проблеме стимулирования роста потребления туристских услуг в российских регионах. Одним из барьеров, сдерживающих развитие внутреннего туризма, является недостаток инфраструктуры, в том числе объектов придорожного сервиса. Учитывая распространенность автомобильного транспорта, используемого для туризма, высказано предположение о том, что на принятие решения о совершении поездки влияет наличие достаточного для комфортного совершения путешествия количества автозаправочных станций. В связи с этим целью исследования стала оценка временной доступности объектов придорожного сервиса на пути следования к туристическим объектам, определяющей объем потребления туристических услуг в регионе. Для достижения цели применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также картографический метод и геоинформационное моделирование. На основе предложенной методики, позволяющей оценивать временную доступность автозаправочных станций, выявлено, что фактическое время в пути превышает расчетные нормативы. Это может негативно сказаться как на впечатлениях о поездке, так

Для цитирования: Леонидова Е.Г., Кудревич А.Ю. (2022). Оценка временной доступности придорожного сервиса в регионе в контексте роста потребления туристских услуг // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 39–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.4

For citation: Leonidova E.G., Kudrevich A.Yu. (2022). Assessment of the time accessibility of rest areas in the region in the context of the growth of tourism services consumption. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 39–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.4

и на объеме туристского потока. С помощью геоинформационного моделирования на линиях автомаршрутов выявлены зоны, отличающиеся низкой временной доступностью автозаправочных станций, а также предложены участки для возможного размещения заправок. Научная новизна исследования заключается в разработке методического подхода к оценке доступности объектов придорожного сервиса с учетом времени, который позволяет более точно оценить их удаленность друг от друга. Информационную базу составили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами потребительского спроса, оценкой доступности для туристов объектов дорожной инфраструктуры, а также официальные статистические данные, информация аналитических служб, результаты социологических опросов. Материалы статьи представляют практический интерес для органов власти и управления при проектировании межрегиональных туристических маршрутов, проходящих по автомобильным дорогам, соединяющих Вологодскую область и Республику Карелию.

Потребительский спрос, туризм, придорожный сервис, автозаправочные станции, внутренний туризм, временная доступность.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-010-00643.

Введение

Нестабильная геополитическая и геоэкономическая ситуация в мире, обострившаяся в 2022 году из-за украинского кризиса, диктует необходимость форсированного развития России за счет внутренних источников роста. Валовой внутренний продукт РФ на протяжении последних 20 лет наполовину формировался потребительским спросом домохозяйств (Широв, Потапенко, 2020), что позволяет говорить о необходимости искать способы его стимулирования для повышения темпов роста экономики. При этом важно понимать, что помимо низкого уровня доходов населения и их высокой дифференциации, отмечаемых многими исследователями (Моисеева, 2018; Ершов и др., 2021), основной проблемой развития с опорой на внутреннее потребление является узость внутреннего рынка России, обусловленная сильной импортозависимостью в ключевых отраслях промышленности. Эксперты отмечают, что в ряде случаев его малой емкости недостаточно для эффективного развития производств¹. В то же время в стране имеется большой потенциал для удовлетворения части потребительского

спроса за счет собственных ресурсов, связанного с организацией отдыха и досуга, т. е. внутренним туризмом. Так, согласно результатам недавних социологических опросов, каждый второй россиянин при наличии возможностей хотел бы путешествовать по России². Активизация спроса жителей страны на внутренние направления отчетливо проявилась после 2015 года, что связано с включением в 2014 году Республики Крым – центра пляжного отдыха – в состав РФ, а также закрытием в 2015 году въезда туристам в Египет и Турцию – популярные среди россиян курорты.

В настоящее время в связи с антиковидными мерами, касающимися въезда туристов в места отдыха за рубежом, запретом на использование за пределами России воздушных судов, находящихся под санкциями, и закрытием воздушного пространства рядом государств из-за обострившегося в 2022 году мирового геополитического кризиса актуализируется необходимость развития внутреннего туризма в стране для удовлетворения потребностей ее граждан в отдыхе и развлечениях и повышения доли туристских услуг в объеме потребительского спроса.

¹ Импортозамещение: стратегия и тактика успеха. URL: <https://ecfor.ru/publication/importozameshhenie-strategiya-i-taktika-uspeha>

² Путешествия и туризм. Какие места отдыха в России и за рубежом привлекают наших сограждан. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14551>

Развитию внутреннего туризма как драйверу потребления уделяется внимание во многих странах мира. Особенно такая политика проводится в Китае, который с 2008 года придерживается модели, ориентированной на стимулирование внутреннего спроса (Аносов, 2021). При этом акцент ставится на формирование и сбыт туристских услуг в сельских территориях в рамках программы их возрождения, что подразумевает развитие сельского туризма, который вносит весомый вклад в снижение бедности жителей, способствуя росту их дохода и активизируя потребительский рынок. Так, согласно аналитическим данным, вклад сельского туризма в занятость превысил 40%³. Китайским правительством создаются специальные центры, где проводится обучение по ликвидации уровня бедности на основе развития сельского туризма. На его долю приходится почти половина внутренних туристических поездок в Китае (Морозов, Цзинфу, 2021). Аналитики отмечают, что пик популярности этого вида приходится на последние годы. Так, за март 2021 года к аналогичному периоду прошлого года внутренний турпоток в сельскую местность вырос троекратно⁴.

В целом тренд на рост путешествий внутри страны в условиях действия ковидных ограничений отмечается многими учеными (Иванова и др., 2021; Пшеничных, 2021). Для России также характерна эта тенденция, что подтверждается как аналитиками, фиксирующими рост спроса на загородный отдых⁵, увеличение продаж единиц водно-моторной техники⁶, так и официальными статистическими данными, согласно которым за 2016–2020 гг. производство спальных мешков выросло в 2 раза, а туристических палаток – в 3 раза⁷.

Существующие в настоящее время региональные диспропорции в потреблении туристических услуг, выражающиеся в неравномерности распределения его объема (Леонидова, Сидоров, 2020), указывают на необходимость более активно задействовать туристско-рекреационный потенциал других территорий. Одним из факторов, ограничивающих потребление туристических услуг в регионах, является слабая доступность для населения объектов туристского притяжения. Помимо величины стоимости поездки, она определяется значительными расстояниями, что требует развития транспортной сети и ее инфраструктурной обеспеченности. При решении этой задачи следует уделять внимание «транспортной связанности с местами формирования туристских потоков» (Потапов, 2016).

Известно, что туристами в силу удобства и дешевизны весьма востребованы автоперевозки (Якунин, 2011), предполагающие передвижение на автомобилях или автобусах. Во многих странах автомобильный транспорт является катализатором внутреннего туристического потока, величина которого напрямую зависит от качества развития придорожного сервиса. К объектам придорожного сервиса относятся мотели, гостиницы, кемпинги, станции технического обслуживания, автозаправочные станции (АЗС), пункты питания, торговли, связи, медицинской помощи, мойки, средства рекламы и иные сооружения⁸. Для туристов, совершающих поездку на автомобильном транспорте как в составе организованных групп, так и самостоятельно, весьма значимой на пути следования является возможность его заправки топливом, особенно если расстояние до пункта назначения внушительное. Современные заправочные комплексы не

³ Сельский туризм стал новой движущей силой в сфере потребления и восстановления туристического рынка Китая. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0113/c31516-9944321.html>

⁴ В США сообщили о буме сельского туризма в Китае. URL: https://www.trud.ru/article/12-05-2021/1402896_v_ssha_soobschili_o_bume_selskogo_turizma_v_kitae.html

⁵ Закрытие границы заставило петербуржцев тратиться на загородный отдых. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/17/Zakritie_granici_zastavil

⁶ Бизнес в кризис. Новый тренд инвестиций. URL: <https://www.vedomosti.ru/special/2022/06/14/biznes-v-krizis-novii-trend-investitsii>

⁷ Промышленное производство в России (2021): стат. сб. / Росстат. М. С. 162.

⁸ ГОСТ 33062-2014. Требования к размещению объектов дорожного и придорожного сервиса; введ. 01.12.2015. 23 с.

ограничиваются только продажей бензина, а включают в себя самые разные виды услуг. Зачастую на них имеются магазин, кафе, банкомат, мойка, автосервис, шиномонтаж и тому подобное. Поэтому в качестве основного объекта придорожного сервиса, определяющего вероятность совершения путешествия, нами рассмотрены автозаправочные станции.

По данным обследований Росстата, 48,4% российских домохозяйств имеют в своем распоряжении легковой автомобиль⁹, а согласно социологическим опросам большинство россиян (73%) хотели бы отправиться в путешествие на этом виде транспорта по стране¹⁰.

В связи с этим целью исследования стала оценка временной доступности объектов придорожного сервиса на пути следования к туристическим объектам, определяющей объем потребления туристических услуг в регионе. Проведен анализ научных подходов к оценке доступности объектов туризма, разработан методический подход к определению временной доступности объектов придорожного сервиса, выявлены наиболее проблемные участки туристических маршрутов, требующие создания дополнительной инфраструктуры.

В качестве основного метода исследования выступил картографический метод. Геоинформационное моделирование объектов придорожного сервиса реализовано в системе Qgis.

Объектом исследования стала система автомобильных дорог, соединяющая Вологодскую область и Республику Карелию – регионы, соседствующие друг с другом и являющиеся довольно известными туристическими центрами Северо-Запада России. Предметом исследования послужила доступность объектов придорожного сервиса населенных пунктов в исследуемых регионах.

Теоретико-методологические основы исследования

Зарубежные исследователи (Marrocu, Paci, 2013; Hooper, 2015; Reitsamer, Brunner-Sperdin, 2017; Park et al., 2019) уточняют, что доступность места назначения является основным фактором при принятии туристами решения о совершении поездки. Учеными (Marrocu, Paci, 2011; Nadad et al., 2012) доказано, что степень доступности существенно влияет на региональный туристический поток и эффективность индустрии туризма в целом. Следовательно, для территории, развивающей туризм, актуализируется проблема измерения доступности для определения туристических возможностей и принятия стратегических решений.

Эти вопросы рассматривались многими учеными и являются достаточно разработанными в научной литературе. Некоторые авторы заключают, что на оценку туристами доступности пункта назначения влияет сумма понесенных транспортных расходов (Vale, 2020). Другие исследователи приходят к выводу, что измерение доступности зависит от субъективного восприятия (AlKahtani et al., 2015).

Широко распространено определение доступности объектов придорожного сервиса через измерение расстояния между объектами с помощью балльной оценки (Потапов, 2016; Шелег, Коротыш, 2020), геоинформационного моделирования (Павлюк, Алейников, 2019), социологических опросов (Romo-Martin, Perez-Acebo, 2019), экспертной оценки (Kolodinskaja, Bertulienė, 2020), экспедиционного обследования (Сафиуллин, 2021).

Встречаются мнения о том, что помимо расстояния доступность связана с наличием инфраструктуры в пункте назначения (Gehrke et al., 2020), а также с затраченным туристами временем (Ceccato et al., 2020) и

⁹ Данные комплексного наблюдения условий жизни россиян (2020 год) / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

¹⁰ Данные исследования Общенациональной ассоциации автотуризма и караванинга и Аналитического центра НАФИ. Всероссийский опрос проведен Аналитическим центром НАФИ в сентябре 2021 года. Опрошено 1600 человек от 18 лет в 53 регионах России. Выборка построена на данных официальной статистики Росстата и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%. URL: <https://nafi.ru/analytics/?SECTIONS%5B%5D=5>

усилиями, необходимыми для совершения туристической поездки (Zhu, Diao, 2020).

Таким образом, ученые в качестве основного критерия для оценки доступности используют расстояние. Стоит отметить, что оно не всегда отражает комфортность путешествия, поскольку участки маршрута могут быть пройдены за разное время в зависимости от типа дорожного покрытия.

В связи с этим в данном исследовании предлагается определить доступность объектов придорожного сервиса по времени, затраченному в пути от одного объекта к другому, на основе предложенного методологического подхода, который в отличие от имеющихся позволяет оценить временные затраты путешественника с учетом текущего состояния дорожного покрытия.

Расчет временной доступности складывается из протяженности пути, скорости движения согласно правилам дорожного движения, с учетом качества дорожного покрытия, наличия ремонтных работ на участках маршрута. Визуализация доступности АЗС и коллективных средств размещения (КСР) как пространственных объектов проведена на основе использования геоинформационных систем (ГИС). Для реализации выбрана геоинформационная система Qgis, в которой были поставлены следующие задачи: выбрать маршруты, составить базу данных объектов АЗС и КСР, выполнить гео моделирование информации. Полученный результат представлен в виде линейных и знаковых объектов.

Транспортная инфраструктура смоделирована на основе линейных слоев формата *.shp. Атрибутивная таблица автодорожной сети включает информацию о названии объекта, длине (км), характере дорожного покрытия, наличии дорожных работ и скорости (км/ч) на участках пути. Каждая часть маршрута имеет обозначение в соответствии с официальным. АЗС и КСР выполнены в точечном слое формата *.shp.

Состояние дорог на текущий момент оценивалось при помощи сервиса Яндекс Карты. Каждый малодоступный промежуток пути был рассмотрен на видео, которое

предлагается водителям при составлении и выборе маршрута. Оно отражает наличие ремонтных работ на участках дорожного полотна, знаки ограничения скорости и участки неровной дороги. На момент оценивания маршрутов использовались записи, произведенные не позже июня 2022 года.

Для анализа выбраны объекты придорожного сервиса только по линии маршрута. Заголовки атрибутивной таблицы слоев по размещению АЗС и КСР включают название, расстояние (км) и время между остановками (мин). Дополнительный слой по КСР был создан для анализа их количества в административных центрах муниципальных районов при моделировании, поскольку концентрация этих объектов может являться дополнительным основанием для размещения автозаправочных станций, свидетельствуя о наличии туристической активности в местности и сигнализируя о потенциальном спросе на услуги АЗС со стороны туристов.

Поиск данных о КСР осуществлялся при помощи Google Maps и Яндекс Карт. Основным критерием для отбора послужило наличие отзывов, соответствующих периоду поиска (июнь – июль 2022 года). Для визуализации временной доступности использовалась интерполяция методом обратных взвешенных расстояний на растровом слое. Его выбор обусловлен тем, что он дает возможность отображать концентрацию схожих между собой объектов и рассматривает значение каждой точки как локальное, которое уменьшается с расстоянием. Таким образом, объекты, обладающие высокой временной доступностью, характеризуются подобными друг другу значениями, тем самым демонстрируя их концентрацию. Исходя из этого, точки на карте будут отличаться интенсивностью цвета, а большие временные промежутки – светлой окраской.

Так как интерполяция строится на основе векторного точечного слоя, был создан дополнительный слой. В его атрибутивной таблице указывались последовательные номера, присвоенные АЗС или КСР (например 1–2), и время в пути между ними. Точечные объекты ставились на равном расстоянии от

анализируемых объектов. Используемый способ интервалов позволил не только оценить временную доступность между соседними объектами, но и проанализировать, на каком из участков будет затрачено большее количество времени.

Также выполнено моделирование размещения предлагаемых объектов придорожного сервиса – АЗС, отображаемых на отдельном слое. Оно осуществлялось на основе критериев, установленных в нормативных документах. В настоящее время требования к расположению инфраструктуры придорожного сервиса определяются действующим Постановлением Правительства РФ от 28 октября 2020 года № 1753 «О минимально необходимых для обслуживания участников дорожного движения требованиях к обеспеченности автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального, местного значения объектами дорожного сервиса, размещаемыми в границах полос отвода автомобильных дорог, а также требованиях к перечню минимально необходимых услуг, оказываемых на таких объектах дорожного сервиса».

Рассматриваемые участки автомобильных дорог, соединяющие г. Вологду и Петрозаводск – основные центры формирования турпотоков – относятся к нескоростным автодорогам III и IV категории. Согласно действующей нормативно-правовой базе, максимально возможное расстояние между АЗС для такого типа дорог должно составлять не более 150 км. Отметим, что исследуемые маршруты в целом соответствуют этим требованиям. Однако стоит обратить внимание на то, что неучтенным остается состояние дорожного покрытия, неудовлетворительное качество которого может привести к снижению скорости в пути и увеличению времени, затрачиваемого на путешествие.

До принятия вышеуказанного документа размещение объектов придорожного сервиса определялось ГОСТ 33062 – 2014, согласно которому располагать автозаправки следовало на расстоянии не более 50 км друг от друга, что соответствует европейской практике. Так, например, в Великобритании рекомендуется размещать АЗС и зоны отдыха в радиусе 28 миль (45 км) друг от друга¹¹, во Франции – 60 км¹².

Нужно учесть, что время, затраченное на путешествие на автобусе, как правило, всегда больше, чем на личном автомобиле, который позволяет туристам быть более мобильными и корректировать линии маршрута. В связи с этим многие туристы предпочитают самостоятельные поездки на личном транспорте, следовательно, в этом случае большое внимание должно быть уделено созданию качественного придорожного сервиса.

Кроме того, логично предположить, что критериями для создания новых автозаправок могут служить близость к ним населенных пунктов и концентрация коллективных средств размещения, поскольку основными потребителями услуг становятся местные жители и туристы, а также участники дорожного движения. Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, в нашем исследовании проектирование новых АЗС осуществлялось исходя из расчета один объект на 50 км автодороги. Результаты геоинформационного моделирования относительно доступности объектов придорожного сервиса и коллективных средств размещения, учитывающих затраты туристов по времени, отражены посредством картографирования.

Результаты исследования

Вологодская область и Республика Карелия представляют собой соседствующие друг с другом регионы, в которых туризм

¹¹ The strategic road network and the delivery of sustainable development. Department for Transport. 10 september 2013. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/237412/dft-circular-strategic-road.pdf

¹² Ministère de l'écologie, du développement durable et de l'énergie. (2015). Instruction du Gouvernement du 13 Juillet 2015 portant sur les conditions techniques d'aménagement des autoroutes de liaison [Government Instruction on July 13, 2015 on the technical conditions for the development of the connecting freeways]. Sourdun, France: Direction technique infrastructures de transport et matériaux. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/circulaire/id/39841>

довольно давно и активно развивается. Они входят в кольцевой межрегиональный туристический маршрут, объединяющий субъекты СЗФО – «Серебряное ожерелье России».

Города Вологда и Петрозаводск являются туристическими центрами территорий, генерирующими межрегиональный турпоток. В качестве основных маршрутов, соединя-

ющих два региона автодорогами с твердым покрытием, были выделены следующие: федеральные трассы А-119, А-114 и А-215, трасса Е105, относящаяся к международной сети дорог категории Е, а также автодорога регионального значения 41А-009 (рис. 1).

Первый маршрут А-119 – А-215 – Е105 проходит через следующие крупные на-

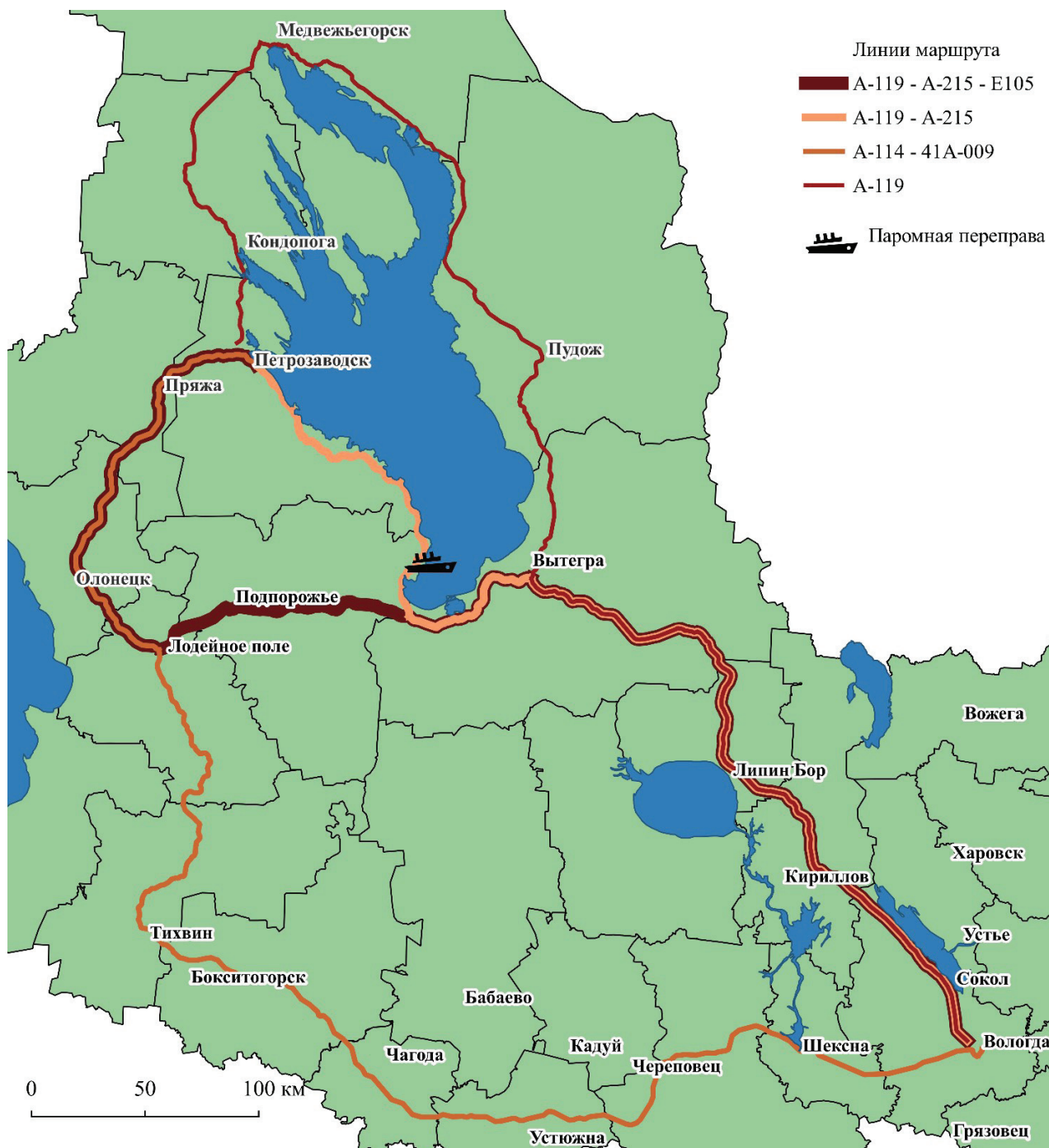

Рис. 1. Автомобильные маршруты, соединяющие г. Вологду и г. Петрозаводск

Источник: составлено авторами.

селенные пункты: г. Вологда, г. Кириллов, с. Липин Бор, г. Вытегра, г. Подпорожье, г. Лодейное Поле, г. Олонец, пгт Пряжа и г. Петрозаводск.

Второй маршрут, к которому относятся участки трассы А-119, соединяющей г. Вологду и г. Вытегру Вологодской области, и автодороги А-215, ведущей в г. Петрозаводск, является самым коротким и отличается наличием паромной переправы через р. Свирь в п. Вознесенье Ленинградской области, с помощью которой осуществляется провоз людей и автомобилей.

Основу третьего маршрута составляет трасса А-114, связывающая г. Вологду, п. Шексна, п. Кадуй, г. Устюжну Вологодской области и г. Бокситогорск и г. Тихвин Ленинградской области.

Четвертый маршрут предусматривает движение только по трассе А-119 и проходит через города Республики Карелии и Вологодской области, расположенные вдоль линии пути, соединяя г. Вологду и г. Медвежьегорск.

Рассмотрим время путешествия по каждому выделенному маршруту. Нами были рассчитаны нормативное и фактическое время в пути. Расчет нормативного времени осуществлялся с учетом движения по трассам хорошего качества со скоростью, разрешенной правилами дорожного движения. Фактическое время в пути определялось с учетом неровной дороги и наличия ремонтных работ на участках трассы.

Анализ полученных результатов показал, что участки неровной дороги и ремонт дорожного полотна увеличивают временную доступность в среднем на 1 час (табл.).

Результаты анализа обеспеченности исследуемых маршрутов АЗС представлены на рис. 2. Всего было выявлено 46 автозаправочных станций. Самым большим количеством размещенных АЗС характеризуется линия маршрута А-114 – 41А-009, особенно на участке трассы А-114, соединяющем между собой г. Санкт-Петербург и г. Вологду.

Высокой концентрацией АЗС и их доступностью отличаются такие города, как Вологда, Вытегра, Лодейное Поле и Петрозаводск.

Модель также позволила выявить участки маршрутов, обладающие слабой временной доступностью АЗС, что связано с проведением ремонтных работ и неудовлетворительным качеством дорожного полотна. Так, ведутся работы по восстановлению дорожного полотна на участках А-114 Вологда – Тихвин (срок выполнения – 01.10.2024) и А-215 Вытегра – Ошта (срок выполнения – 2023 год).

В ходе оценки обеспеченности маршрутов объектами придорожного сервиса (АЗС) на основе геоинформационного моделирования определено, что большинство объектов расположено по принципу привязки к какому-либо городу или населенному пункту либо находятся в местах пересечения автодорог, что свидетельствует об удовлетворении спроса местных жителей и транзитного потока.

Таблица. Обеспеченность автодорог, соединяющих г. Вологду и г. Петрозаводск, объектами придорожного сервиса

Маршрут	Протяженность, км	Нормативное время в пути	Фактическое время в пути	Время в пути на автобусе	Количество АЗС на участке маршрута, ед.	Количество КСР, ед.
А-119 – А-215 – Е105	700	8 ч 10 мин	9 ч 5 мин	12 ч 20 мин	18	14
А-119 – А-215	540	6 ч (+ожидание паромы 1ч)	8 ч 4 мин (+ожидание паромы 1ч)		14	12
А-114 – 41А-009	794	8 ч 49 мин	10 ч 15 мин		24	14
А-119	783	8 ч 38 мин	9 ч 44 мин		16	26

Источник: составлено авторами.

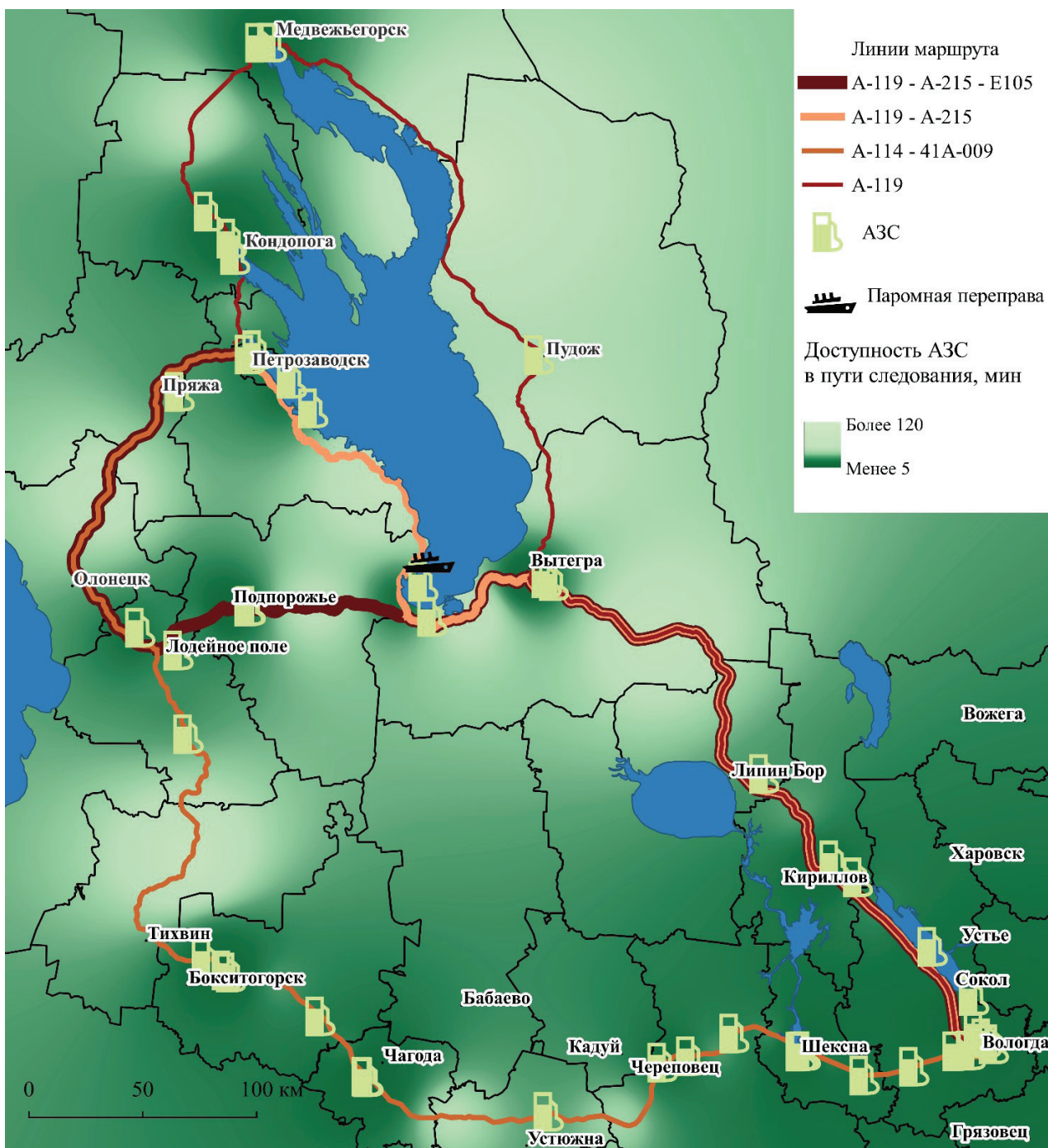

Рис. 2. Обеспеченность автомобильных маршрутов автозаправочными станциями

Источник: составлено авторами.

Также на линии маршрутов было установлено расположение 50 объектов, относящихся к коллективным средствам размещения (рис. 3). Среди всех рассмотренных маршрутов высокой концентрацией КСР отличается трасса А-119. Это связано с повышенной туристической привлекательностью правобережной части Онежского озера.

Таким образом, в результате проведенной работы отмечено неравномерное распределение доступности АЗС и КСР по пути следования. Кроме того, выявленные особенности их размещения позволяют определить участки маршрута, требующие создания дополнительной инфраструктуры. По результатам моделирования установлено, что самой низкой доступностью АЗС облада-

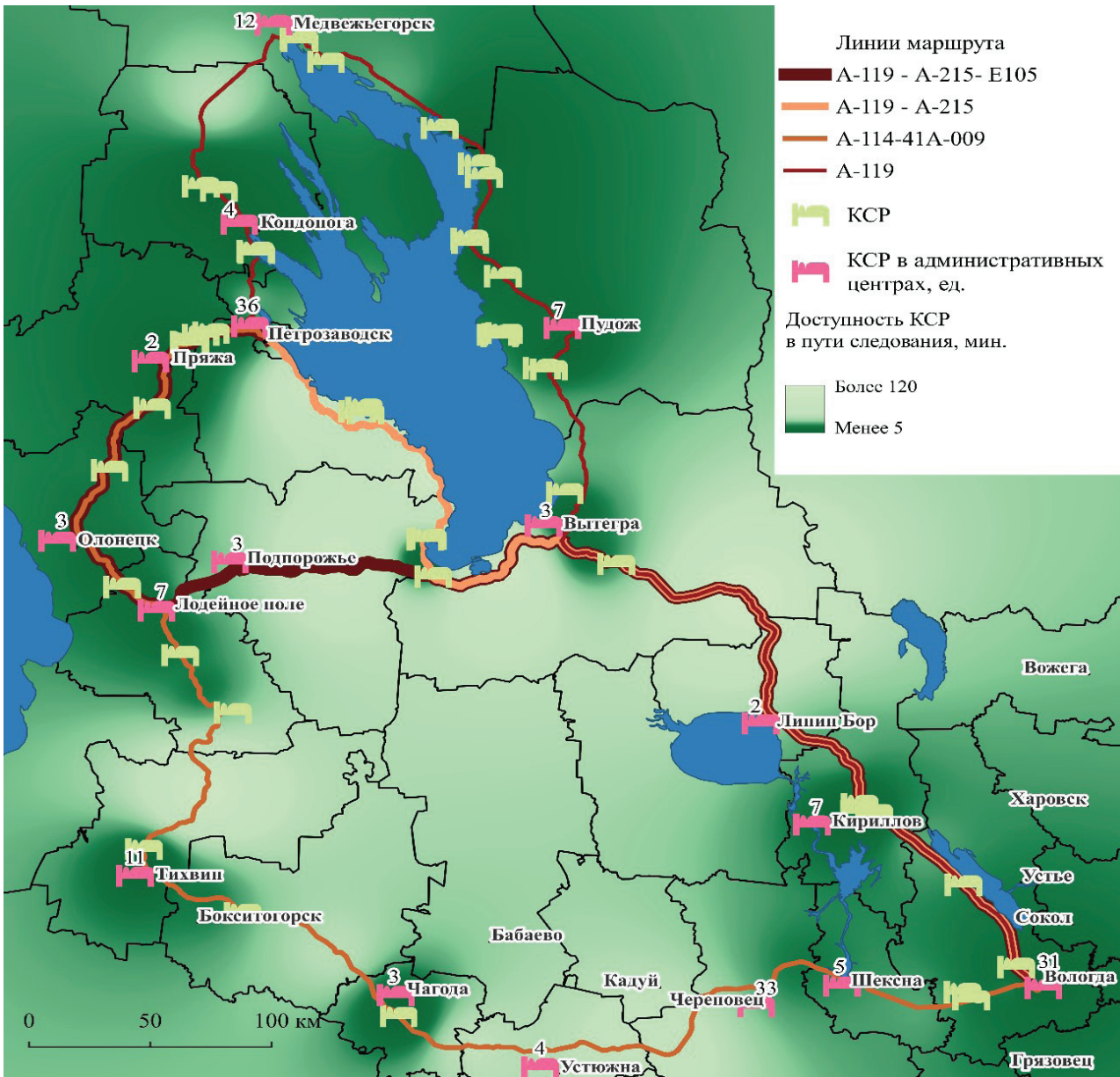

Рис. 3. Обеспеченность автомобильных маршрутов коллективными средствами размещения

Источник: составлено авторами.

ет участок маршрута А-119 от села Липин Бор Вологодской области до г. Медвежьегорска Республики Карелии.

Потребность в автозаправках на рассматриваемом отрезке пути обусловлена существующей туристической активностью и спросом на АЗС со стороны автотуристов и местного населения. Согласно данным унифицированного туристского паспорта Пудожского муниципального района Республики Карелии¹⁵, район с целью туриз-

ма посещают более 20000 человек ежегодно, из них 65% являются неорганизованными туристами, прибывающими на личном транспорте. Причем основной поток посетителей формируют жители Вологодской области, которые добираются в муниципалитет указанным выше автотрассой. Туристов прежде всего привлекает крупнейший в Европе парк дикой природы – национальный парк «Водлозерский». В то же время на всю территорию района приходится всего

¹⁵ Унифицированный туристский паспорт Пудожского муниципального района Республики Карелии. URL: https://pudogadm.ru/assets/files/Imported_51/Pudozhskij-rajon-tur.pasport-01.01.2020-12012.docx (дата обращения 01.09.2022).

одна АЗС в г. Пудож. Как отмечают местные жители, «летом, во время наплыва туристов, у нее собираются очереди, и цена на бензин выше, чем в других районах Карелии»¹⁴.

Исследуемый участок пути востребован и со стороны автотуристов, следующих из Карелии и Мурманской области. Многие из них останавливаются на ночевку в средствах размещения Вытегорского района. Аналитиками туристско-информационного отдела МКУ «МФЦ» Вытегорского муниципального района был составлен социальный портрет посетителя муниципалитета. Это гражданин России, который проживает за пределами Вологодской области и приезжает на территорию Вытегорского района с культурно-познавательной целью на автотранспорте¹⁵. Ежегодно муниципалитет посещают порядка 80 тысяч туристов и экскурсантов, из которых, согласно результатам социологического опроса, проведенного администрацией муниципального образования, порядка 10% составляют жители Мурманской области¹⁶.

В целом средняя интенсивность движения на автотрассе А-119 Вологда – Медвежьегорск составляет 3460 автомобилей в сутки¹⁷. Таким образом, потенциальный спрос на услуги АЗС со стороны туристов и местных жителей обуславливает потребность в их создании на линии рассматриваемого автомаршрута.

В соответствии с обозначенными выше критериями предлагается дополнить этот маршрут четырьмя автозаправочными станциями, три из которых относятся к участку автодороги А-119, соединяющему Вытегру и Медвежьегорск (рис. 4).

Для роста турпотока и увеличения комфортности путешествия предлагается разместить первую АЗС на ключевом участ-

ке А-119 на 232 км. Проектируемый объект обладает доступностью для населенных пунктов – в 15 км находится Кемское сельское поселение Вытегорского района Вологодской области. На его территории располагаются предприятия, занимающиеся лесозаготовкой и деревопереработкой (ООО «Восток», ГУ ВО Ковжинский лесхоз, ЗАО «Ковжинский леспромхоз»¹⁸), которые также могут стать потенциальными потребителями услуг заправочного комплекса.

Участок автодороги А-119 от г. Вытегры до г. Медвежьегорска составляет 310 км, расчетное время пути – около 4 ч с учетом неровной дороги. В пути встречается лишь одна АЗС в г. Пудож Республики Карелии. По линии маршрута выявлено 35 КСР, из них 7 – в Пудож, 12 – в Медвежьегорске. Восточное побережье Онежского озера пользуется популярностью среди туристов, о чем свидетельствует значительное количество КСР. В связи с этим размещение второго объекта АЗС возможно на участке А-119 на 368 км, который характеризуется близостью гостиницы «Прионежская Ривьера» и памятника природы «Андомская гора». В 15 км расположено Андомское сельское поселение Вологодской области, включающее 78 населенных пунктов, где проживает порядка 2 тысяч человек. В нем также функционируют предприятия, занимающиеся лесозаготовкой и сельскохозяйственным производством¹⁹.

Третью АЗС целесообразно расположить на участке А-119 в деревне Песчаное, входящей в состав Авдеевского сельского поселения Пудожского района Республики Карелии. Вблизи от объекта размещено 5 гостиниц («Отдых в Карелии», «Домик у Медведя», «Песчаное», «Потапыч» и «Онежский берег»), а в радиусе 20 км – Пяльмское сельское по-

¹⁴ Пудож: газификация и транспорт – в центре внимания. URL: <http://rk.karelia.ru/social/pudozh-v-tsentre-nimaniya-turizm> (дата обращения 02.09.2022).

¹⁵ Вытегория туристическая. URL: <https://vytegra.news/vytegoriya-turisticheskaya> (дата обращения 02.09.2022).

¹⁶ Вытегорский район становится все более привлекательным для туристов. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26407.4/3282086> (дата обращения 02.09.2022).

¹⁷ Главное управление МЧС России по Республике Карелии. URL: <https://10.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/operativnaya-informaciya/prognozy/1647327> (дата обращения 02.09.2022).

¹⁸ Социально-экономическое состояние поселения. URL: http://kemscoe.ru/ekonomika/pasport_mo

¹⁹ Сельское поселение Андомское Вытегорского муниципального района Вологодской области. URL: <https://andomskoe.ru/otchet>

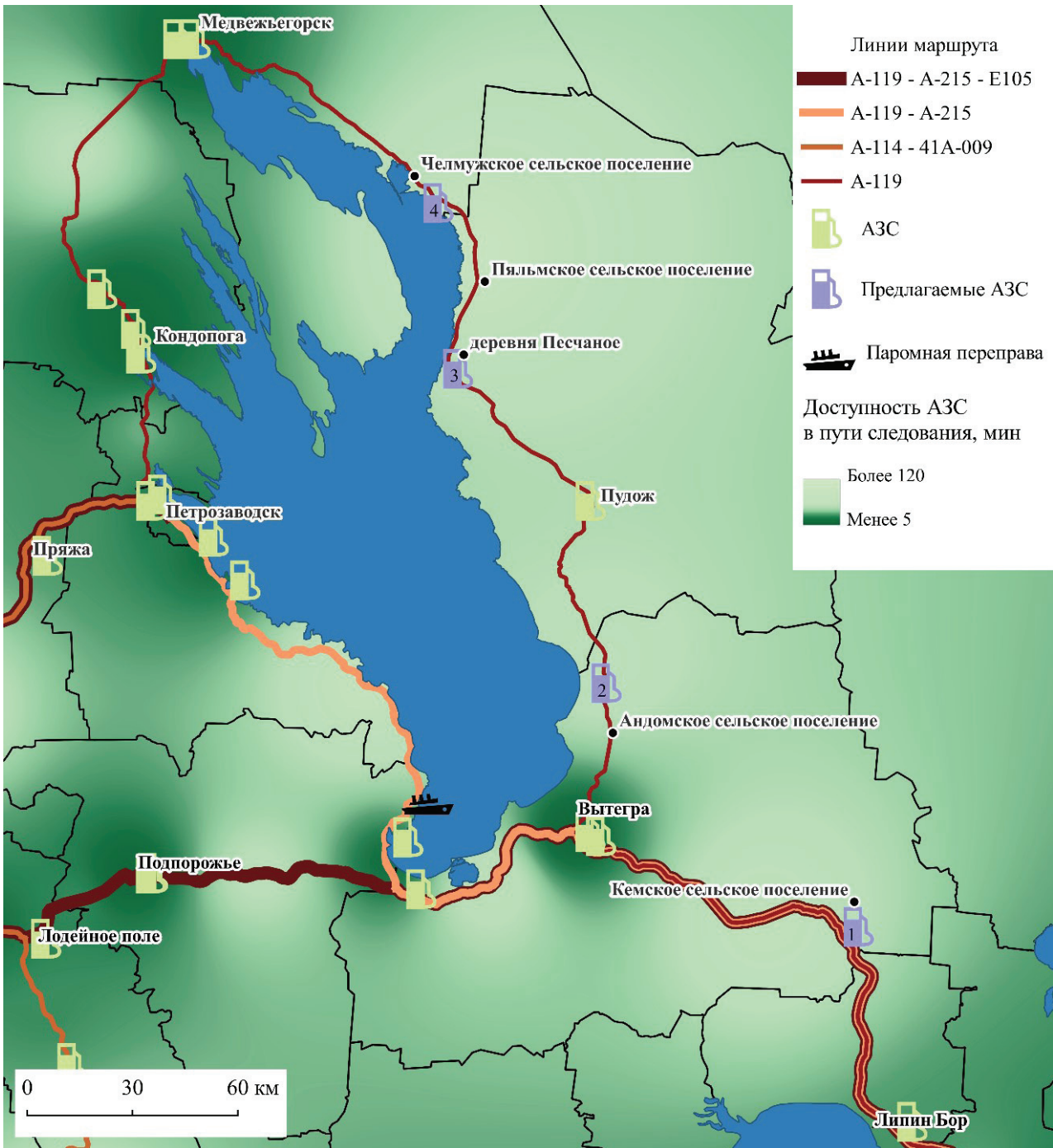

Рис. 4. Проектируемые автозаправочные станции на участке трассы А-119

Источник: составлено авторами.

селение Пудожского района, насчитывающее порядка 2 тысяч жителей. На его территории располагаются лесопромышленные компании и производители пиломатериалов и изделий из дерева, например ООО «Лесозавод Пяльма».

Четвертую автозаправку следует расположить на 551 км трассы А-119. Она характеризуется доступностью к таким объектам культуры, как Богоявленская деревянная

церковь им. Петра и Павла, Челмужская усадьба (она же гостиница), к природному объекту Челмужская коса, представляющему песчаный мыс длиной порядка 13 км, а также находится вблизи Челмужского сельского поселения Медвежьегорского района Республики Карелии.

Проектируемые объекты придорожного сервиса позволят маршруту быть более ком-

фортным и безопасным, поскольку близкое расположение АЗС с наличием станций технического обслуживания способствует быстрому реагированию на возможные дорожно-транспортные происшествия в пути. Также повысится временная доступность туристических объектов для путешественников.

Предложенные выше варианты размещения автозаправочных станций будут занимать соседствующее положение с КСР, объектами культуры и природы, а также сельскими поселениями, обеспечивающее спрос в туристический сезон и на постоянной основе за счет местного населения. Рост туристического потока позволит задействовать малонаселенные территории и будет способствовать их развитию.

Стоит отметить, что согласно инвестиционным паспортам Вытегорского и Пудожского муниципальных районов в качестве инвестиционно-привлекательных среди прочих выступают площадки для строительства автозаправочных станций. Некоторые из них находятся в границах предлагаемых нами участков трасс для размещения этих объектов, что подтверждает обоснованность проведенных расчетов.

Заключение

Проведенное исследование позволило уточнить временную доступность объектов придорожного сервиса на автомобильных маршрутах, которыми пользуются внутренние туристы. Оценка времени, затрачиваемого при совершении планируемого путешествия, более понятна, чем измерение расстояния, поскольку дает возможность более рационально подходить к организации поездки. Предлагаемая методика доступности объектов придорожного сервиса с учетом типа дорожного покрытия позволяет более объективно оценить временные затраты на путешествие, выявить слабооборудованные участки трассы и модернизировать их, тем самым улучшив комфортность путешествия. Ее достоинствами являются возможность проведения расчетов на основе открытых источников, применимость для всей терри-

тории России, учет не обследуемых официальной статистикой факторов, влияющих на время совершения поездки. Ограничением исследования является отсутствие официальной информации, характеризующей интенсивность движения пассажиропотока на автодорогах анализируемых регионов. Кроме того, данные для оценки временной доступности объектов придорожного сервиса могут быстро устаревать, что требует организации мониторинга маршрутной сети.

Представленный нами инструментарий может использоваться в целях оценки доступности для туристов объектов культуры и природы, например, в рамках проектирования туристических маршрутов в экотуризме, походов и велотуров, организации автобусных туров. Точная оценка временной доступности объектов дает возможность определить потенциальные места для отдыха, а также, руководствуясь временем, посетить больше туристических объектов, чем было запланировано. Она особенно эффективна при организации детских походов, поскольку эта категория туристов наиболее восприимчива к затраченному в пути времени.

В результате использования геоинформационного моделирования выявлены участки автодорог, нуждающиеся в обеспечении автозаправочными станциями, и спроектированы места размещения заправочных станций, что позволит нарастить объем межрегионального турпотока и увеличить потребление туристических услуг. Это особенно важно с учетом реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», предполагающего совершенствование туристической инфраструктуры, в том числе на основе появления новых инвестиционных туристических объектов, и выделение на указанные цели значительного объема финансирования. Строительство автозаправочных комплексов возможно в рамках государственной поддержки инвесторов. Например, в Республике Башкортостан действует программа развития придорожного сервиса, согласно которой инвестор при финансировании строительства объекта стоимостью более 50 млн рублей, предпола-

ющего создание не менее 25 рабочих мест, может получить земельный участок в аренду без проведения торгов, а также претендовать на возмещение части затрат. В Мурманской области разработана программа развития придорожного сервиса для туристов, предусматривающая предоставление субсидии до 5 млн рублей предпринимателям, чья деятельность связана с развитием инфраструктуры качественного придорожного сервиса в регионе.

Именно автопутешественники являются категорией туристов, способной значительно увеличить внутреннее туристское потребление и повысить уровень мобильности населения. Стоит отметить, что в настоящее время спрос между регионами на автомаршруты распределен неравномерно – самыми востребованными являются автодороги туристического маршрута «Золотое кольцо России», трассы, соединяющие Москву и Санкт-Петербург,

маршруты из столиц на Черноморское побережье России²⁰. Это еще больше актуализирует необходимость развития автомобильного туризма в регионах страны.

Научная новизна исследования состоит в разработке методического подхода к оценке доступности для туристов объектов придорожного сервиса с учетом времени, который позволяет более точно определить удаленность объектов друг от друга. Полученные результаты имеют практическую значимость, способствуя появлению новых объектов дорожной инфраструктуры, обеспечивая безопасность и комфорт поездки туристов, активизируя рост спроса на туристские ресурсы регионов, и могут быть использованы органами власти при проектировании туристических маршрутов, а также туристами для оценки доступности тех или иных мест при составлении собственных маршрутов поездок с учетом временного фактора.

ЛИТЕРАТУРА

- Аносов Б.А. (2021). Активизация потребительского спроса как залог успешного развития экономики КНР // Проблемы прогнозирования. № 6 (189). С. 158–167. DOI: 10.47711/0868-6351-189-158-167
- Ершов М.В., Танасова А.С., Соколова Е.Ю. (2021). О механизмах стимулирования внутреннего спроса как ключевого фактора роста экономики // Экономика региона. Т. 17. Вып. 1. С. 114–129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9
- Иванова Ю.О., Аверин А.В., Свагдиене Б. (2021). Детерминанты устойчивого развития туризма в период пандемии // Аудиторские ведомости. № 4. С. 162–167. DOI: 10.24411/1727-8058-2021-4-162-167
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Моисеева Ю.О. (2018). Экономический рост и динамика уровня доходов населения // Russian Journal of Labor Economics. № 2. С. 599–606. DOI: 10.18334/et.5.2.390461
- Морозов Д.В., Се Цзинфу (2021). Опыт развития сельского туризма в Китае: мат-лы XII Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Агротуризм в период современных вызовов: национальный опыт», Респ. Беларусь, г. Минск, 25 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л.М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ. С. 90–99.
- Павлюк Я.В., Алейников А.С. (2019). Особенности геоинформационного моделирования туристско-рекреационного потенциала (на примере Белгородской области) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 5. № 2. С. 26–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4
- Потапов И.А. (2016). Методические подходы к анализу транспортно-географического положения (на примере Архангельской области) // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. № 4. С. 43–55. DOI: 10.12737/20182

²⁰ Ростуризм назвал наиболее востребованные маршруты для автотуристов. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/88249>

- Пшеничных Ю.А. (2021). Анализ динамики и тенденций развития современного международного туристского рынка // Вестник университета. № 1. С. 53–61.
- Сафиуллин М.Р. (2021). Придорожный сервис региона как условие развития внутреннего туризма (на примере Республики Башкортостан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 1. С. 170–174. DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-1-170-174
- Шелег Н.С., Коротыш Д.П. (2020). Экономико-географическая оценка потенциала объектов придорожного сервиса на магистральных автомобильных дорогах Республики Беларусь // Весці БДПУ. Т. 3. № 1. С. 62–68.
- Широв А.А., Потапенко В.В. (2020). Парадокс российского потребления // ЭКО. № 6. С. 8–25. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-8-25
- Якунин П.Н. (2011). Оценивание транспортной доступности для целей организации предпринимательской деятельности по доставке туристов в удаленные дестинации // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. № 4. С. 160–170.
- AlKahtani S.J. H., Xia J. C., Veenendaaland B., Caulfield C., Hughes M. (2015). Building a conceptual framework for determining individual differences of accessibility to tourist attractions. *Tourism Management Perspectives*, 16, 28–42. DOI: 10.1016/j.tmp.2015.05.002
- Seccato R., Deflorio F., Diana M., Pirra M. (2020). Measure of urban accessibility provided by transport services in Turin: A traveller perspective through a mobility survey. *Transportation Research Procedia*, 45, 301–308. DOI: 10.1016/j.trpro.2020.03.020
- Gehrke S.R., Akhavan A., Furth P.G., Wang Q., Reardon T.G. (2020). A cycling-focused accessibility tool to support regional bike network connectivity. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 85, Article 102388. DOI: 10.1016/j.trd.2020.102388
- Hadad S., Hadad Y., Malul M., Rosenboim M. (2012). The economic efficiency of the tourism industry: A global comparison. *Tourism Economics*, 18 (5), 931–940. DOI: 10.5367/te.2012.0165
- Hiegel C. (1999). La station-service: edude spatiale du reseau de distribution de carburant a Strasbourg. *Revue Geographique de l'Est*, 39 (2-3). DOI: 10.4000/rge.4444
- Hooper J. (2015). A destination too far? Modelling destination accessibility and distance decay in tourism. *GeoJournal*, 80 (1), 33–46. DOI: 10.1007/s10708-014-9536-z
- Kolondinskaja J., Bertuliene L. (2020). Layout of rest areas and their infrastructure development in the south-eastern region of Lithuania. *The Baltic Journal of Road and Bridge Engineering*, 15, 130–145. DOI: 10.7250/bjrbe.2020-15.488
- Marrocu E., Paci R. (2011). They arrive with new information. Tourism flows and production efficiency in the European regions. *Tourism Management*, 32 (4), 750–758. DOI: 10.1016/j.tourman.2010.06.010
- Marrocu E., Paci R. (2013). Different tourists to different destinations. Evidence from spatial interaction models. *Tourism Management*, 39, 71–83. DOI: 10.1016/j.tourman.2012.10.009
- Park D., Kim J., Kim W. G., Park H. (2019). Does distance matter? Examining the distance effect on tourists' multi-attraction travel behaviors. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 36 (6), 693–710. DOI: 10.1080/10548408.2019.1624243
- Reitsamer B.F., Brunner-Sperdin A. (2017). Tourist destination perception and well-being: What makes a destination attractive? *Journal of Vacation Marketing*, 23 (1), 55–72. DOI: 10.1177/1356766715615914
- Romo-Martin A., Perez-Acebo H. (2019). Service and rest areas in toll motorways in Poland: Study of distribution and facilities. *Transport Problems*, 14, 155–164. DOI: 10.20858/tp.2019.14.2.14
- Vale D. (2020). Effective accessibility: Using effective speed to measure accessibility by cost. *Transportation Research Part D: Transport and Environment: Transport and Environment*, 80, Article e102263. DOI: 10.1016/j.trd.2020.102263
- Zhu Y., Diao M. (2020). Crowdsourcing-data-based dynamic measures of accessibility to business establishments and individual destination choices. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 87, Article 102382 DOI: 10.1016/j.trd.2020.102382

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Арина Юрьевна Кудревич – старший лаборант с высшим образованием, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru)

Leonidova E.G., Kudrevich A.Yu.

**ASSESSMENT OF THE TIME ACCESSIBILITY OF REST AREAS
IN THE REGION IN THE CONTEXT OF THE GROWTH OF TOURISM
SERVICES CONSUMPTION**

The article is devoted to the topical problem of stimulating the growth of consumption of tourist services in the Russian regions. One of the barriers constraining the development of domestic tourism is the lack of infrastructure, including rest area facilities. Given the prevalence of road transport used for tourism, it has been suggested that the decision to travel is influenced by the availability of a sufficient number of gas stations for a comfortable trip. In this regard, the purpose of the study was to assess the time accessibility of rest areas on the way to the tourist sites, which determines the volume of consumption of tourist services in the region. General scientific methods of research (analysis, synthesis, comparison, generalization), as well as the cartographic method and geo-informational modeling were used to achieve the goal. On the basis of the proposed methodology for assessing the time accessibility of gas stations, it was found that the actual travel time exceeds the calculated standards. This can have a negative impact both on the experience of the trip and on the volume of tourist flow. With the help of geo-informational modeling on the route lines, we have identified areas characterized by low time accessibility of gas stations, as well as proposed areas for the possible location of gas stations. Scientific novelty of the study is in developing a methodological approach to evaluating the accessibility of rest areas, taking into account time, which allows evaluating their remoteness from each other more accurately. Information base consist of the works of Russian and foreign scientists dealing with the problems of consumer demand, assessment of road infrastructure accessibility for tourists, as well as official statistics, information from analytical services, the results of sociological surveys. Materials of the article are of practical interest for the authorities in the development of inter-regional tourist routes, which pass along the roads connecting the Vologda Oblast and the Republic of Karelia.

Consumer demand, tourism, rest areas, gas stations, domestic tourism, time accessibility.

REFERENCES

- AlKahtani S.J.H., Xia J.C., Veenendaaland B. et al. (2015). Building a conceptual framework for determining individual differences of accessibility to tourist attractions. *Tourism Management Perspectives*, 16, 28–42. DOI: 10.1016/j.tmp.2015.05.002
- Anosov B.A. (2021). Activating consumer demand as a key to successful development of the PRC economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6(189), 158–167. DOI: 10.47711/0868-6351-189-158-167 (in Russian).

- Ceccato R., Deflorio F., Diana M., Pirra M. (2020). Measure of urban accessibility provided by transport services in Turin: A traveller perspective through a mobility survey. *Transportation Research Procedia*, 45, 301–308. DOI: 10.1016/j.trpro.2020.03.020
- Ershov M.V., Tanasova A.S., Sokolova E.Yu. (2021). Stimulating domestic demand as a key factor of economic growth. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(1), 114–129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9 (in Russian).
- Gehrke S.R., Akhavan A., Furth P.G. et al. (2020). A cycling-focused accessibility tool to support regional bike network connectivity. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 85, Article 102388. DOI: 10.1016/j.trd.2020.102388
- Hadad S., Hadad Y., Malul M., Rosenboim M. (2012). The economic efficiency of the tourism industry: A global comparison. *Tourism Economics*, 18(5), 931–940. DOI: 10.5367/te.2012.0165
- Hiegel C. (1999). La station-service: Edude spatiale du reseau de distribution de carburant a Strasbourg. *Revue Geographique de l'Est*, 39(2–3). DOI: 10.4000/rge.4444
- Hooper J. (2015). A destination too far? Modelling destination accessibility and distance decay in tourism. *Geojournal*, 80(1), 33–46. DOI: 10.1007/s10708-014-9536-z
- Ivanova Yu.O., Averin A.V., Svagdiene B. (2021). Determinants of tourism sustainable development during the pandemic. *Auditorskie vedomosti=Audit Journal*, 4, 162–167. DOI: 10.24411/1727-8058-2021-4-162-167 (in Russian).
- Kolondinskaja J., Bertulienė L. (2020). Layout of rest areas and their infrastructure development in the south-eastern region of Lithuania. *The Baltic Journal of Road and Bridge Engineering*, 15, 130–145. DOI: 10.7250/bjrbe.2020-15.488
- Leonidova E.G., Sidorov M.A. (2019). Structural changes in the economy: Searching for sectoral drivers of growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 166–181. DOI:10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Russian).
- Marrocu E., Paci R. (2011). They arrive with new information. Tourism flows and production efficiency in the European regions. *Tourism Management*, 32(4), 750–758. DOI: 10.1016/j.tourman.2010.06.010
- Marrocu E., Paci R. (2013). Different tourists to different destinations. Evidence from spatial interaction models. *Tourism Management*, 39, 71–83. DOI: 10.1016/j.tourman.2012.10.009
- Moiseeva Yu.O. (2018). Economic growth and income dynamics of the population. *Russian Journal of Labor Economics*, 2, 599–606. DOI: 10.18334/et.5.2.390461 (in Russian).
- Morozov D.V., Xie Jingfu. (2021) Experience of rural tourism development in China. In: *Materialy XII Nats. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem "Agroekoturizm v period sovremennykh vyzovov: natsional'nyi opyt", Resp. Belarus', g. Minsk, 25 noyabrya 2021 g* [Proceedings of the 12th National Scientific-Practical Conference with International Participation "Agroecotourism in the Period of Modern Challenges: National Experience", Belarus, Minsk, November 25, 2021]. Minsk: BSU (in Russian).
- Park D., Kim J., Kim W. G., Park H. (2019). Does distance matter? Examining the distance effect on tourists' multi-attraction travel behaviors. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 36(6), 693–710. DOI: 10.1080/10548408.2019.1624243
- Pavlyuk Ya.V., Aleinikov A.S. (2019). Features of geoinformational modeling of tourist and recreational potential (on the example of the Belgorod region). *Nauchnyi rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa=Research Results. Business and Service Technologies*, 5(2), 26–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4 (in Russian).
- Potapov I.A. (2016). Methodological approaches to the analysis of transport-geographical location of recreational objects (the example of Arkhangelsk Region). *Servis v Rossii i za rubezhom=Services in Russia and Abroad*, 10(4), 43–55. DOI: 10.12737/20182 (in Russian).
- Pshenichnykh Yu.A. (2021). Analysis of the dynamics and trends in the development of modern international tourist market. *Vestnik universiteta*, 1, 53–61 (in Russian).

- Reitsamer B.F., Brunner-Sperdin A. (2017). Tourist destination perception and well-being: What makes a destination attractive? *Journal of Vacation Marketing*, 23(1), 55–72. DOI: 10.1177/1356766715615914
- Romo-Martin A., Perez-Acebo H. (2019). Service and rest areas in toll motorways in Poland: Study of distribution and facilities. *Transport Problems*, 14, 155–164. DOI: 10.20858/tp.2019.14.2.14
- Safullin M.R. (2021). Roadside service of the region as a condition for the development of domestic tourism (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Geopolitika i ekogeodinamika regionov=Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, 7(1), 170–174. DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-1-170–174 (in Russian).
- Sheleg N.S., Korotysh D.P. (2020). Economic-geographic estimation of potential of road service objects on the highways of the Republic of Belarus. *Vesti BDPU=BSPU Bulletin*, 3(1), 62–68 (in Russian).
- Shirov A.A., Potapenko V.V. (2020). The Russian consumption paradox. *EKO=ECO*, 6, 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25 (in Russian).
- Vale D. (2020). Effective accessibility: Using effective speed to measure accessibility by cost. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 80, Article e102263 DOI: 10.1016/j.trd.2020.102263
- Yakunin P.N. (2011). Assessment of transport accessibility for the purpose of organizing entrepreneurial activities to deliver tourists to remote destinations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina=Pushkin Leningrad State University Journal*, 4, 160–170 (in Russian).
- Zhu Y., Diao M. (2020). Crowdsourcing-data-based dynamic measures of accessibility to business establishments and individual destination choices. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 87, Article 102382 DOI: 10.1016/j.trd.2020.102382

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina G. Leonidova – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Arina Yu. Kudrevich – Senior Laboratory Assistant with a university degree, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.5

УДК 336.27 | ББК 65.261.7

© Файберг Т.В., Гордеев В.В.

ТЕНДЕНЦИИ ДОЛГОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ФАЙБЕРГ

Байкальский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

e-mail: faibergtv@bgu.ru

ORCID: [0000-0002-1839-4162](https://orcid.org/0000-0002-1839-4162); ResearcherID: [AFY-1209-2022](https://publons.com/urn:li:member/12092022)

ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРДЕЕВ

Министерство финансов Иркутской области

Иркутск, Российская Федерация

e-mail: vladisgordeev1798@rambler.ru

ORCID: [0000-0001-7512-8357](https://orcid.org/0000-0001-7512-8357); ResearcherID: [GLT-9148-2022](https://publons.com/urn:li:member/91482022)

Современные условия, характеризующиеся активным реформированием бюджетных отношений в России на фоне экономической ситуации, связанной с санкционным давлением и последствиями пандемии коронавирусной инфекции, накладывают отпечаток на направления развития бюджетов субъектов Российской Федерации. С одной стороны, регионы обязаны выполнять требования бюджетного законодательства и исполнять возложенные на них функции, с другой, ограничены в финансовых ресурсах для решения поставленных задач. В результате несбалансированности региональных бюджетов возникает государственный долг субъектов Российской Федерации, эффективному управлению которым должна способствовать своевременная адекватная оценка долговой устойчивости. Именно выявлению тенденций долговой устойчивости субъектов Российской Федерации на примере регионов Сибирского федерального округа посвящена данная статья. Проанализированы динамика состава и структуры государственного регионального долга в рассматриваемом федеральном округе и важнейшие факторы, влияющие

Для цитирования: Файберг Т.В., Гордеев В.В. (2022). Тенденции долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 57–72. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.5

For citation: Faiberg T.V., Gordeev V.V. (2022). Trends in debt sustainability of the Siberian Federal District regions. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 57–72. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.5

на величину и динамику долга: сбалансированность бюджетов, доля налоговых и неналоговых доходов в бюджете региона. Выявлено отношение расходов бюджетов в регионах Сибирского федерального округа на обслуживание государственного долга не только к совокупным расходам бюджетов, но и к налоговым и неналоговым доходам, валовому региональному продукту. Анализ позволил выделить особенности динамики и структуры регионального долга в каждом субъекте РФ, входящем в округ, и на этой основе определить возможности займовой деятельности региональных органов власти в перспективе.

Региональный долг, долговая устойчивость, государственные заимствования, государственный долг, долговая нагрузка, региональный бюджет.

Современная экономическая ситуация предъявляет повышенные требования к качеству управления региональными бюджетами, в том числе к качеству реализуемой в регионах долговой политики.

Заимствования являются одним из источников формирования финансовых ресурсов региона и считаются нормальной финансово-бюджетной практикой. Наличие дефицита регионального бюджета не всегда сопутствует проблемам в экономике субъекта Российской Федерации или же характеризует его финансовую политику как неэффективную. Рост государственных займов в субъектах РФ может говорить о целенаправленном увеличении расходов региональных бюджетов на развитие инфраструктуры, социальной сферы и конкретных отраслей экономики. Основным источником сбалансированности возникающего таким образом на постоянной основе бюджетного дефицита региона в российской практике (особенно, согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, в условиях несбалансированности национальной бюджетной системы и неравномерности пространственного развития страны, с усилением дифференциации регионов по уровню и темпам социально-экономического развития) являются, как правило, заемные средства.

Однако хроническая дефицитность бюджета и регулярное долговое финансирование развития (вызывающие рост абсолютной величины как государственного долга, так и расходов бюджета по его обслуживанию) регионов ведут в перспективе к долговому кризису, дисбалансу финансово-бюджетной системы страны и региональных

финансов. При невозможности субъекта РФ, в результате недостаточно эффективного управления принятыми государственными долговыми обязательствами, своевременно погашать их фактически происходит их переложение на центральное правительство; возникает бюджетный кризис конкретной территории, влекущий за собой невыполнение ею своих функций, включая предоставление государственных услуг.

С учетом вышесказанного выявление тенденций долговой устойчивости регионов, способной помочь органам государственной власти субъектов Федерации принимать оперативные и обоснованные решения по управлению ими, имеет особую значимость.

В условиях усиливающейся дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, следствием чего стала «деградация региональных финансовых систем» (Бубнов, 2022), именно исследованию государственного долга в отдельных субъектах и федеральных округах России необходимо уделять внимание, что будет способствовать выработке адекватной долговой политики в соответствующем субъекте РФ.

Тенденции долговой нагрузки в Дальневосточном федеральном округе выявлены в работах С.Н. Леонова (Леонов, 2020), Центральном федеральном округе – С.М. Степановой, И.А. Смирновой, В.Ф. Коробовой (Степанова и др., 2020), Южном федеральном округе – С.К. Ешуговой, С.К. Хамирзовой (Ешугова, Хамирзова, 2021).

Цель нашего исследования заключается в выявлении тенденций долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа.

Эффективное управление государственным долгом субъектов РФ с позиции базиру-

ющихся на законодательстве нормативов изучается в трудах отечественных авторов, таких как М.В. Казаковцева (Казаковцева, 2016), К.В. Синявская, Р.Р. Яруллин (Синявская, Яруллин, 2020), В.С. Терещенко, М.Л. Королева (Терещенко, Королева, 2022) и др. Несмотря на упоминания эффективного управления государственным долгом по отношению к субъектам РФ, вопросы методологии ее оценки в контексте изучения субъектов РФ остаются дискуссионными, в основном будучи представленными методологическими подходами Е.А. Ермаковой (Ермакова, 2013) и А.В. Шапранова (Шапранов, 2013), и частично находят отражение в исследованиях А.В. Галухина (Галухин, 2017), М.М. Озганбаевой, Г.Е. Каратаевой (Озганбаева, Каратаева, 2018), С.Н. Солдаткина (Солдаткин, 2014) и др.

Зарубежные исследователи рассматривают эффективное управление как совокупность процедур управления государственным долгом; наличие надежных и всеобъемлющих баз данных о долгах с общедоступной высококачественной отчетностью для оперативной реализации целей мониторинга, анализа, политики и принятия решений. Такую точку зрения высказывают Э. Косио-Паскаль (Cosio-Pascal, 2015), С. Габер (Gaber et al., 2013), М. Фират (Firat, 2009) и др. При этом вопросы оценки эффективности долговой политики также актуальны для зарубежных исследователей. Эффективность государственной долговой политики отдельных территорий анализируют О. Хрубляк (Hrubliak, 2020), А. Костекчи (Köstekçi, Yıldız, 2020) и др. До сих пор активно обсуждаются вопросы границ государственного долга (de-Córdoba et al., 2021).

В целях исследования долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа можно применить множество индикаторов. В первую очередь следует выделить нормативные значения Бюджетного кодекса РФ, согласно которым субъекты РФ подразделяются по трем группам долговой устойчивости. Кроме того, могут быть использованы и авторские методики, в числе которых отметим методики, разработанные В.П. Винокуровой (Винокурова, 2006) и Е.А. Ермаковой (Ермакова, 2013).

Исследование долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа будет произведено нами на основе данных Министерства финансов РФ и Федерального казначейства за 2017–2021 гг. путем выявления тенденций как абсолютных, так и относительных показателей, что позволит определить «запас прочности» бюджетов субъектов РФ в 2022 году.

При оценивании степени тяжести долговой нагрузки и определении ее тенденций предварительно необходимо рассмотреть такой фактор, как сбалансированность регионального бюджета, оказывающий значительное влияние на присутствие и динамику государственного долга субъекта РФ.

По «масштабу» бюджетов входящих в него субъектов Сибирский федеральный округ (далее – СФО) начиная с 2020 года (когда он обошел по этому критерию Уральский федеральный округ) занимает четвертую позицию среди федеральных округов. Совокупные доходы региональных бюджетов округа возросли за 2017–2021 гг. на 83,1%, с 881,73 млрд руб. до 1614,17 млрд руб., а совокупные расходы – на 68,1%, с 866,66 до 1457,10 млрд руб. Почти все годы, начиная с 2017 года, наблюдался суммарный профицит бюджетов регионов СФО: в 2017 году в размере 15,07 млрд руб., 2018 – 69,41 млрд руб., 2019 – 15,28 млрд руб. и 2021 – 181,92 млрд руб. Только в 2020 году общий бюджетный дефицит субъектов РФ, входящих в СФО, составил -73,7 млрд руб.

Следует отметить, что сбалансированность бюджетов субъектов СФО зависит от конечного финансового результата в трех регионах: Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях, чья экономика существенно зависит от добычи и обработки полезных ископаемых. Волатильность цен последних, главным образом металлов и угля, определяет прибыль компаний и отражается на поступлениях по налогу на прибыль. К примеру, в 2021 году на фоне повышения цен на уголь величина зачисляемых в областной бюджет Кемеровской области – Кузбасса поступлений по налогу на прибыль (100,63 млрд руб.) оказалась выше, чем в

2020 году (30,42 млрд), более чем в три раза, когда на данное сырье фиксировался низкий уровень цен. В результате профицит бюджета субъекта РФ в 2021 году достиг 34,52 млрд руб., в то время как в 2020 году дефицит равнялся 41,14 млрд руб.

Наибольшим объемом ресурсов, сосредотачиваемых в бюджете региона (табл. 1), внутри СФО характеризуется Красноярский край. Его доходы в изучаемом периоде увеличились с 208,30 до 395,78 млрд руб. (24,5% от совокупных поступлений СФО на 01.01.2022), т. е. на 90,0%, а расходы – с 212,84 до 308,93 млрд руб., т. е. на 45,2% (29,7% от

совокупных расходов СФО). Но в отдельные годы темпы их прироста различны, что ведет к положительному финансовому результату исполнения краевого бюджета (как в 2019–2021 гг., 36,61, 0,39 и 86,85 млрд руб. соответственно) или же отрицательному (как в 2017 и 2019 гг. – -4,54 и -1,80 млрд руб. соответственно), следовательно, вызывает потребность в привлечении заемных средств. При этом при наличии годового профицита в течение года также могут быть необходимы заимствования в целях покрытия временных кассовых разрывов или погашения и обслуживания уже имеющегося государственного долга.

Таблица 1. Динамика основных параметров, характеризующих бюджеты регионов Сибирского федерального округа в 2017–2021 гг., млрд руб.

Регион СФО	Доходы бюджета региона						Расходы бюджета региона						Профицит / дефицит бюджета				
	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	темпа роста, 2021 год к 2017 году, %	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	темпа роста, 2021 год к 2017 году, %	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Итого по Сибирскому федеральному округу	881,73	1 050,36	1 153,27	1 292,30	1 614,17	183,07	866,66	980,95	1 138,00	1 366,00	1 457,10	168,13	15,07	69,41	15,28	-73,70	157,06
Красноярский край	208,30	237,98	285,19	288,70	395,78	190,00	212,84	239,77	248,58	288,31	308,93	145,15	-4,54	-1,80	36,61	0,39	86,85
Иркутская область	136,63	163,26	194,87	207,71	253,07	185,22	136,81	149,27	207,23	223,80	235,56	172,18	-0,18	13,99	-12,36	-16,09	17,51
Новосибирская область	124,67	147,46	159,63	194,73	237,73	190,69	121,28	140,05	165,91	199,17	222,28	183,28	3,39	7,41	-6,28	-4,44	15,45
Кемеровская область – Кузбасс	136,14	168,68	157,91	165,36	237,09	174,15	113,55	132,53	158,89	206,50	202,58	178,41	22,59	36,15	-0,98	-41,14	34,52
Алтайский край	84,96	102,03	107,49	134,28	150,85	177,55	83,52	93,25	107,73	128,95	143,26	171,53	1,44	8,78	-0,24	5,33	7,60
Омская область	74,45	87,85	95,61	115,02	126,76	170,26	75,20	85,42	94,61	116,81	129,21	171,82	-0,75	2,43	0,99	-1,79	-2,45
Томская область	53,87	62,11	67,22	76,21	86,37	160,33	59,50	62,81	70,63	86,23	90,77	152,55	-5,63	-0,70	-3,41	-10,02	-4,40
Республика Тыва	23,20	27,84	31,42	46,09	50,82	219,05	22,83	27,11	31,77	46,27	51,15	224,05	0,37	0,73	-0,35	-0,18	-0,34
Республика Хакасия	24,00	34,69	31,48	37,01	46,93	195,54	25,87	31,96	30,22	42,17	44,88	173,48	-1,87	2,73	1,26	-5,16	2,05
Республика Алтай	15,51	18,46	22,46	27,19	28,77	185,49	15,25	18,78	22,44	27,80	28,48	186,75	0,26	-0,32	0,02	-0,61	0,28

Составлено по: данные Федерального казначейства.
Примечание: среди субъектов СФО здесь и далее не приведены значения по Республике Бурятия и Забайкальскому краю, которые с 2018 года перешли в состав Дальневосточного ФО.

Наименьший объем бюджета зафиксирован у Республики Алтай, чьи доходы выросли на 85,5%, с 15,51 млрд руб. в 2017 году до 28,77 млрд руб. (до 1,8% ко всем доходам СФО) в 2018 году, а расходы – с 15,25 до 28,48 млрд руб. (до 0,5% от общих расходов СФО). В 2017 и 2019 гг. бюджет Республики Алтай исполнен с профицитом, а в 2018 и 2020 гг. – с дефицитом.

Иркутская область в анализируемом отрезке времени по размеру регионального бюджета занимала второе место из 10 субъектов РФ, находящихся в СФО. И доходы, и расходы субсуверенного образования растут: доходная часть областной казны за весь период увеличилась на 85,2%, со 136,63 до 253,07 млрд руб. (до 15,7% на 1 января 2022 года к доходам СФО всего), расходная – на 72,2%, со 136,81 до 235,56 млрд руб. (до 16,2% к суммарным расходам СФО). В 2017 и 2019–2020 гг. в регионе отмечено превышение бюджетных расходов над доходами, а в 2018 и 2021 гг. – профицит в 13,99 и 17,51 млрд руб. соответственно.

По итогам 2021 года у семи регионов СФО бюджет исполнен с профицитом (что и обеспечило общий профицит округа), у трех – с дефицитом: Томская (-4,40 млрд руб.), Омская (-2,45 млрд руб.) области и Республика Тыва (-0,34 млрд руб.).

Лишь пять регионов СФО в 2017–2021 гг. в среднем исполняли бюджеты с профицитом: Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская область – Кузбасс, Новосибирская область и Республика Тыва. Бюджетный профицит в этих условиях выступает «подушкой безопасности», которую можно использовать как источник финансирования дефицита бюджета в следующем году. Хотя эффективнее для экономики региона было бы использовать его на инвестиционные цели. Сформированный в 2018 году значительный бюджетный профицит во многих регионах округа, независимо от причин его формирования, позволил отсрочить бюджетный дефицит и существенное наращивание государственного регионального долга в совокупности по округу вплоть до 2020 года.

Наиболее значительный дефицит бюджета относительно собственных доходов за последние пять лет имели Томская область (10,4%) и Республика Хакасия (-3,0%).

В 2021 году наибольшая разница между темпами роста доходов и расходов имела место в Кемеровской области (143 и 98% соответственно) и Республике Хакасии (127 и 106% соответственно). Это говорит о значительном доходном потенциале указанных регионов и политике сдерживания расходов, нацеленной, в том числе, на минимизацию бюджетного дефицита и государственного долга.

На протяжении всего временного промежутка по величине налоговых и неналоговых доходов на СФО приходится пятое место среди федеральных округов. Описываемый показатель возрос на 64,8%, с 681,97 до 1123,68 млрд руб. Доля же налоговых и неналоговых доходов в доходах округа итого сократилась с 77,3 до 69,6% (при изменении среднестранового значения с 81,1 до 75,2%), при этом наиболее ощутимо – в 2020 году (62,0%), что обусловлено снижением собственных доходов вследствие принятия ограничительных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции и уменьшением сырьевых цен, с одной стороны, с ростом предоставляемых межбюджетных трансфертов из федерального центра для компенсации выпадающих доходов региональных бюджетов и на реализацию противопандемийных мероприятий – с другой.

Исходя из данных *табл. 2*, наибольшая бюджетная обеспеченность собственными доходами в СФО на начало 2022 года также наблюдается у Красноярского края – 84,2% (или 333,29 млрд руб. в абсолютном выражении) против 83,3% (173,58 млрд руб.) на начало 2018 года. Темп прироста собственных доходов за период равен 92,0%, что выше темпа прироста как доходов субсуверенного образования (90,0%), так и его расходов (45,2%). Наименьшая же обеспеченность бюджета доходами без учета безвозмездных поступлений наблюдается у Республики Тыва (что связано с невысокими показателями экономического развития субъекта) –

**Таблица 2. Динамика налоговых и неналоговых доходов бюджетов регионов
Сибирского федерального округа в 2017–2021 гг.**

Регион СФО	Налоговые и неналоговые доходы, млрд руб.					Доля в доходах региона всего, %				
	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Итого Сибирский федеральный округ	681,97	794,02	846,65	801,34	1 123,68	77,3	75,6	73,4	62,0	69,6
Красноярский край	173,58	198,75	248,89	229,74	333,29	83,3	83,5	87,3	79,6	84,2
Иркутская область	114,32	137,69	143,42	139,60	187,92	83,7	84,3	73,6	67,2	74,3
Кемеровская область – Кузбасс	112,59	137,02	126,36	102,87	184,93	82,7	81,2	80,0	62,2	78,0
Новосибирская область	106,63	122,57	125,16	126,66	163,30	85,5	83,1	78,4	65,0	68,7
Омская область	58,26	61,41	64,65	67,76	79,49	78,3	69,9	67,6	58,9	62,7
Алтайский край	49,39	54,25	57,46	60,02	73,56	58,1	53,2	53,5	44,7	48,8
Томская область	41,11	49,29	49,23	45,31	55,65	76,3	79,4	73,2	59,5	64,4
Республика Хакасия	18,05	24,17	21,06	17,80	29,96	75,2	69,7	66,9	48,1	63,8
Республика Алтай	3,34	3,92	4,52	5,90	8,09	21,5	21,2	20,1	21,7	28,1
Республика Тыва	4,68	4,96	5,91	5,69	7,49	20,2	17,8	18,8	12,3	14,7

Рассчитано по: данные Федерального казначейства.

14,7% (7,49 млрд руб.) на 1 января 2022 года против 20,2% (4,68 млрд руб.) на 1 января 2018 года. Темп прироста за период составил 60,0%.

В Иркутской области удельный вес налоговых и неналоговых доходов в общем размере доходов по итогам 2021 года составил 74,3% (третье место в СФО), в рублях – 187,92 млрд руб. (второе место); по итогам 2017 года – 83,7% (первое место в округе), в рублях – 114,32 млрд руб. (второе место). Изменение этой группы доходных источников в 2017–2021 гг. составило 64,4%. Поскольку в структуре налоговых поступлений областного бюджета преобладают отчисления предприятий добывающего сектора экономики (от добычи природного газа и сырой нефти), то определяющее влияние на доходы оказывает зависящее от изменчивости нефтяных котировок и валютного курса положение на рынке нефтегазовой отрасли. В 2020 году при неблагоприятных ценах на энергоресурсы избежать резкого обвала собственных доходов казны в Иркутской области удалось благодаря возросшей роли золота как защитного актива. Определяемая Центробанком РФ учетная цена на золото тогда же прибавила +43,0%. Высокая конку-

рентоспособность золотодобывающих компаний публично-правового образования, с их небольшими удельными затратами, и удачная экономическая конъюнктура вызвали рост налогоотдачи данных организаций по итогам года в 1,8 раза к результату предыдущего года.

Здесь необходимо упомянуть, что темпы прироста собственных доходов и Иркутской области, и Республики Тыва, и еще шести регионов СФО (кроме Красноярского края и Республики Алтай) за рассматриваемый отрезок времени меньше темпа прироста как суммарных доходов каждого из обозначенных субъектов РФ, так и их расходов, что прогнозно будет способствовать усилению обращения к долговым ресурсам субнациональными администрациями данных регионов.

Кроме того, в 2020 году только у Красноярского края доля собственных доходов была выше, чем в среднем по стране, при том что еще в 2017–2019 гг. аналогичными соотношением характеризовались Иркутская, Новосибирская области и Кемеровская область – Кузбасс. В 2021 году регионами с налоговыми и неналоговыми доходами выше среднероссийского уровня стали только Красноярский край и Кемеровская область –

Кузбасс. Поскольку отрасли обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых СФО (на которые приходится наибольшая доля его ВРП) сконцентрированы в нескольких субъектах, то и ВРП на душу населения субъектов округа также отличается, что и ограничивает их возможности по формированию доходной части бюджета.

В 2017–2021 гг. по объему региональной задолженности СФО относительно других федеральных округов стабильно находился на третьем месте. При этом по 2019 год включительно суммарный долг субъектов СФО сокращался (на начало следующего года 15,0% или -48,80 млрд руб. к 1 января 2018 года, с 325,10 до 276,28 млрд руб.). В 2020 году его рост возобновился: +20,8% к уровню предшествующего года (до 333,85 млрд руб.), или +2,7% к началу периода, что вызвано снижением доходной базы и ростом расходов региональных бюджетов в связи с пандемией коронавирусной инфекции при улучшении условий привлечения рыночных заимствований из-за неоднократного снижения ключевой ставки ЦБ РФ. В заключительном году рассматриваемого периода государственный долг регионов СФО вновь сократился на 11,1%, до 296,66 млрд руб.

Итого, изменение государственного долга регионов округа за анализируемый промежуток времени составило -8,8% (или -28,45 млрд руб.), что в наибольшей степени обусловлено уменьшением на -36,5% долговых обязательств Красноярского края (-36,34 млрд руб.), на -11,0% (-5,17 млрд руб.) – Новосибирской области, на -4,1% (-2,30 млрд руб.) – Кемеровской области – Кузбасса и на -5,43% (-1,34 млрд руб.) – Республики Хакасии, а также увеличением на +70,5% (+20,00 млрд руб.) долговых обязательств Томской области и на +1,9% (+0,84 млрд руб.) – Омской области. Государственный долг Иркутской области за 2017–2021 гг. уменьшился на -23,2% (или -4,31 млрд руб.) (рис. 1).

Крупнейший государственный долг среди регионов СФО в рассматриваемом периоде отмечается у Красноярского края. На 01.01.2022 его объем был равен 63,30 млрд руб. (21,3% от общей задолженности СФО), превышая в 36,8 раза самый маленький объем госдолга у Республики Алтай – 1,72 млрд руб. (0,6% от совокупного долга СФО). Такой диапазон объясняется как разной мерой экономической развитости территорий, так и площадью, а также климатической зоной местонахождения сравниваемых сибирских регионов.

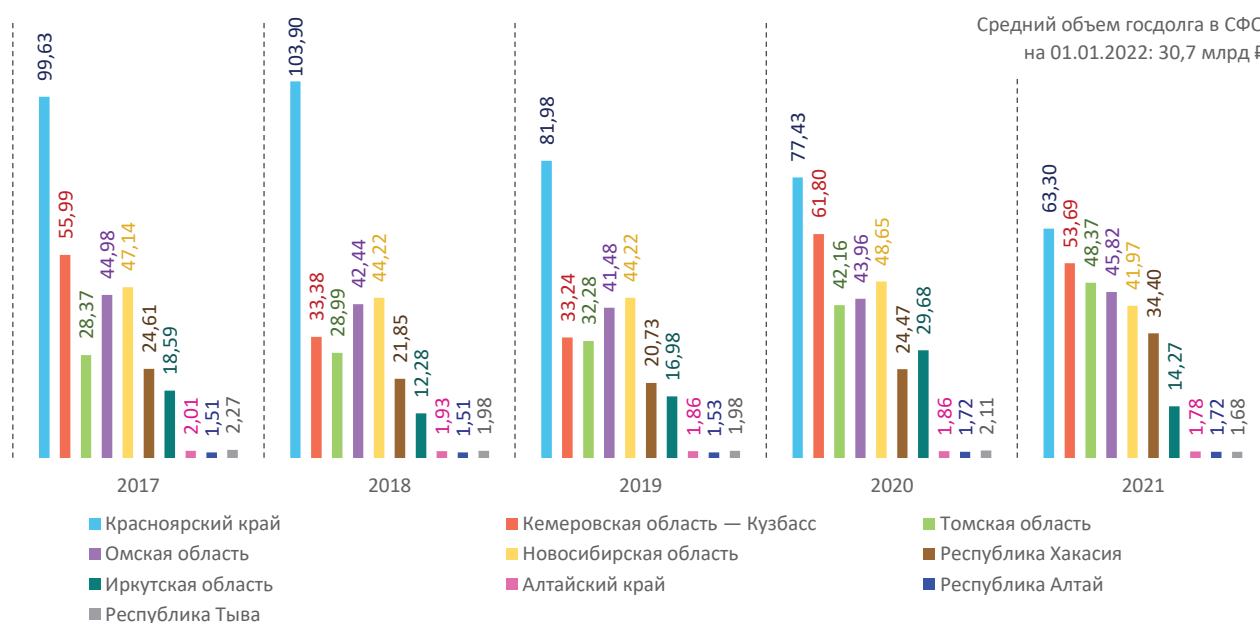

Рис. 1. Динамика государственного долга регионов Сибирского федерального округа за 2017–2021 гг., млрд руб.

Составлено по: данные Министерства финансов РФ.

Согласно данным рис. 1, Иркутская область по величине государственного долга в СФО занимает седьмое место из 10 (исключая 2020 год – шестое место). Отклонение по итогам 2021 года размера заимствованных ею средств (14,27 млрд руб.; 4,8% к госдолгу СФО) от среднего по округу (29,67 млрд руб.) субфедерального долга достигает -15,39 млрд руб. Определенная тенденция изменения объема государственного долга региона отсутствует. Так, если в 2017 году долговые обязательства Иркутской области составляли 18,59 млрд руб., а в следующем году уменьшились (-6,30 млрд руб., или 33,9%) до 12,28 млрд руб., то в 2019 году начался двухлетний цикл их роста – +38,2% (или 4,70 млрд руб.) по итогам года до 16,98 млрд руб. (что вызвано незапланированными затратами по устранению последствий летних паводков в ряде районов области), и еще +74,8% (+12,70 млрд руб.) до 29,68 млрд руб. – по итогам 2020 года. Такой рост заимствований спровоцирован наибольшим по абсолютной величине дефицитом -16,09 млрд руб. В 2021 году произошло более чем двукратное (на -51,9%, или на -15,40 млрд руб., к уровню предыдущего года) снижение объема государственного долга до 14,27 млрд руб., что обусловлено восстановлением экономики от последствий экономического кризиса, обеспечившим наличие профицита бюджета, направленного по рекомендации Минфина РФ на погашение рыночной задолженности субъекта РФ. Таким образом, за рассматриваемый период государственный долг Иркутской области уменьшился на 23,2%, или -4,31 млрд в рублевом измерении, что нельзя не оценивать положительно, т. к. это автоматически вызывает сокращение расходов на его обслуживание.

По тяжести долгового бремени на экономическое положение регионов СФО, рассчитываемой путем деления объема долга субнациональных образований на их неналоговые и налоговые доходы, на 01.01.2022 округ занимал пятое место (26,4%; в 2017–2019 гг. – четвертое, в 2020 году – третье место). За рассматриваемый период сокращение (с 47,7% на 01.01.2018) показателя составило 21,3 п. п.

При этом в 2020 году зафиксировано выходящее из ряда значение в 41,7%, обусловленное ростом долга при снижении доходов бюджетов регионов под воздействием вышеизложенных факторов.

Как следует из графика рис. 2, с 2017 по 2020 год включительно по уровню долговой нагрузки лидировала Республика Хакасия, где значения показателя с 2017 по 2021 год изменились со 136,4 до 77,7% (или в 1,8 раза, шестое место по России). На начало 2022 года она уступила первенство Томской области (86,9%; четвертое место в России), в которой отношение величины долговых обязательств к налоговым и неналоговым доходам за период возросло с 69,0% на 17,9 п. п. Наименьшее же указанное соотношение в СФО наблюдается в Алтайском крае – 2,4% в 2021 году (81 позиция по России).

Иркутская область по уровню долговой нагрузки в СФО находится на предпоследнем, девятом месте. Значение указанного коэффициента в этом субъекте Федерации уменьшилось с 16,3% в первом году анализируемого периода до 7,6% (73 позиция в России) – в последнем, 8,7 п. п. В 2020 году траектория снижения долгового бремени сменилась его резким ростом (+9,5 п. п. до 21,3%). Однако в 2021 финансовом году ввиду стабилизации ситуации с наполняемостью региональной казны доходами, а также благодаря мерам по сдерживанию и приоритизации расходов руководству региона удалось пресечь дальнейшее увеличение показателя, обеспечив переход к прогнозируемым значениям. Отметим, что средний по России уровень долговой нагрузки на начало 2022 года равен 21,0% (в 2,8 раза выше, чем у Иркутской области). Это говорит о возможности наращивания в будущем государственного долга при сохранении безопасного уровня индикатора для Иркутской области.

Наиболее ясное представление о тенденциях долговой нагрузки в регионах дает структура долга по видам долговых обязательств. Основными видами долговых обязательств субъектов РФ являются бюджетные кредиты, кредиты кредитных орга-

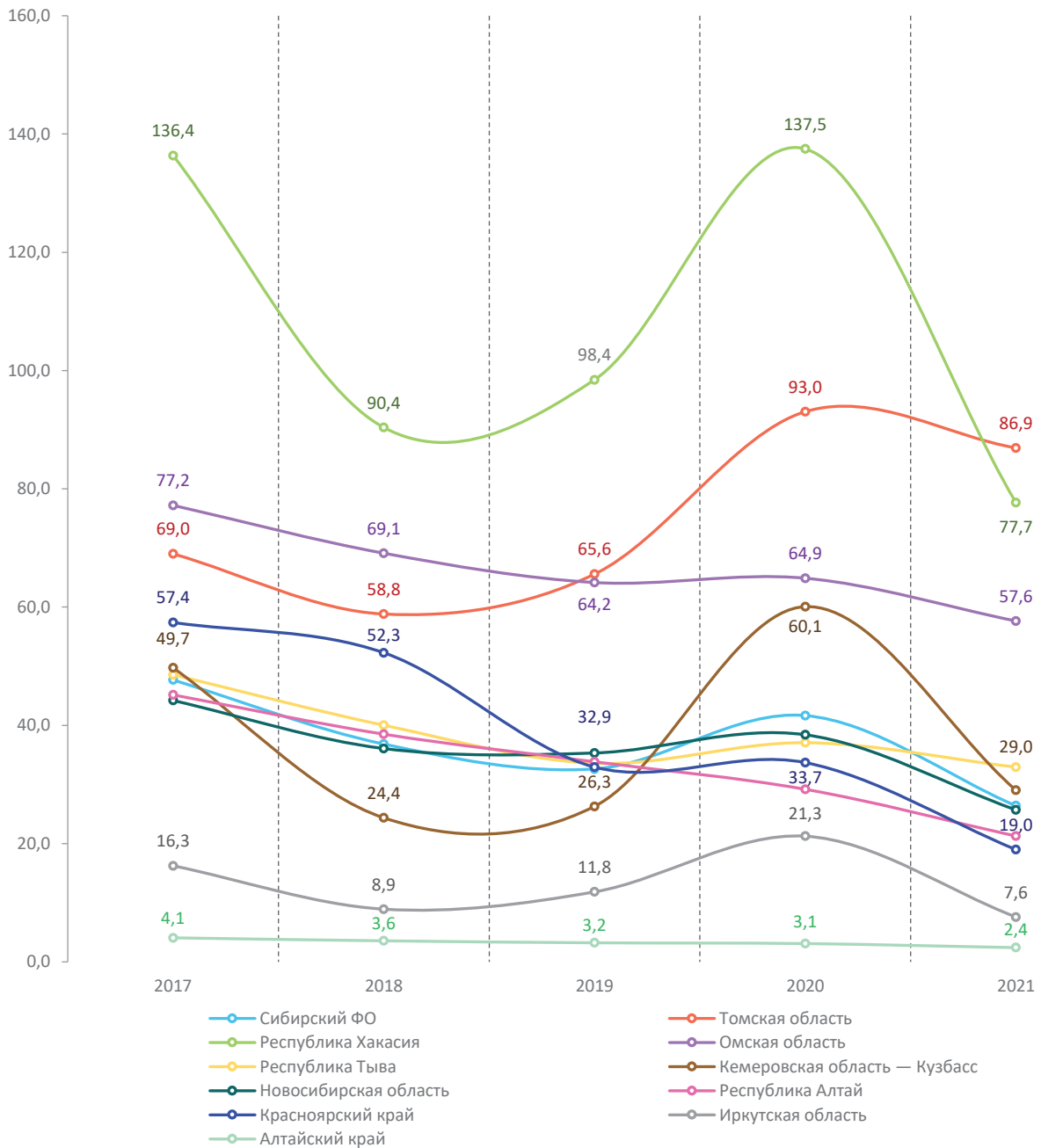

Рис. 2. Динамика долговой нагрузки регионов Сибирского федерального округа за 2017–2021 гг., %
Составлено по: данные Министерства финансов РФ.

низаций, государственные ценные бумаги субъектов РФ и государственные гарантии. В современных условиях у каждой формы долговых обязательств есть особенности, влияющие на возможность их использования субъектами РФ.

Если рассматривать структуру государственного долга регионов СФО, видим, что по удельному весу рыночной составляющей (наиболее предпочтительной с точки зрения Минфина РФ) на начало 2021 и 2022 гг.

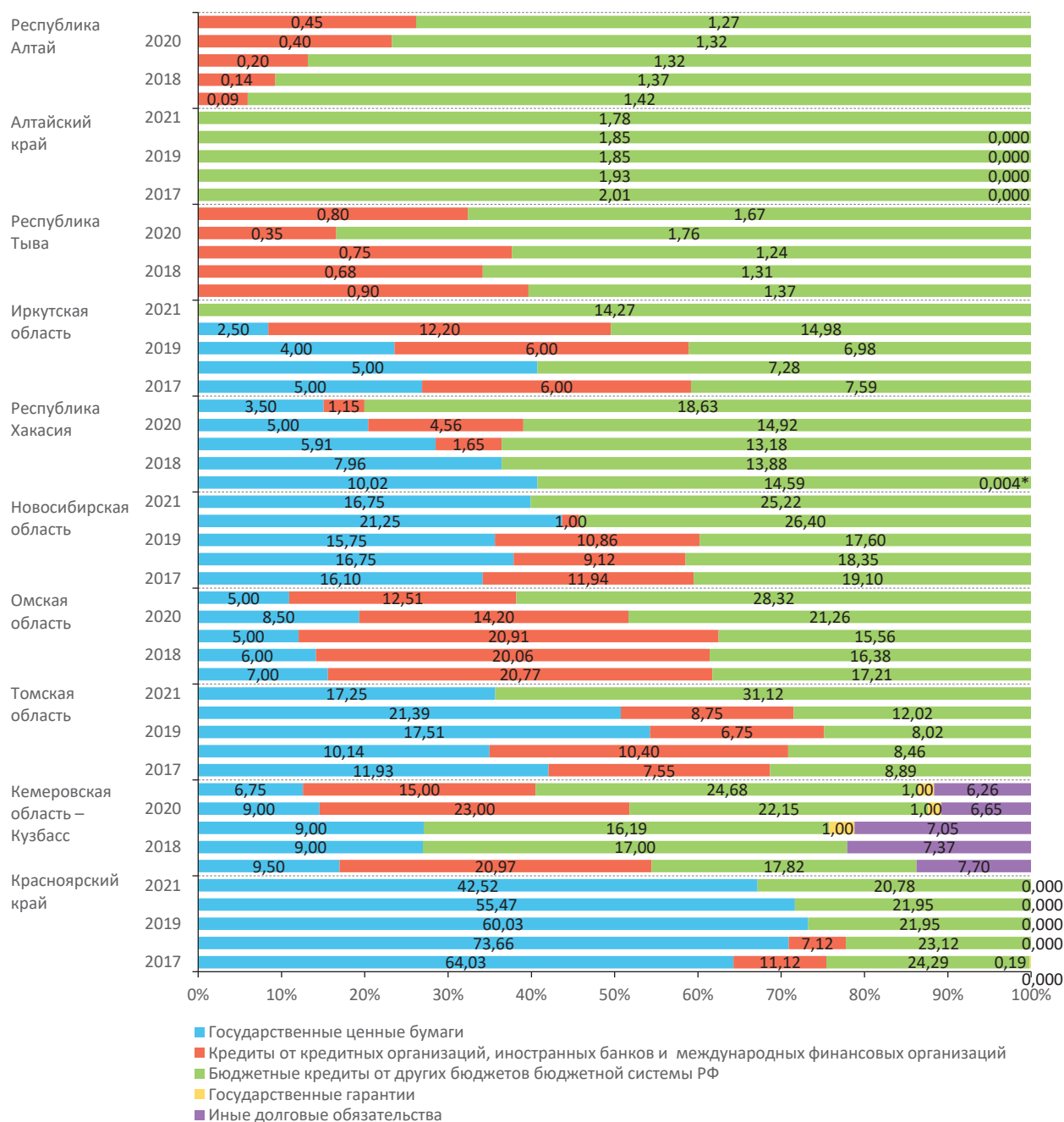
Сибирский федеральный округ находился на пятой строчке по отношению к другим федеральным округам.

При этом в структуре заимствований регионов СФО на 01.01.2022 преобладают бюджетные кредиты – 56,5% (167,74 млрд руб.). По их доле округ занимает четвертое место, а их рост к 01.01.2018 равен +46,8%. На облигации и коммерческие кредиты приходится 30,9 (91,76 млрд руб.) и 10,1% (29,90 млрд руб.) долговых обязательств соответ-

ственно (аналогично четвертая позиция). Оставшаяся часть формируется государственными гарантиями, выросшими за период с 0,19 млрд руб. на +413,0% до 1,00 млрд руб., и иными долговыми обязательствами, сократившимися с 7,70 до 6,26 млрд руб.

Рассмотрим структуру привлекаемых правительствами субъектов РФ, находящихся в СФО, средств подробнее (рис. 3).

Самой большой долей рыночного долга (как и общего долга) среди регионов СФО за рассматриваемый временной отрезок (исключая 2019 год) обладает Красноярский край – 67,2% (или 42,52 млрд руб.; 34,9%) по итогам 2021 года. Полностью отсутствует рыночный долг у Алтайского края и по итогам 2021 года – у Иркутской области. Доля государственного долга последней по

Рис. 3. Структура государственного долга регионов Сибирского федерального округа в 2017–2021 гг., млрд руб.

* Некоторые значения округлены до тысячных с целью продемонстрировать наличие вида обязательств. Составлено по: данные Министерства финансов РФ.

субфедеральным облигациям и коммерческим кредитам за 2020 год составляла 49,5% (14,70 млрд руб.; 7,8% к итогу по округу), а за 2017 год – 59,2% (11,00 млрд руб.; 5,4% от результата округа).

Крупнейшая часть заимствований, выраженная в государственных ценных бумагах, заметна также у Красноярского края – 67,2% в 2021 году. Наименьшая часть (из регионов – эмитентов непогашенных облигационных займов) – у Омской области (кроме 2020 года) – 10,9% за 2021 год (5,00 млрд; 5,4% от общеокружного). При этом по абсолютной сумме за 2021 год наименьшая задолженность присутствует у Республики Хакасии – 3,50 млрд руб. (15,0% от республиканского госдолга; 3,8% к суммарным облигационным заимствованиям СФО), а в 2017–2020 гг. – у Иркутской области 4,1% к результату округа в 2017 году и 2,0% за 2020 год.

Доминирующий удельный вес в составе долговых инструментов банковских кредитов на 1 января 2022 года наблюдается у Республики Тыва – 32,4% (0,80 млрд руб.), на 1 января 2021 года – у Иркутской области – 41,1% (12,20 млрд руб.), на 1 января 2018–2020 гг. – у Омской области. Самый маленький удельный вес кредитов кредитных организаций (из субъектов СФО, имеющих таковые) на начало 2020 и 2022 гг. – у Республики Хакасии, на начало 2021 года – у Новосибирской области и на начало 2018 и 2019 гг. – у Республики Алтай.

В рублевом исчислении наибольший государственный долг по займам банков отмечается у Кемеровской области – Кузбасса (кроме 1 января 2019 и 2020 гг.); наименьший – у Республики Алтай (не считая 2020 года) – 0,45 млрд руб. за 2021 год. Рэнкинг Иркутской области по объему вида долговых обязательств крайне непостоянен (в первую очередь вследствие их динамики). Так, за 2020 год область заняла третью строку в списке регионов СФО (18,9% от общей суммы округа), за 2019 год – четвертую (12,7%), за 2017 год – шестую СФО (7,6% от общей суммы округа).

Наибольший процент бюджетных кредитов от других бюджетов бюджетной систе-

мы РФ в структуре государственного долга регулярно имеет Алтайский край – 100% (или 1,78 млрд руб.; 1,1% к виду заимствований округа) в 2021 году. Менее всего такой заемный инструмент в структуре государственного долга (из регионов, прибегающих к его использованию) характерен для Красноярского края – 32,8% за 2021 год (в 2019 году – Томской области).

По абсолютному значению больше всего бюджетных кредитов было получено на конец 2021 года Томской областью (на сумму 31,12 млрд руб.), 2020 – Новосибирской областью (26,40 млрд руб.), 2017–2019 гг. – Красноярским краем. Менее прочих заимствовано Республикой Алтай на конец 2021 года, а также Республикой Тыва на конец 2017–2019 гг. Иркутская область по объему привлеченных бюджетных кредитов в исследуемом временном отрезке находится на седьмой позиции (исключая 2020 год – пятая позиция). По итогам 2017 года величина выданных области денежных средств составляла 8,5% от общеокружной, по итогам 2021 года – 6,6%.

В целом бюджетные кредиты как в абсолютной, так и относительной величине имеют те же тенденции, что совокупная величина государственного долга субъектов РФ. Однако проводимая в стране политика замещения кредитов кредитных организаций бюджетными кредитами привела к тому, что на 01.01.2022 доля бюджетных кредитов в общей величине задолженности возросла.

Самый крупный удельный вес государственных гарантий в составе государственного долга среди регионов СФО в 2019–2021 гг. имеет место у Кемеровской области – Кузбасса (а также и наибольший рублевый эквивалент), – 1,9% (1,00 млрд руб., единственный субъект-гарант года) за 2021 год.

Таким образом, в ходе анализа структуры государственного долга, характерного для регионов СФО, выявлен рост доли бюджетных кредитов при сокращении кредитов кредитных организаций, что обусловлено реализуемой федеральными органами власти политикой в отношении регионов по реструктуризации долгов. Как отмеча-

ют отдельные авторы, «результаты замещения кредитов кредитных организаций бюджетными кредитами могли быть более существенными, если бы к получателям бюджетных кредитов по условиям реструктуризации не предъявлялись бы категорические требования о привлечении кредитов от кредитных организаций по ключевой ставке Центрального банка РФ, увеличенной на 1 п. п.» (Файберг, Щербакова, 2022).

В отношении расходов на обслуживание государственного долга регионов СФО можно заметить, что по их абсолютной сумме округ расположен на третьей позиции среди федеральных округов. Основной вклад в изменение расходов был внесен сокращением расходов по обслуживанию государственного долга Красноярского края – на -2,11 млрд руб. (-31,1%), Республики Хакасии – на -1,55 млрд руб. (-62,9%),

Кемеровской области – Кузбасса – на 1 млрд руб. (34,0%) и ростом расходов в Томской области – на 0,82 млрд руб. (+66,5%).

В рассматриваемом периоде отношение затрат на выплату процентов по заимствованиям регионов СФО уменьшилось: к совокупным налоговым и неналоговым доходам – с 2,6 до 1,1% (первое место среди федеральных округов), к их расходам – с 2,0 до 0,9% (также первое место), к общему валовому региональному продукту – с 0,3% в 2016 году до 0,1% в 2020 году (второе место). Это говорит о наличии благоприятного тренда для регионов СФО, однако обращает на себя внимание и лидерство округа (хоть и при небольших значениях) по РФ по названной группе показателей.

Наиболее весомые расходы (табл. 3) по обслуживанию государственного дол-

Таблица 3. Расходы бюджетов регионов Сибирского федерального округа на обслуживание государственного долга в 2017–2021 гг.

Регион СФО	Расходы регионального бюджета на обслуживание госдолга																			
	сумма, млрд руб.					% к ВРП региона					% к налоговым и неналоговым доходам бюджета					% к расходам				
	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Итого по Сибирскому федеральному округу	17,66	14,80	14,03	12,29	12,87	0,28	0,23	0,17	0,15	0,14	2,59	1,86	1,66	1,53	1,14	2,04	1,51	1,23	0,90	0,88
Красноярский край	6,80	7,02	7,37	5,13	4,69	0,40	0,34	0,30	0,27	0,19	3,92	3,53	2,96	2,23	1,41	3,20	2,93	2,96	1,78	1,52
Томская область	1,23	1,78	1,51	1,99	2,05	0,30	0,22	0,29	0,24	0,36	2,99	3,62	3,06	4,40	3,68	2,07	2,84	2,13	2,31	2,26
Кемеровская область – Кузбасс	2,94	1,14	0,83	0,92	1,94	0,31	0,27	0,09	0,07	0,09	2,61	0,83	0,65	0,90	1,05	2,59	0,86	0,52	0,45	0,96
Новосибирская область	1,77	1,70	1,54	1,55	1,53	0,22	0,15	0,13	0,12	0,11	1,66	1,39	1,23	1,22	0,94	1,46	1,22	0,93	0,78	0,69
Омская область	1,87	1,57	1,38	1,25	1,10	0,36	0,27	0,21	0,18	0,16	3,21	2,56	2,13	1,85	1,38	2,48	1,84	1,46	1,07	0,85
Республика Хакасия	2,47	1,05	0,91	0,83	0,92	0,91	1,13	0,43	0,36	0,31	13,66	4,36	4,33	4,68	3,06	9,53	3,29	3,02	1,97	2,04
Иркутская область	0,52	0,51	0,47	0,59	0,63	0,08	0,04	0,03	0,03	0,04	0,45	0,37	0,33	0,42	0,34	0,38	0,34	0,23	0,26	0,27
Республика Тыва	0,06	0,02	0,02	0,02	0,01	0,29	0,09	0,02	0,02	0,02	1,23	0,36	0,30	0,36	0,10	0,25	0,07	0,06	0,04	0,01
Республика Алтай*	0,002	0,003	0,004	0,002	0,003	0,017	0,003	0,006	0,006	0,004	0,05	0,08	0,08	0,04	0,04	0,01	0,02	0,02	0,01	0,01
Алтайский край	0,002	0,002	0,002	0,002	0,002	0,0015	0,0004	0,0003	0,0003	0,0003	0,004	0,004	0,003	0,003	0,003	0,003	0,002	0,002	0,001	0,001

* Некоторые значения приведены с точностью до тысячных с целью продемонстрировать тенденции изменения показателя.
 Рассчитано по: данные Министерства финансов РФ, Росстата.

га среди сибирских регионов несет обладатель наибольшего государственного долга – Красноярский край (4,69 млрд руб. по итогам 2021 года), а наименьшие – Алтайский край (0,002 млрд руб.).

Самая большая доля средств, направляемых на обслуживание заемных обязательств, и в ВРП, и в налоговых и неналоговых доходах, и в расходах – у Томской области: 0,3% в 2016 году и 0,4% в 2020 году, – по первому показателю; 3,0 и 3,7% в 2017 и 2021 гг. соответственно – по второму; 2,1 и 2,3% в этих же годах – по третьему. Самая маленькая доля средств на обслуживание региональных заемных обязательств в рассматриваемых показателях у Алтайского края: в ВРП субъекта Федерации – 0,0015% в 2016 году и 0,0003% в 2020 году; в неналоговых и налоговых доходах – 0,004% в 2017 году и 0,003% в 2021 году; в общем объеме расходов – 0,003 и 0,001% на начало и конец изучаемого периода соответственно.

По темпу прироста расходов на обслуживание долга с 2017 по 2021 год первое место среди регионов СФО занимает Республика Алтай с увеличением статьи с 0,002 до 0,003 млрд руб., т. е. +89,7%.

Объем расходов на обслуживание государственной задолженности Иркутской области сокращался до 2019 года включительно, когда разница между заимствованием и погашением обязательств стала положительна, что обусловлено подписанием с федеральным финансовым органом в 2017 году соглашения по реструктуризации полученных областью бюджетных кредитов, обеспечившего проведение министерством финансов региона политики замещения кредитов банков вновь привлекаемыми бюджетными. Далее происходит их увеличение вследствие обширных внутригодовых заимствований до 0,63 млрд руб. по результатам 2021 года. Как итог, за 2020–2021 гг. рост расходной статьи бюджета составил

+0,16 млрд руб. (+35,4%) и +0,12 млрд руб. (+22,2%) в целом за обследуемый отрезок времени. При этом уменьшается отношение затрат по обслуживанию государственного долга и к ВРП региона (с 0,08% на 2016 год до 0,04% на 2020 год), и к неналоговым и налоговым доходам (с 0,5 до 0,3% с 2017 по 2021 год), и к его расходам (с 0,4 до 0,3%). Этот относительный показатель в Иркутской области имеет безопасный уровень и не превышает 1%, что свидетельствует о благоприятном положении, наличии запаса прочности выполнения показателей при проведении впоследствии больших объемов заимствований.

Сопоставление значений ключевых сторон государственного долга регионов СФО за 2017–2021 гг. позволило сформулировать выводы как о сравнительно небольшом размере долга, так и о невысокой долговой нагрузке в федеральном округе. Анализ показателей государственного долга в увязке с ключевыми параметрами казны публично-правового образования дал возможность установить допустимость увеличения объемов государственных заимствований в будущем.

Таким образом, разные возможности субъектов Сибирского федерального округа по формированию собственных доходов, ввиду различий в структуре отраслей их экономик и географических условиях, ухудшающиеся в течение последних пяти лет вследствие тренда сокращения доли налоговых и неналоговых поступлений в доходах, определяют и разные потребности в осуществлении заимствований, что объясняет многократный разбег величин их долговых обязательств. В целом долговая нагрузка на регионы СФО находится на достаточно низком уровне, что позволит увеличить объем государственного долга субъектов РФ в перспективе для решения, в первую очередь, инвестиционных задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубнов В.А. (2022). Влияние санкционной политики недружественных стран на российскую финансовую систему // Известия Байкальского гос. ун-та. Т. 32. № 2. С. 283–289. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289
- Винокурова В.П. (2006). Государственный и муниципальный долг. Иркутск: Изд-во БГУЭП. 252 с.
- Галухин А.В. (2017). Риски при управлении государственным долгом субъектов РФ // Проблемы развития территории. № 5 (91). С. 136–147.
- Ермакова Е.А. (2013). Система качественных критериев для оценки эффективности долговой политики субъекта РФ // Финансы и кредит. № 46. С. 27–33.
- Ешугова С.К., Хамирзова С.К. (2021). Оценка долговой политики субъектов Южного макрорегиона в современных условиях // Новые технологии. Т. 17. № 5. С. 73–81. DOI: 10.47370/2072-0920-2021-17-5-73-81
- Казаковцева М.В. (2016). Оценка управления региональным долгом // Вестник Межрегионального открытого социального ин-та. № 1 (3). С. 58–63.
- Леонов С.Н. (2020). Состояние консолидированных бюджетов и динамика государственного долга дальневосточных субъектов Российской Федерации // Известия Байкальского гос. ун-та. Т. 30. № 3. С. 371–382. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382
- Озганбаева М.М., Каратаева Г.Е. (2018). Оценка эффективности управления государственным долгом субъектов Российской Федерации // Наука и инновации XXI века: сб. статей по мат-лам V Всероссийской конференции молодых ученых, г. Сургут, 30 ноября 2018 г. Сургут: Изд-во Сургутского гос. ун-та. С. 52–56.
- Синявская К.В., Яруллин Р.Р. (2020). Оценка эффективности управления государственным внутренним долгом Республики Башкортостан // Фундаментальные исследования. № 6. С. 137–142.
- Солдаткин С.Н. (2014). К вопросу о факторах долгового финансирования российских регионов в среднесрочной перспективе // Известия ИГЭА. № 1 (93). С. 52–59.
- Степанова С.М., Смирнова И.А., Коробова В.Ф. (2020). Оценка государственного долга регионов Центрального федерального округа // Бизнес. Образование. Право. № 2 (51). С. 26–31. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.214
- Терещенко В.С., Королева М.Л. (2022). К вопросу оценки долговой устойчивости регионов Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. № 1 (51). С. 32–39. DOI: 10.6060/ivecofin.2022511.583
- Файберг Т.В., Щербакова И.Н. (2022). Тенденции долговой нагрузки регионов России в современных условиях // Финансы. № 6. С. 7–16.
- Шапранов А.В. (2013). Показатели эффективности управления государственным долгом субъекта Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. № 3. С. 152–158.
- Cosio-Pascal E. (2015). Public Debt Management. In: *Fundamental Economics*. Available at: <https://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-28-39.pdf>
- De Córdoba G.F., Molinari B., Torres J.L. (2021). Public debt frontier: A python toolkit for analyzing public debt sustainability. *Sustainability*, 13, 13260. DOI: 10.3390/su132313260
- Fırat M. (2009). Türkiye’de borç yönetimi ve bir borç yönetim politikası olarak borç yönetim ofisleri. *Anadolu Bil Meslek Yüksekokulu Dergisi*, 31, 31–47.
- Gaber S., Gruevski I., Gaber V. (2013). Public debt management. *Perspectives of innovation in Economics and Business (PIEB)*, 2, 12–18.
- Hrubliak O. (2020). Analysis of the effectiveness of public debt management policy. *World of Finance*, 3 (64), 65–75.
- Köstekçi A., Yıldız F. (2020). Türkiye’de kamu borç yönetimi ve hazine: tarihsel süreçte yapısal ve kurumsal dönüşüm. In: Bülbül D., Gümüş Özuyar S.E. *Türkiye’nin Güncel Mali Yapısı ve Yönetimi: Usuller, Esaslar ve Uygulamaları*. İstanbul, Umuttepe Yayınları, 161–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Владимировна Файберг – кандидат экономических наук, доцент, Байкальский государственный университет (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: faibergtv@bgu.ru)

Владислав Владимирович Гордеев – ведущий советник, Министерство финансов Иркутской области (Российская Федерация, 664027, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 1а; e-mail: vladisgordeev1798@rambler.ru)

Faiberg T.V., Gordeev V.V.

TRENDS IN DEBT SUSTAINABILITY OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT REGIONS

The current conditions, characterized by the active reform of budgetary relations in Russia against the background of the economic situation associated with sanctions pressure and the pandemic consequences, leave an imprint on the development directions of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation. On the one hand, the regions are obliged to comply with the requirements of budget legislation and perform the functions assigned to them; on the other hand, they are limited in financial resources to solve the tasks set. As a result of the imbalance of regional budgets, the state debt of Russia's entities arises, the effective management of which should be facilitated by a timely adequate assessment of debt sustainability. This article is devoted to the identification of trends in the debt sustainability of Russia's entities in the case of the regions of the Siberian Federal District. We have identified the dynamics of the composition and the state regional debt structure in the federal district and the most important factors affecting the amount and dynamics of debt: the balance of budgets, the share of tax and non-tax revenues in the regional budget. We have revealed the ratio of budget expenditures in the Siberian Federal District regions for servicing public debt not only to total budget expenditures, but also to tax and non-tax revenues and gross regional product. The analysis helps to identify the dynamics features and regional debt structure in each constituent entity of the Russian Federation which is part of the district, and on this basis to determine the possibilities of borrowing activities of regional authorities in the future.

Regional debt, debt sustainability, government borrowing, public debt, debt burden, regional budget.

REFERENCES

- Bubnov V.A. (2022). The impact of the sanctions policy of unfriendly countries on the Russian financial system. *Izvestiya Baikal'skogo gos. un-ta=Bulletin of Baikal State University*, 32(2), 283–289. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289 (in Russian).
- Cosio-Pascal E. (2015). Public Debt Management. In: *Fundamental Economics*. Available at: <https://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-28-39.pdf>
- De Córdoba G.F., Molinari B. Torres J.L. (2021). Public debt frontier: A python toolkit for analyzing public debt sustainability. *Sustainability*, 13, 13260. DOI: 10.3390/su132313260
- Ermakova E.A. (2013). System of qualitative criteria for assessment of efficiency of debt policy of territorial subject of the Russian Federation. *Finansy i kredit=Finance and Credit*, 46, 27–33 (in Russian).
- Eshugova S.K., Khamirzova S.K. (2021). Evaluation of the debt policy of the southern macroregion subjects in modern conditions. *Novye tekhnologii=New Technologies*, 17(5), 73–81. DOI: 10.47370/2072-0920-2021-17-5-73-81 (in Russian).

- Faiberg T.V., Shcherbakova I.N. (2022). Trends in the debt burden of Russian regions in modern conditions. *Finansy=Finance*, 6, 7–16 (in Russian).
- Fırat M. (2009). Türkiye’de borç yönetimi ve bir borç yönetim politikası olarak borç yönetim ofisleri. *Anadolu Bil Meslek Yüksekokulu Dergisi*, 31, 31–47.
- Gaber S., Gruevski I., Gaber V. (2013). Public debt management. *Perspectives of innovation in Economics and Business (PIEB)*, 2, 12–18.
- Galukhin A.V. (2017). Risks in public debt management in Russian constitute entities. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory’s Development*, 5(91), 136–147 (in Russian).
- Hrubliak O. (2020). Analysis of the effectiveness of public debt management policy. *World of Finance*, 3(64), 65–75.
- Kazakovtseva M.V. (2016). Assessment of regional debt management. *Vestnik Mezhhregional’nogo otkrytogo sotsial’nogo in-ta*, 1(3), 58–63 (in Russian).
- Köstekçi A., Yıldız F. (2020). Türkiye’de kamu borç yönetimi ve hazine: Tarihsel süreçte yapısal ve kurumsal dönüşüm. In: Bülbül D., Gümüş Özuyar S.E. *Türkiye’nin Güncel Mali Yapısı ve Yönetimi: Usuller, Esaslar ve Uygulamaları*. İstanbul, Umuttepe Yayınları, 161–186.
- Leonov S.N. (2020). State of consolidated budgets and dynamics of public debt of the Far Eastern federal subject. *Izvestiya Baikal’skogo gos. un-ta=Bulletin of Baikal State University*, 30(3), 371–382. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382 (in Russian).
- Ozganbaeva M.M., Karataeva G.E. (2018). Assessment of the effectiveness of public debt management in the entities of the Russian Federation. In: *Nauka i innovatsii XXI veka: sb. statei po mat-lam V Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchennykh, g. Surgut, 30 noyabrya 2018 g.* [Science and Innovations of the 21st Century: Collection of Articles Based on the Materials of the 5th All-Russian Conference of Young Scientists, Surgut, November 30, 2018]. Surgut: Izd-vo Surgutskogo gos. un-ta (in Russian).
- Shapranov A.V. (2013). Indicators of the effectiveness of public debt management of a constituent entity of the Russian Federation. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika*, 3, 152–158 (in Russian).
- Sinyavskaya K.V., Yarullin R.R. (2020). Evaluation of efficiency of public internal debt management of the Republic of Bashkortostan. *Fundamental’nye issledovaniya=Fundamental Research*, 6, 137–142 (in Russian).
- Soldatkin S.N. (2014). On the factors of debt financing of Russian regions in the medium term. *Izvestiya IGEA*, 1(93), 52–59 (in Russian).
- Stepanova S.M., Smirnova I.A., Korobova V.F. (2020). Assessment of the state debt of the regions of the Central federal district. *Biznes. Obrazovanie. Pravo=Business. Education. Law*, 2(51), 26–31. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.214 (in Russian).
- Tereshchenko V.S., Koroleva M.L. (2022). To the issue of assessing the debt sustainability of the regions of the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ser.: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom=News of Higher Education Institutions. The Series “Economics, Finance and Production Management”*, 1(51), 32–39. DOI: 10.6060/ivecofin.2022511.583 (in Russian).
- Vinokurova V.P. (2006). Gosudarstvennyi i munitsipal’nyi dolg [State and Municipal Debt]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat’yana V. Faiberg – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Baikal State University (11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: faibergtv@bgu.ru)

Vladislav V. Gordeev – Ministry of Finance of the Irkutsk Oblast, Lead Advisor (1A, Lenin Street, Irkutsk, 664027, Russian Federation; e-mail: vladisgordeev1798@rambler.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.6

УДК 334.7 | ББК 65.29

© Артамонова А.С.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

АННА СТАНИСЛАВОВНА АРТАМОНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: artamonova.ast@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7585-2123; ResearcherID: I-6176-2016

В условиях значительной межрегиональной дифференциации регионы России вынуждены искать внутренние резервы для обеспечения поступательного развития. Так как ни органы государственной власти, ни рыночные силы не в состоянии произвести общественные блага в достаточном объеме, возникает потребность во вмешательстве дополнительного элемента, способного компенсировать их несостоятельность. Одним из главных акторов, обеспечивающих устойчивое развитие территории, становится некоммерческий сектор, в частности в форме социального предпринимательства, выступающего проводником инноваций в общественной жизни населения. Это актуализирует количественную оценку текущего состояния социального предпринимательства на региональном уровне, что и составило цель настоящей работы. В качестве базы для проведения анализа были выбраны регионы Северо-Западного федерального округа, лидирующие по доле социальных предприятий в числе субъектов малого и среднего предпринимательства. Результаты исследования, полученные с помощью методов сравнительного анализа и описания, выявили невысокий уровень развития социального предпринимательства, однако подтвердили предположение о том, что оно развивается в сферах образования, предоставления социальных услуг, спорта и отдыха, не представляющих значительного интереса для бизнеса. В качестве основных барьеров, замедляющих развитие социального предпринимательства в российских регионах, определены недостаточная доступность мер финансовой поддержки и низкий уровень предпринимательской культуры граждан. Для повышения вклада социального предпринимательства в социально-экономическое развитие регионов необходима

Для цитирования: Артамонова А.С. (2022). Социальное предпринимательство как инновационный фактор развития территории // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 73–87. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.6

For citation: Artamonova A.S. (2022). Social entrepreneurship as an innovative driver in territory's development. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 73–87. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.6

системная деятельность как органов государственной власти, так и некоммерческого сектора по разработке и продвижению просветительских, обучающих, акселерационных программ и созданию оптимальной среды для функционирования социальных предприятий в качестве поставщика общественных благ. Осуществленная количественная оценка деятельности социальных предприятий в указанных субъектах РФ определила научную новизну исследования.

Региональное развитие, социальное предпринимательство, провалы рынка, провалы государства.

Введение

Проблемы социально-экономического развития регионов относятся к числу наиболее актуальных и исследуемых в России. В 1990-е гг. субъекты РФ выработали свои модели экономического поведения, что привело к усилению межрегиональной дифференциации и необходимости внедрения компенсационных механизмов для обеспечения поступательного развития страны, способных задействовать конкурентные преимущества территории независимо от ее размеров и географического положения (Межевич, Жабрев, 2011, с. 158; Мидов, 2018, с. 167).

Главными участниками экономических процессов выступают государство, рынок и население. Фактически трехсекторная модель включает органы государственной власти, бизнес-структуры и некоммерческий (третий) сектор (НКС). На практике процессы формирования коллаборационных связей между секторами проходят в сложных условиях – дискуссионным остается вопрос нахождения оптимального баланса между государственным вмешательством в экономику и свободным действием рыночных сил (Плюйко, 2014), а гражданское общество, получившее возможность принимать участие в выработке стратегических решений, столкнулось с проблемой доверия как государственным структурам, так и некоммерческим организациям (НКО) (Hermoso, Luca, 2006, p. 328).

В условиях рыночной системы хозяйствования коммерческие предприятия ориентированы на производство частных благ, реализация которых может принести мак-

симальную прибыль. Однако рыночный механизм несовершенен, что приводит к возникновению провалов рынка (Блауг, 1994; Радыгин, Энтов, 2012). Основные провалы рынка связывают со следующими экономическими явлениями: (1) асимметрией информации, когда один актер владеет большим объемом информации, чем другие участники, и это влечет неэффективное размещение ресурсов; (2) наличием экстерналий, то есть внешних эффектов, под влиянием которых оказываются акторы, не участвующие в транзакциях; (3) рыночной монополией, препятствующей совершенной конкуренции, а также (4) необходимостью нести расходы на производство общественных благ (Jackson, Jabbie, p. 5–6). Под общественными благами понимают товары и услуги, предоставляемые гражданам на равных началах (например, оборона, бесплатное образование, общедоступное посещение парков и т. п.)¹.

Необходимость производства общественных благ обуславливает государственное вмешательство в социально-экономические процессы, когда органы власти выступают в качестве одного из субъектов экономики, имея в своем распоряжении совокупность ресурсов и прав на их распределение². За счет реализации своих функций государство сглаживает рыночные провалы, а в некоторых случаях нейтрализует их. Вместе с тем оно производит некоторые общественные блага в недостаточном объеме, соответственно, не может удовлетворить спрос всех потенциальных потребителей (к примеру, речь может идти о невозможности решить все

¹ Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693

² Якобсон Л.И. (2000). Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ. 367 с.

транспортные проблемы). Дополнительным барьером выступает высокая степень бюрократии, свойственная системе государственных учреждений. Негативные последствия государственной активности привели к возникновению понятия провалов государства. Как отмечают исследователи, в настоящее время в стране «провалы» рынка влекут за собой «провалы» государства, которые «накладываются» на первые и вызывают целый «шлейф» неэффективных регуляторных решений (Бондаренко, Асланова, 2020, с. 34). В таких условиях необходимо вмешательство дополнительного элемента, способного функционировать в условиях несостоятельности рынка и одновременно компенсировать в той или иной степени несостоятельность государства (Гризовская, 2016, с. 131). В качестве этого элемента может выступать некоммерческий сектор, заинтересованный в производстве и распределении общественных благ.

Влияя на формирование социального капитала, третий сектор становится все более важным участником экономической жизни, обеспечивающим устойчивое региональное развитие (Flockhart, 2005; Evans, Syrett, 2007; Rydin, Holmann, 2004; Fyfe, 2005). При рассмотрении некоммерческого сектора в качестве инновационного фактора развития территории речь прежде всего идет о социальном предпринимательстве (СП), которое развивается в мире с 1970–1980-х гг., в России – с конца 2000-х. Социальное предпринимательство как «новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости» (Социальное предпринимательство..., 2011, с. 15), позволяет в определенной степени сгладить рыночные провалы за счет того, что оно развивается в сферах, в большинстве случаев не представляющих интереса для коммерческой деятельности. На практике часто возникает проблема разграничения социального предпринимательства и обычного бизнеса, реализующего программы корпоративной

социальной ответственности. В случае с корпоративной ответственностью фактически происходит перераспределение средств, полученных в рыночных процессах, на благотворительные проекты, когда бизнес расходует на социальные задачи часть прибыли. В случае с социальным предпринимательством, как отмечают исследователи, отличительным признаком служит то, что компании зачастую изначально занимают неприбыльную нишу, а полученный доход расходуют на достижение заявленной цели. Таким образом, благодаря функционированию социальных предприятий развиваются слабые ниши рынка, что создает основу для более устойчивого развития региона (Osberg, 2015; Andreoni, 2016; Martin, Young et al., 2019; Beaton, Kennedy, 2021).

В мире накоплен значительный опыт социального предпринимательства. В конце 1990-х гг. социальное предпринимательство как область для изучения представил Г. Диз (Dees, 1998). Фактически он сформулировал кардинально противоположные принципы (мотивы, цели, методы), характерные для рыночных и филантропических процессов, и сделал вывод, что социальные предприятия объединяют их в своей деятельности (Defourny, Nyssens, 2017). Затем появилось большое количество работ, посвященных этому феномену. Главным фактором активного развития социального предпринимательства стала обострившаяся структурная безработица, которая привела к созданию кооперативов и формированию квазирыночного подхода к оказанию социальных услуг (Defourny, 2001, р. 34–36). В России одним из первых примеров социальных предприятий можно назвать дома трудолюбия, где нуждающиеся могли найти работу и получить приют (Жохова, 2015, с. 86).

В современном научном дискурсе различают англо-американский и западноевропейский (континентальный) подходы к социальному предпринимательству. В основе англо-американского подхода лежат глубокие традиции самоорганизации граждан (Лебединцева, Дерюгин, 2021, с. 156–157). Их поступательное развитие привело к фор-

мированию сильных некоммерческих организаций и росту их влияния. Именно в США социальное предпринимательство впервые было названо четвертым сектором экономики (Полтавская, 2015, с. 142). В континентальной Европе социальное предпринимательство развивалось с учетом сильных позиций государственных институтов (Лебединцева, Дерюгин, 2021). Европейские социальные предприятия исторически обращались только к тем сферам, в которых государство не могло удовлетворить имеющийся спрос (Defourny, 2001, p. 113; Kerlin, 2006, p. 5–10). Современные тенденции и особенности развития социального предпринимательства свидетельствуют о постепенном стирании границ между англо-американской и западно-европейской (континентальной) моделями (Лебединцева, Дерюгин, 2021). В связи с этим новый этап в развитии СП может быть обозначен как синтетический, то есть сочетающий комбинации экономических (способ организации), социальных (социальная миссия и социальные цели) и управленческих (структура управления) характеристик, которыми обладают социальные предприятия, стремящиеся к новому распределению ответственности за общее благо (Lebedintseva et al., 2020). Исследователи считают, что на фоне стирания границ между секторами формируется отдельная сфера реализации гражданского участия при решении социально-экономических проблем (Mosher-Williams, 2006, p. 60).

Несмотря на значительный объем накопленного эмпирического материала, освещающего проблемы развития социального предпринимательства, открытыми остаются многие вопросы, касающиеся его природы, границ и влияния на общественную жизнь (Дегтярева, Дегтярева, 2019, с. 100). В ходе анализа научных публикаций, посвященных вопросам развития СП в России, выявлен недостаток актуальных работ, дающих представление об уровне развития социального предпринимательства в аспекте его количественного измерения. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в количественной оценке уровня развития

социального предпринимательства в регионах. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи: (1) проанализировать количественные показатели создания социальных предприятий, (2) выявить сферы деятельности, в которых социальные предприятия участвуют в сглаживании провалов рынка, а также (3) определить основные барьеры, препятствующие этому. Поскольку исследование строится на данных отечественных статистических служб, в качестве рабочей дефиниции социального предпринимательства считаем целесообразным принять определение, закрепленное российским законодательством: «предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества». Достижение указанной цели позволит частично устранить выявленный пробел в вопросах исследования СП, что составит научную новизну представленной работы.

Методы исследования

Методологической основой исследования выступили аналитический подход, методы сравнительного анализа и описания. Информационную базу составили данные Федеральной налоговой службы РФ, в частности единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Для получения данных использовался расширенный поиск по субъектам РФ и видам деятельности, определенным ФНС, актуальность – на январь – февраль 2022 года. В выгруженных результатах не учитывались субъекты МСП, исключенные из реестра на указанную дату. Обработка данных осуществлялась в MS Excel. В качестве платформы для реализации данного пилотного исследования были выбраны регионы Северо-Западного федерального округа, который лидирует по доле социальных предприятий в числе субъектов МСП.

Результаты

Несмотря на накопленный теоретический и практический опыт социального

**Таблица 1. Количество социальных предприятий на январь 2022 года
(ранжированы по убыванию значения)**

Субъект РФ	Число социальных предприятий, ед.	Доля в общем числе субъектов МСП, %
РФ	6594	0,0590
Дальневосточный ФО	728	0,1202
Приволжский ФО	1436	0,0682
Уральский ФО	615	0,0629
Сибирский ФО	750	0,0598
Центральный ФО	1592	0,0432
Южный ФО	439	0,0318
Северо-Кавказский ФО	130	0,0282
Северо-Западный ФО	863	0,1281
Ненецкий АО	16	0,5222
г. Санкт-Петербург	115	0,1715
Вологодская область	157	0,1653
Новгородская область	54	0,1476
Ленинградская область	175	0,1399
Республика Коми	72	0,1392
Псковская область	49	0,1272
Архангельская область	77	0,1191
Мурманская область	46	0,0979
Республика Карелия	40	0,0839
Калининградская область	62	0,0625

Рассчитано по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended> (дата обращения 20.01.2022).

предпринимательства, в России оно фактически получило правовую основу только в 2019 году³. На государственном уровне признается, что темпы развития социального предпринимательства в России существенно уступают общемировым тенденциям. По экспертным оценкам⁴, доля социальных предприятий в секторе малого и среднего предпринимательства составляет в Германии – 3,9%, в Великобритании – 4,3%. По проведенным расчетам, в России аналогичный показатель находится на уровне 0,06%, что свидетельствует об имеющемся нереализованном потенциале (табл. 1).

Как следует из табл. 1, Северо-Западный федеральный округ лидирует по доле социальных предприятий в числе субъектов малого и среднего предпринимательства, причем во всех субъектах РФ в округе значения данного показателя выше среднего по стране. Это отражает и общую ситуацию с количеством негосударственных предприятий в социальной сфере – в 2021 году в СЗФО их доля составила 66,5%, что выше общероссийского значения (58,5%)⁵. Выявленные особенности могут свидетельствовать о более развитой среде функционирования некоммерческого сектора в сравнении с остальными

³ В Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» внесены изменения в части определения понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие».

⁴ Социальное предпринимательство – новый вектор развития социальной сферы в регионах. Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Совет Федерации, 25 ноября 2020 года) // Аналитический вестник. 2021. № 2 (762). URL: <http://council.gov.ru/media/files/15CRqG3oXJxLjBV5heyngHLfX1xi9FA.pdf>

⁵ Источник: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59039>

Таблица 2. Динамика регистрации социальных предприятий в регионах СЗФО (ранжированы по убыванию значения в 2016 году)

Субъект РФ	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Северо-Западный ФО	399	89	120	136	106	13
Вологодская область	85	13	18	21	16	4
Ленинградская область	73	16	25	32	23	6
г. Санкт-Петербург	67	10	16	15	7	0
Республика Коми	32	10	11	9	9	1
Архангельская область	30	12	11	12	12	0
Калининградская область	27	6	11	7	10	1
Новгородская область	27	3	5	13	6	0
Мурманская область	25	4	7	8	2	0
Республика Карелия	14	3	4	11	8	0
Псковская область	13	11	8	5	11	1
Ненецкий АО	6	1	4	3	2	0

Составлено по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended> (дата обращения 20.01.2022).

ми регионами страны. По данным второго рейтинга субъектов по развитию некоммерческого сектора (2021 год), составленного Агентством RAEX и Общественной палатой, Вологодская область и Санкт-Петербург входят в число регионов с наиболее сильными НКО⁶. Кроме того, шесть регионов СЗФО вошли в топ-20 субрейтинга «Социальная значимость некоммерческого сектора»⁷ в 2021 году. По словам составителей рейтингов, в них «некоммерческий сектор сбалансированно развивается, соответствуя экономическому, популяционному и географическому потенциалу региона»⁸.

Максимальное число регистраций социальных предприятий (46%) пришлось на 2016 год (табл. 2).

На наш взгляд, такая ситуация объясняется значительным вниманием к некоммерческому сектору со стороны государства. Так, в этот период был принят комплекс мер, направленных на развитие социально ориентированных некоммерческих организаций⁹ и обеспечение доступа СОНКО к бюджетным средствам, разработана дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»¹⁰, внесены изменения в федеральный закон «О некоммерческих организациях» и введено понятие «НКО – исполнитель общественно полезных услуг»¹¹, принят указ Президента РФ, определяющий приоритетные направления деятельности СОНКО¹². В число этих приоритетных сфер вошли до-

⁶ Регионы с самыми сильными НКО. URL: https://raex-rr.com/charity/russian_nko_ratings/main_region_rating_nko

⁷ Субрейтинг 8 «Социальная значимость некоммерческого сектора». URL: https://raex-rr.com/charity/russian_nko_ratings/nko_by_social_significance

⁸ Регионы с самыми сильными НКО. URL: https://raex-rr.com/charity/russian_nko_ratings/main_region_rating_nko

⁹ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7d83cb01a97024502e2f077ba9b03ec0/Doklad_2016.pdf

¹⁰ Дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утв. распоряжением Правительства РФ от 8 июня 2016 г. № 1144-р.

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг»: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 287-ФЗ.

¹² Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг: Указ Президента Российской Федерации от 8 августа 2016 г. № 398.

школьное образование, организация отдыха и оздоровления детей, образовательная деятельность по дополнительным общеобразовательным программам, реализация территориальных программ обязательного медицинского страхования, услуги ранней диагностики, социализации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, а также развитие негосударственных (немуниципальных) организаций в сфере культуры.

Установленные приоритеты находят отражение в деятельности социальных предприятий региона. Так, по результатам проведенного анализа было выявлено преобладание СП в области образования, предоставления социальных услуг без обеспечения проживания, спорта, отдыха и развлечений (рис.).

Частные детские сады, группы временного пребывания и развивающие центры снижают нагрузку на муниципальные до-

Рис. Распределение социальных предприятий по сферам деятельности, СЗФО, ед.
Источник: рассчитано автором.

школьные учреждения. Регионы, оценив эффект от частной инициативы в этой сфере, стараются поддержать социальных предпринимателей, выдают им субсидии¹³. Экономия бюджетных средств от привлечения частных поставщиков услуг дошкольного образования в отдельных регионах достигает 1 млрд рублей¹⁴. Аналогичные процессы происходят в сфере услуг для пожилых. Поддержка социальных предпринимателей, открывающих частные пансионаты для пожилых людей, центры временного пребывания или досуга для них, предположительно обходится бюджетам гораздо дешевле, чем создание государственных домов престарелых. В связи с тем что в России практики социального предпринимательства находятся в стадии активного формирования, централизованная система учета финансовых результатов таких предприятий отсутствует. Однако инвесторы предпринимают попытки подсчитать финансовую эффективность социальных программ. Так, фонд «Наше будущее» реализует пилотный проект по внедрению метрики SROI (social return on investment) для оценки своих проектов. Им выявлено, что этот показатель варьируется от 2 до 7 руб. на каждый рубль вложенных средств, а наибольший эффект характерен для проектов в сфере здравоохранения и гериатрии¹⁵.

Развитие СП в регионах проходит при активном участии государства и бизнеса. К примеру, такие крупные компании, как «Газпром», «Лукойл», «Северсталь», «Фосагро», «Норникель» через благотвори-

тельные фонды и различные корпоративные программы внедряют меры поддержки СП. Для нивелирования возникающих сложностей государство готово оказать социальным предпринимателям финансовую, юридическую и информационную поддержку. С 2012 года Министерство экономического развития РФ совместно с регионами реализует мероприятия по поддержке субъектов МСП, осуществляющих деятельность в области социального предпринимательства, через создание центров инноваций социальной сферы (ЦИСС). В Северо-Западном федеральном округе система поддержки социальных предприятий через центры инноваций социальной сферы функционирует в семи регионах. ЦИСС созданы на базе фондов поддержки предпринимательства и промышленности (Ленинградская¹⁶, Калининградская¹⁷ области), центра «Мой бизнес» (г. Санкт-Петербург¹⁸), АНО «Центр развития предпринимательства» (Республика Коми), АНО «Агентство городского развития», учрежденного компанией Северсталь, мэрией Череповца и Департаментом экономического развития (Вологодская область¹⁹) или как самостоятельные некоммерческие организации при поддержке администраций (Новгородская область²⁰, Псковская область²¹). ЦИСС направлены на развитие социального предпринимательства, укрепление инфраструктуры малого и среднего бизнеса, сетевую координацию и сопровождение инновационных социально-предпринимательских проектов, предоставление бесплатных бух-

¹³ Помогут помогающим. Федеральный центр и регионы возвращаются к механизму субсидирования социального предпринимательства. URL: <https://rg.ru/2021/05/06/reg-szfo/kaliningradskie-socialnye-predprinimateli-ocenili-ideiu-novyh-subsidij.html>

¹⁴ Социальное предпринимательство // Ведомости. 2018. № 12 (32). URL: <https://www.nb-fund.ru/upload/iblock/dd6/dd6f3de8b19f585b9867f807188851f2.pdf>

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦИСС – структурное подразделение Фонда поддержки предпринимательства и промышленности Ленинградской области. URL: <https://www.813.ru/podderzhka/centr-innovatsiy-socsfery>

¹⁷ ЦИСС – структурное подразделение Фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» (микрокредитная компания). URL: <https://mbkaliningrad.ru/supportmeasures/ciss>

¹⁸ ЦИСС – инфраструктурное подразделение Центра «Мой бизнес» в Санкт-Петербурге. URL: <https://fond-msp.ru/sp>

¹⁹ АНО «Агентство городского развития». URL: <https://www.agr-city.ru/vidy-podderzhki/sotsialnoe-predprinimatelstvo/o-sotsialnom-predprinimatelstve>

²⁰ АНО «Центр инноваций социальной сферы Новгородской области». URL: <http://cissno.ru/o-nas>

²¹ ЦИСС Псковской области. URL: <https://ciss60.ru>

галтерских, юридических, финансово-экономических услуг.

Дополнительные меры поддержки предусмотрены в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в том числе микрозаймы по льготной ставке²². Объем грантовой поддержки социальных предприятий, выделяемой из федерального бюджета в период реализации национального проекта, составляет: 2022 год – 2,1 млрд рублей, 2023 год – 2,5 млрд рублей, 2024 год – 3 млрд рублей²³. На начало и развитие своего дела социальным предприятиям предоставляются гранты в размере до 500 тыс. рублей, однако обязательными условиями являются аналогичный размер софинансирования со стороны самого социального предприятия, а также прохождение обучения в центре «Мой бизнес».

Несмотря на довольно значительные меры поддержки, существует ряд барьеров, замедляющих развитие социального предпринимательства. Исследования показывают, что большинство субъектов социального предпринимательства не удовлетворяют заявляемым требованиям и не могут претендовать на получение кредитов и займов даже на льготных условиях (Попов и др., 2019). При этом в рамках импакт-инвестирования, когда приоритетом является создание измеримого социального воздействия, а финансовая отдача рассматривается в качестве дополнительной, 67% инвесторов все же ориентируются на доходность от инвестирования по рыночным ставкам, 18% – на доход ближе к рыночной ставке и 15% преследуют цель сохранения капитала²⁴. Для социальных предпринимателей это означает,

что они должны располагать собственными средствами для старта бизнеса и уметь максимально эффективно распоряжаться средствами инвесторов, ожидающих отдачи от своих вложений.

Вместе с тем, по мнению экспертов, предпринимательская культура граждан, под которой понимается «культура денег», то есть нацеленность на экономический успех (Друкер, 2007), остается на довольно низком уровне²⁵. В то же время социальное предпринимательство представляется более сложным видом деятельности, поскольку предполагает наличие не только развитых бизнес-навыков, но и выраженного чувства ответственности за положение дел в обществе. Стремление и готовность граждан участвовать в решении социально значимых проблем приобретает все большее значение для развития общества и формирования человеческого капитала, который оказывает влияние на экономический рост территорий наряду с традиционными природно-ресурсными и индустриальными факторами (Дворядкина, Простова, 2021, с. 110).

Указанные сложности сдерживают развитие социального предпринимательства и снижают уровень его участия в качестве поставщика общественных благ. На наш взгляд, преодолению этих барьеров могут способствовать совершенствование институциональной среды, организация просветительских мероприятий, проводимых как органами государственной власти, так и некоммерческим сектором, поддержка начинающих социальных предпринимателей, внедрение обучающих и акселерационных программ (Иванова, Бородкина, 2020), масштабирование успешных практик такой деятельности²⁶.

²² Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/09/10/sotsialnym-predprinimateliam-budut-vydavat-mikrozajmy-po-lgotnoj-stavke>

²³ Социальное предпринимательство – новый вектор развития социальной сферы в регионах. Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Совет Федерации, 25 ноября 2020 года) // Аналитический вестник. 2021. № 2 (762). URL: <http://council.gov.ru/media/files/I5CRqG3oXJxLjBV5heyngHLIfX1xi9FA.pdf>

²⁴ Annual impact investor survey (2019). URL: <https://thegiin.org/research/publication/impinv-survey-2020#charts>

²⁵ Социальное предпринимательство (2018) // Ведомости. № 12 (32). URL: <http://www.nb-fund.ru/upload/iblock/dd6/dd6f3de8b19f585b9867f807188851f2.pdf>

²⁶ Например, опыт фонда «Наше будущее». URL: <https://www.nb-fund.ru/social-business-support>

Обсуждение и заключение

Как показали результаты проведенного анализа, социальное предпринимательство в российских регионах находится на стадии формирования. В настоящее время речь идет о небольшом секторе организаций, цель которых заключается в решении социальных проблем посредством осуществления предпринимательской деятельности (Ромашенко, Кисова, 2020). Преобладание СП в таких сферах деятельности, как образование, предоставление социальных услуг и индустрия спорта, отдыха и развлечений, с одной стороны, говорит о том, что эти отрасли испытывают недостаток организаций государственного сектора, производящих соответствующие общественные блага, и о недоступности таких услуг, оказываемых частным сектором. С другой стороны, становится ясным, что социальные предприятия функционируют в отраслях, не требующих высокого уровня предпринимательского мастерства: основная часть СП – это детские центры, спортивные секции, помощь пожилым и инвалидам на дому и т. п., т. е. то, что не требует большой степени инновационности, если использовать этот термин в традиционном понимании. Тем не менее социальное предпринимательство считается одним из основных проводников инноваций в общественную жизнь, предлагая «адаптированные и гибкие услуги по сравнению с государственными стандартизированными предложениями» (Мирау и др., 2020, с. 159) и являясь, по сути, новым способом удовлетворения спроса на социальные услуги. Развитие СП в регионах в основном стимулируется мерами государственной поддержки (что, в общем, отражает общую картину с развитием некоммерческого сектора в стране), а ключевая задача государства в этом отношении – решить проблемы социально уязвимых категорий населения, закрыть ниши, в которых его присутствие недостаточно, а интерес со стороны частного сектора неясен.

Как показывает опыт развитых стран, социальное предпринимательство может рассматриваться в качестве одного из основных участников социально-экономических процессов, компенсируя несостоятельность рынка и являясь, таким образом, дополнительным механизмом, на котором могут базироваться конкурентные преимущества региона, необходимые для обеспечения его поступательного развития. Сложные социально-экономические условия, в которых находятся субъекты Федерации, актуализируют использование внутреннего потенциала территорий, что практически невозможно без привлечения ресурсов местных сообществ. Проведенное исследование позволило подтвердить утверждение о том, что социальные предприятия в основном функционируют в отраслях экономики, представляющих небольшой интерес для бизнес-структур, с одной стороны, и «слабые» места государственной политики, с другой – в сферах образования, социального обслуживания без обеспечения проживания, спорта и отдыха. Это свидетельствует о наличии у отечественных социальных предприятий возможности и желания участвовать в сглаживании провалов рынка и государства, выступая в качестве компенсационного механизма для обеспечения устойчивого развития регионов. Для преодоления сложностей в процессе формирования коллаборационных связей между секторами необходима системная деятельность как органов государственной власти, так и некоммерческого сектора по разработке и продвижению просветительских, обучающих, акселерационных программ и созданию оптимальной среды для функционирования социальных предприятий в качестве поставщика общественных благ. В таком случае социальное предпринимательство будет способно выступить в качестве эффективного фактора саморазвития территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД. 676 с.
- Бондаренко И.А., Асланова О.А. (2020). Экономическое развитие и «провалы» государства // Вестник Академии знаний. № 36 (1). С. 30–35.
- Гризовская Д.В. (2016). Механизмы взаимодействия НКО и государственных органов власти в Германии и РФ: сравнительный анализ // Вестник ТвГУ. Сер.: Экономика и управление. № 2. С. 130–137.
- Дворядкина Е.Б., Простова Д.М. (2021). Региональные стратегические приоритеты развития и социально ориентированные некоммерческие организации // Управленец. Т. 2. № 4. С. 106–119. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-8
- Дегтярева С.В., Дегтярева Т.О. (2019). Социальное предпринимательство как источник социальных изменений в современной экономике: системный подход // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. № 2. С. 99–111. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(2).99-111
- Друкер П.Ф. (2007). Бизнес и инновации / пер. с англ. К.С. Головинского. М.: Вильямс. 423 с.
- Жохова В.В. (2015). Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия Дальневосточного фед. ун-та. Экономика и управление. № 1 (73). С. 85–98.
- Иванова М.М., Бородкина О.И. (2020). Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России // Вестник Пермского ун-та. Философия, психология, социология. № 4. С. 622–636. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-622-636
- Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П. (2021). Бизнес и социальное предпринимательство: обзор основных теоретических моделей // The Journal of Social Policy Studies. № 19 (1). С. 155–165. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-155-165
- Межевич Н.М., Жабрев А.А. (2011). Региональная дифференциация – фактор социально-экономического развития регионов // Экономика и управление. № 5 (67). С. 156–158.
- Мидов А.З. (2018). Дифференциация регионов России по уровню стратегических конкурентных преимуществ: методологические подходы и стратегический анализ // Управленческое консультирование. № 7. С. 165–173. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-165-173
- Мирау Ю.Н., Соловьева Т.С., Попов А.В. (2020). Развитие социальных инноваций в России сквозь призму деятельности и взаимодействия органов власти, бизнес-структур и гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 153–167. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.9
- Плюйко А.Ю. (2014). Проблемы преодоления фиаско рынка в контексте экономического кризиса в зоне евро // Вестник МГИМО-Университета. № 4 (37). С. 162–167. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-4-37-162-167
- Полтавская М.Б. (2015). Социальное предпринимательство как идея и как процесс: взгляд некоммерческих организаций // Logos et Praxis. № 3. С. 136–150.
- Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. (2019). Финансовые инструменты развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 91–108. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6
- Радыгин А.Д., Энтов Р.М. (2012). «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. № 12. С. 4–30.
- Ромашенко Т.Д., Кисова А.Е. (2020). Социальные инновации: содержание, субъектные формы и классификация // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. Т. 3. С. 25–33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102
- Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 288 с.

- Andreoni J. (2016). Charitable Giving. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Ed. by M. Vernengo, E. Perez Caldentey, B.J. Rosser. London: Palgrave Macmillan UK.
- Beaton E.E., Kennedy E.D. (2021). Responding to failure: The promise of market mending for social enterprise. *Public Management Review*, 23 (5), 641–664. DOI: 10.1080/14719037.2020.1865438
- Dees J.G. (1998). Enterprising nonprofits. *Harvard Business Review*, 76 (1), 55–67.
- Defourny J. (2001). From Third Sector to Social Enterprise. In: C. Borzaga, J. Defourny (eds.). *The Emergence of Social Enterprise*. London: Routledge, 1–28.
- Defourny J., Nyssens M. (2017). Fundamentals for an international typology of social enterprise models. *Voluntas*, 28 (6), 2469–2497. DOI: 10.1007/s11266-017-9884-7
- Evans M., Syretts S. (2007). Generating social capital? The social economy and local economic development. *European Urban and Regional Studies*, 14, 55–74.
- Flockhart A. (2005). Raising the profile of social enterprises. *Social Enterprise Journal*, 1, 29–42.
- Fyfe N. (2005). Making space for ‘Neo-communitarianism’? The third sector, state and civil society in the UK. *Antipode*, 37, 536–557. DOI: 10.1111/j.0066-4812.2005.00510.x
- Hermoso J.C.R., Luca C.G. (2006). Civil society’s role in promoting local development in countries in transition: A comparative study of the Philippines and Romania. *International Social Work*, 319–332. DOI: 10.1177/0020872806063404
- Jackson E.A., Jabbie M. (2019). Understanding market failure in the developing country context. *MPRA Paper* No. 94577. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/94577>
- Kerlin J.A. (2006). Social enterprise in the United States and abroad: Learning from our differences. In: Mosher-Williams R. (ed.). *Research on Social Entrepreneurship: Understanding and Contributing to an Emerging Field: ARNOVA Occasional Paper Series*. Washington: ARNOVA, 105–125.
- Lebedintseva L., Lebedintsev D., Deriugin P. (2020). Investigating social entrepreneurship: New research findings. In: A.S. Nechaev, V.I. Bunkovsky, G.M. Beregova, P.A. Lontsikh, A.S. Bovkun (eds.). *Trends and Innovations in Economic Studies, Science on Baikal Session, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 96, 152–159. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.21
- Martin R., Osberg S. (2015). *Getting Beyond Better: How Social Entrepreneurship Works*. Cambridge, MA: Harvard Business Review Press.
- Mosher-Williams R. (ed.) (2006). *Research on social entrepreneurship: Understanding and contributing to an emerging field. ARNOVA Occasional Paper Series*. Washington: ARNOVA.
- Rydiny Y., Holmann N. (2004). Re-evaluating the contribution of social capital in achieving sustainable development. *Local Environment*, 9, 117–133.
- Young D.R., Steinberg R., Emanuele R., Simmons W.O. (2019). *Economics for Nonprofit Managers and Social Entrepreneurs*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Станиславовна Артамонова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Artamonova A.S.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS AN INNOVATIVE FACTOR IN TERRITORY'S DEVELOPMENT

In the context of significant inter-regional differentiation, the regions of Russia have to seek internal reserves to ensure progressive development. Since neither public authorities nor market forces are able to produce sufficient public goods, there is a need for the intervention of an additional element that can compensate for their failure. One of the main actors ensuring sustainable development of the territory is the non-profit sector, particularly in the form of social entrepreneurship, acting as a conductor of innovation in the public life. This actualizes the quantitative assessment of the current state of social entrepreneurship at the regional level, which was the purpose of this paper. As a base for the analysis we chose the regions of the Northwestern Federal District, the leaders in the share of social enterprises among small and medium-sized businesses. The results of the study, obtained using methods of comparative analysis and description, revealed a low level of development of social entrepreneurship, but confirmed the assumption that it develops in the spheres of education, social services, sports and recreation, which are not of significant interest to business. The main barriers that slow down the development of social entrepreneurship in the Russian regions are the lack of access to financial support measures and the low level of citizens' entrepreneurial culture. To increase the contribution of social entrepreneurship in the socio-economic development of regions, the following is necessary: systematic activities of both public authorities and the non-profit sector to develop and promote educational, training, acceleration programs and create an optimal environment for the functioning of social enterprises as a provider of public goods. The quantitative assessment of social enterprises' activities in these constituent entities of the Russian Federation determined the scientific novelty of the study.

Regional development, social entrepreneurship, market failures, state failures.

REFERENCES

- Andreoni J. (2016). Charitable giving. In: Vernengo M., Perez Caldentey E., Rosser B.J. (Eds.). *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Beaton E.E., Kennedy E.D. (2021). Responding to failure: The promise of market mending for social enterprise. *Public Management Review*, 23(5), 641–664. DOI: 10.1080/14719037.2020.1865438
- Blaug M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow: Delo LTD.
- Bondarenko I.A., Aslanova O.A. (2020). Economic development and “failures” of the state. *Vestnik Akademii znanii=Bulletin of the Academy of Knowledge*, 36(1), 30–35 (in Russian).
- Dees J.G. (1998). Enterprising nonprofits. *Harvard Business Review*, 76(1), 55–67.
- Defourny J. (2001). From third sector to social enterprise. In: C. Borzaga, J. Defourny (Eds.). *The Emergence of Social Enterprise*. London: Routledge, 1–28.
- Defourny J., Nyssens M. (2017). Fundamentals for an international typology of social enterprise models. *Voluntas*, 28(6), 2469–2497. DOI: 10.1007/s11266-017-9884-7
- Degtyareva S.V., Degtyareva T.O. (2019). Social entrepreneurship as the source of the social changes in modern economy: System approach. *Vestnik OmGU. Ser.: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series “Economics”*, 2, 99–111. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(2).99-111 (in Russian).
- Drucker P.F. (2007). *Biznes i innovatsii* [Innovation and Entrepreneurship]. Translated from English by K.S. Golovinskii. Moscow: Vil'yams.

- Dvoryadkina E.B., Prostova D.M. (2021). Strategic priorities of regional development and socially oriented non-profit organizations. *Upravlenets=The Manager*, 2(4), 106–119. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-8 (in Russian).
- Evans M., Syretts S. (2007). Generating social capital? The social economy and local economic development. *European Urban and Regional Studies*, 14, 55–74.
- Flockhart A. (2005). Raising the profile of social enterprises. *Social Enterprise Journal*, 1, 29–42.
- Fyfe N. (2005). Making space for ‘Neo-communitarianism’? The third sector, state and civil society in the UK. *Antipode*, 37, 536–557. DOI: 10.1111/j.0066-4812.2005.00510.x
- Grizovskaya D.V. (2016). Interaction mechanisms between NCOs and government bodies in Germany and Russia: Comparative analysis. *Vestnik TvGU. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Bulletin of TVGU. Series Economics and Management*, 2, 130–137 (in Russian).
- Hermoso J.C.R., Luca C.G. (2006). Civil society’s role in promoting local development in countries in transition: A comparative study of the Philippines and Romania. *International Social Work*, 319–332. DOI: 10.1177/0020872806063404
- Ivanova M.M., Borodkina O.I. (2020). Development of the ecosystem of social entrepreneurship in the Northwestern region of Russia. *Vestnik Permskogo un-ta. Filosofiya, psikhologiya, sotsiologiya=Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 4, 622–636. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-622-636 (in Russian).
- Jackson E.A., Jabbie M. (2019). Understanding market failure in the developing country context. *MPRA Paper No. 94577*. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/94577>
- Kerlin J.A. (2006). Social enterprise in the United States and abroad: Learning from our differences. In: Mosher-Williams R. (Ed.). *Research on Social Entrepreneurship: Understanding and Contributing to an Emerging Field: ARNOVA Occasional Paper Series*. Washington: ARNOVA.
- Lebedintseva L., Lebedintsev D., Deriugin P. (2020). Investigating social entrepreneurship: New research findings. In: A.S. Nechaev, V.I. Bunkovsky, G.M. Beregova, P.A. Lontsikh, A.S. Bovkun (Eds.). *Trends and Innovations in Economic Studies, Science on Baikal Session, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 96, 152–159. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.21
- Lebedintseva L.A., Deryugin P.P. (2021). Business and social entrepreneurship: Review of the mainstream theoretical models. *Zhurnala issledovaniy sotsial’noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*, 19(1), 155–165. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-155-165 (in Russian).
- Martin R., Osberg S. (2015). *Getting Beyond Better: How Social Entrepreneurship Works*. Cambridge, MA: Harvard Business Review Press.
- Mezhevich N.M., Zhabrev A.A. (2011). Regional differentiation – factor of social and economic development of regions. *Ekonomika i upravlenie=Economics and Management*, 5(67), 156–158 (in Russian).
- Midov A.Z. (2018). Differentiation of Russian regions in terms of strategic competitive advantages: Methodological approaches and strategic analysis. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie=Administrative Consulting*, 7, 165–173. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-165-173 (in Russian).
- Mierau J.N., Solov’eva T.S., Popov A.V. (2020). Development of social innovations in Russia in terms of activities and interaction of government bodies, business structures, and civil society. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), 153–167. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.9 (in Russian).
- Mosher-Williams R. (Ed.). (2006). *Research on social entrepreneurship: Understanding and contributing to an emerging field. ARNOVA Occasional Paper Series*. Washington: ARNOVA.
- Moskovskaya A.A. (Ed.). (2011). *Sotsial’noe predprinimatel’stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya* [Social Entrepreneurship in Russia and in the World: Practice and Research]. Moscow: Izd. dom VShE.

- Plyuiko A.Yu. (2014). Problems of overcoming market failures in the context of economic crisis in the euro area. *Vestnik MGIMO-Universiteta=MGIMO Review of International Relations*, 4(37), 162–167. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-4-37-162-167 (in Russian).
- Poltavskaya M.B. (2015). Social entrepreneurship as an idea and as a process: A view of non-profit organization. *Logos et Praxis*, 3, 136–150 (in Russian).
- Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. (2019). Financial tools to develop social entrepreneurship. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(5), 91–108. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6 (in Russian).
- Radygin A.D., Entov R.M. (2012). Government failures: Theory and policy. *Voprosy ekonomiki*, 12, 4–30 (in Russian).
- Romashchenko T.D., Kisova A.E. (2020). Social innovation: content, subject forms and classification. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 3, 25–33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102 (in Russian).
- Rydiny Y., Holmann N. (2004). Re-evaluating the contribution of social capital in achieving sustainable development. *Local Environment*, 9, 117–133.
- Young D.R., Steinberg R., Emanuele R., Simmons W.O. (2019). *Economics for Nonprofit Managers and Social Entrepreneurs*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Zhokhova V.V. (2015). Social entrepreneurship: Nature and definition. *Izvestiya Dal'nevostochnogo fed. un-ta. Ekonomika i upravlenie=The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 1(73), 85–98 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Artamonova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.7

УДК 331.522 | ББК 74.200.52

© Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАДРОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ РЕГИОНА

ДАМИР АХНАФОВИЧ ГАЙНАНОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: 2d2@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

АЙСЫЛУ ГАРИФУЛЛОВНА АТАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: ice_lu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2835-0147; ResearcherID: O-4507-2015

ЛИЛИЯ ИШМУХАМатовна МИГРАНОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: lilya2710@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9794-9292; ResearcherID: O-4506-2015

Рост профессионально-квалификационного дисбаланса между рынками труда и образовательных услуг усугубляется явно выраженным региональным характером. В каждом регионе рынок труда является частью социально-экономической системы. Как показали исследования, в Республике Башкортостан наблюдается значительный дисбаланс по ряду направлений подготовки. Помимо всего существуют и субъективные поведенческие факторы абитуриентов

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И. (2022). Поведенческие факторы образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей региона // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 88–109. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.7

For citation: Gainanov D.A., Ataeva A.G., Migranovna L.I. (2022). Behavioral factors of the educational trajectory in ensuring the staffing needs of the region. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 88–109. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.7

и выпускников вузов, усиливающие дисбаланс рынков труда и образовательных услуг. Статистические данные и результаты опроса позволили авторам построить возможные варианты линий поведения студентов/выпускников вузов по конкретным направлениям обучения как в части продолжения обучения, так и в части вхождения в рынок труда. Авторами выдвинута гипотеза исследования, которая заключается в том, что решения, принимаемые абитуриентом/студентом/выпускником на его образовательной траектории, коррелируют со значениями дисбаланса рынков труда и образовательных услуг по ключевым направлениям подготовки. Для проверки гипотезы выделено восемь основных узлов формирования образовательной траектории, возможные последствия реализации этих траекторий, определяющие уровень дисбаланса между подготовкой специалистов и спросом на региональном рынке труда, факторы и условия, влияющие на выбор индивидуальной образовательной траектории студентов/выпускников. Проанализировано поведение выпускников вузов Республики Башкортостан на образовательной траектории и сделаны соответствующие выводы. Результаты исследования являются основой в построении требуемых для региона маршрутов и программ образовательных продвижений, определения необходимых управляющих действий для направления студентов/выпускников к целевому поведению обеспечения кадровых потребностей региона.

Образовательная траектория, кадровые потребности региона, поведение выпускников вузов, опрос выпускников вузов, молодежь на рынке труда.

Введение

Соотношение спроса и предложения рабочей силы на рынке труда во все времена является одной из значимых проекций региональной экономики. В последние десятилетия эта проблематика постоянно трансформируется в условиях массовости получения высшего образования, цифровизации образовательной среды, формирования новых форм занятости населения и др. Однако базовое правило – выпускник учебного заведения как потребитель образовательных услуг на рынке труда предлагает свои знания, умения и навыки работодателю в обмен на заработную плату – не меняется. При этом государство должно обеспечить условия соответствия рынка труда и рынка образовательных услуг.

Выделенная проблематика носит явно выраженный региональный характер, поскольку неоднородность регионального развития Российской Федерации проецируется и на рынок труда¹.

Например, в Республике Башкортостан наблюдается значительный дисбаланс по

ряду направлений подготовки, в частности нехватка специалистов по направлению «Инженерное дело, технологии и технические науки», где спрос почти в два раза превышает предложение, и избыток подготовки специалистов по направлению «Образование и педагогические науки», где предложение в несколько раз превышает спрос².

Однако есть и субъективные поведенческие факторы абитуриентов и выпускников вузов, влияющие на дисбаланс рынков труда и образовательных услуг. На начальном этапе это обусловлено иррациональностью поведения абитуриентов и их желанием поступить на «перспективную специальность» и фактическим поступлением на специальность, не связанную с изначальным желанием (Гайнанов и др., 2022). Более того, есть отклонения от выбранной образовательной траектории, когда студент прерывает процесс обучения или, закончив его, работает не по специальности, не завершая образовательную траекторию переходом в планируемую профессиональную деятельность.

¹ Информационный портал занятости населения Министерства семьи и труда Республики Башкортостан. URL: http://www.bashzan.ru/menu_items/405

² Прогноз потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах и рабочих кадрах в Республике Башкортостан. URL: <http://www.bashzan.ru/posts/157976>; Интерактивный портал службы занятости населения Республики Башкортостан. URL: <https://rabota.bashkortostan.ru/reports/index>

Целью исследования послужил анализ поведенческих факторов образовательной траектории в формировании дисбаланса региональных рынков труда и образовательных услуг на примере Республики Башкортостан.

Степень изученности темы

Проблема соответствия рынка труда и рынка образовательных услуг всегда находится в фокусе внимания как ученых, так и органов государственной власти. В идеале система образования должна быстро и адекватно адаптироваться к изменениям на рынке труда, чтобы соответствовать реальным потребностям меняющейся экономики (Filozova et al., 2021). Важнейшими механизмами снижения дисбаланса рынков труда и образовательных услуг являются отслеживание и корректировка индивидуальной образовательной траектории, в основе построения которой «лежит осознанный и ответственный выбор субъектом целевой ориентации реализации своего профессионально-образовательного потенциала» (Зеер и др., 2017).

Анализ построения молодежью образовательных и профессиональных траекторий исходит из изучения жизненных путей поколений как социально-исторического феномена, образовательных и профессиональных карьер (С. Горард (Gorard et al., 1997), М. Блумер, П. Хадкинсон (Bloomer, Hodkinson, 2000), С. Спайлерман (Spilerman, 1977) и др.). В ответ на потребности государства в управлении поведением молодежи с целью снижения профессионально-квалификационных дисбалансов на рынках образовательных услуг и труда по всему миру появились масштабные исследования, отслеживающие образовательные и трудовые траектории молодых людей. В соответствии с этой тенденцией НИУ ВШЭ³ запустил масштабный лонгитюдный проект по мониторингу траекторий обучения и трудоустройства выпускников школ и вузов (И.Д. Фрумин (Уваров и др., 2019), Д.Ю. Куракин (Константиновский, 2013), Д.С. Попов (Попов и др., 2012), Г.А. Черед-

ниченко (Чередниченко, 2019)). Изучение жизненных траекторий различных групп молодежи ведется также под руководством Д.Л. Константиновского (Константиновский, Кузнецов, 2020), В.В. Гриншкун, А.А. Заславского (Гриншкун, Заславский, 2020), И.А. Алешковского (Aleshkovski et al., 2020).

Есть масштабные исследования, в которых проводится анализ корреляции заработной платы и карьеры работников на рынке труда с результатами их обучения в школе (Traini et al., 2021; Borghans et al., 2019) или изучается влияние профориентационной работы со школьниками на их будущее положение на рынке труда (Bol, Werfhorst, 2013). Однако в большей степени на рынок труда влияют решения, принятые студентами вузов/ссузов на этапе обучения или по его завершении, когда «отдельные студенты несут ответственность за эффективное превращение себя в товар и переход к работе» (Dougherty, 2022), определяют, выйдут ли они на рынок труда по полученной специальности или сменят индивидуальную образовательную траекторию.

Отдельный пласт исследований связан с моделированием и прогнозированием как в целом кадровой потребности рынка труда, так и индивидуальной образовательной траектории. Например, обосновывался подход к созданию информационной системы сбора и обработки данных для анализа и прогнозирования востребованности направлений на региональном образовательном рынке (Kashirina et al., 2021), проводился мониторинг соответствия профессионального образования потребностям рынка труда (Valentiy et al., 2014), разрабатывалась методология нейросетевого моделирования взаимодействия субъектов рынков труда и образовательных услуг (Azarnova et al., 2018), прогнозного моделирования для мониторинга и управления кадровым обеспечением региональных программ развития (Davidyuk et al., 2018) и др. Также разрабатывалась методология цифровизации поддержки индивидуальной образовательной траектории, построенной на применении концепции объ-

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

яснимого искусственного интеллекта для анализа данных цифрового следа студентов (Захарова и др., 2022); осуществлялся подход к разработке открытой, персонализированной и ориентированной на рынок труда рекомендательной системы обучения eDoer, основанной на искусственном интеллекте (Tavakoli et al., 2022), и т. д.

Методология

Гипотеза исследования заключается в том, что решения, принимаемые абитуриентом/студентом/выпускником на его образовательной траектории, коррелируют со значениями дисбаланса рынков труда и образовательных услуг по ключевым направлениям подготовки.

При этом под образовательной траекторией авторы понимают персональный путь в получении соответствующих компетенций индивида, цель и компоненты каждого последовательного этапа которого направлены на достижение требуемого или желаемого уровня квалификации в избранной области (областях).

Авторы исходят из позиции, что значимость, направление, этапность образовательной траектории важны не сами по себе, а с точки зрения выхода на рынок труда, то есть конечной логической целью прохождения образовательной траектории является приобретение знаний, навыков и умений для обеспечения конкурентоспособности индивида на рынке труда. И отчасти дисбаланс на рынке труда определяется тем, что путь образовательной траектории детерминирован факторами индивидуального выбора человека, который не соотносит свои текущие желания с потребностями рынка труда. В этом состоит новизна авторского подхода.

Для проверки гипотезы авторами были поставлены следующие задачи:

1) подготовка анкеты и проведение опроса среди студентов последних курсов в вузах Республики Башкортостан;

2) анализ полученных данных и выделение ключевых узлов формирования образовательной траектории абитуриента/студента/выпускника;

3) выделение основных проблем и факторов, способствующих усугублению уровня дисбаланса на рынке труда региона;

4) предложение государственных мер воздействия на поведение индивидуумов с целью корректировки их образовательной траектории и снижения тем самым уровня дисбаланса.

Для проверки гипотезы мы выделили восемь основных узлов формирования образовательной траектории (рис. 1).

Ключевыми узлами являются «1» – выбор первичной образовательной траектории (выбор специальности, вуза, места обучения) и «4» – выбор вторичной образовательной траектории (выбор специальности для дальнейшего обучения или выход на рынок труда). На них будущий или фактический выпускник принимает ключевые поведенческие решения.

В качестве узла «0» выделено участие школьника в профориентационных мероприятиях, что, безусловно, влияет на дальнейшее поведение. Профориентационные мероприятия также рассматриваются нами при обучении студентов (узел «3») как инструмент предварительного взаимодействия с рынком труда и соответствия ожиданий от будущей работы либо готовности к рынку труда.

Резкая смена траектории приходится на узел «2», когда студент бросает обучение в вузе и либо сразу или через какое-то время определяется с трудоустройством, либо выбирает другую образовательную траекторию. Этот момент также интересен для исследования с точки зрения причин отчисления.

После узла «4» возможны следующие варианты формирования образовательной траектории: выпускник продолжает учиться, меняя или не меняя исходную образовательную траекторию, либо поступает на рынок труда (по специальности или нет).

В исследовании оценивается фактическое поведение студентов и выпускников вузов Республики Башкортостан на всех выделенных узлах образовательной траектории, итоговые результаты сопоставляются с

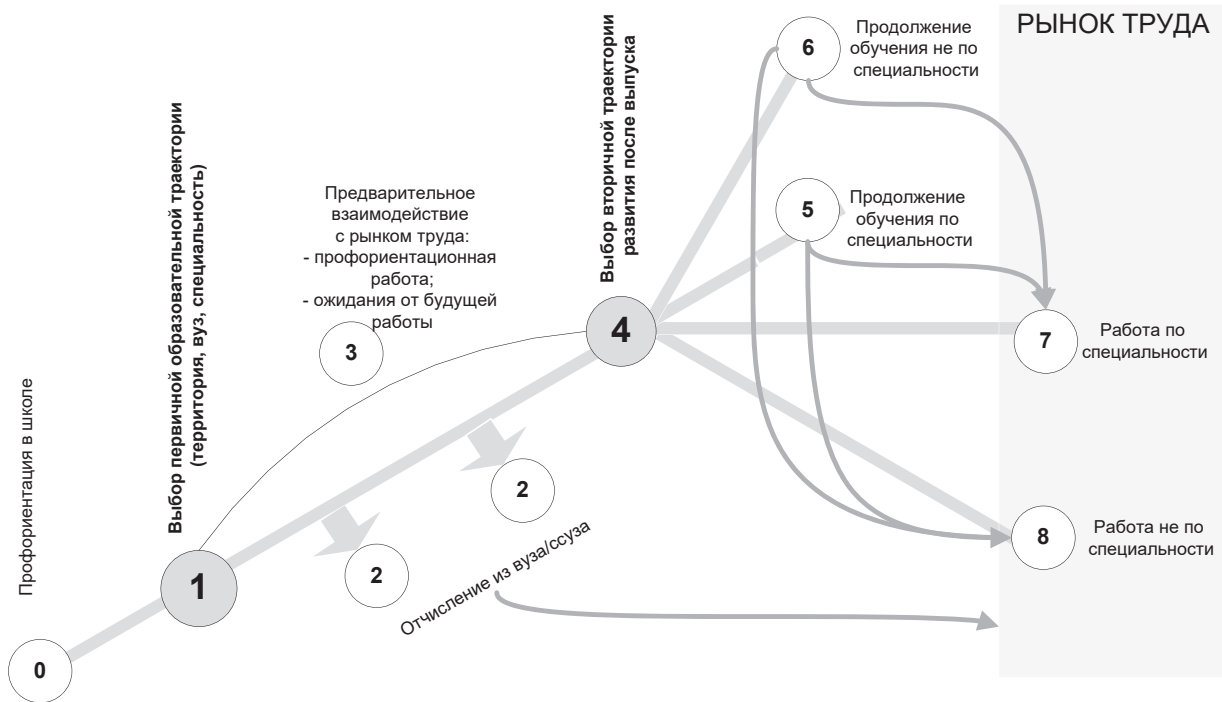

Рис. 1. Узлы образовательной траектории выпускника вуза

Источник: составлено авторами.

дисбалансом рынков труда и образовательных услуг по направлениям подготовки.

Методика исследования

Исследование выполнено методом анкетирования среди учащихся выпускных курсов шести крупных вузов Республики Башкортостан (БашГУ, УГАТУ, УГНТУ, БГПУ, БГАУ, БГМУ)⁴. Опрос был разработан на платформе «Google Forms» и проведен при содействии Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан.

Генеральная совокупность составила 19146 человек (выпускники вузов 2022 года). Методом квотной выборки была определена выборочная совокупность – 2710 студентов.

Результаты опроса рассмотрены в разрезе четырех территориальных блоков: столица (городской округ г. Уфа) – как отдельная категория для исследования; иные города – городские округа (Агидель, Кумертау, Нефтекамск, Октябрьский, Салават, Сибай,

Стерлитамак); административные центры районов (сельские и городские поселения, являющиеся административными центрами 54 муниципальных районов); сельская местность – 806 сельских поселений Республики Башкортостан.

Результаты исследования

Узел «0». Профориентационная работа в школе

Целью профориентации выступает «безошибочный выбор выпускником школы своего жизненного пути, правильный выбор учебного заведения в соответствии с выявленными профессиональными склонностями» (Ревякина, Осетрин, 2015). Профориентация – важная часть учебно-воспитательной работы, профессионального самоопределения личности (Ефимова, Веремеенко, 2014), а также инструмент влияния социума на соотношение индивидуальных особенностей школьников и потребностей рынка труда.

⁴ Башкирский государственный университет, Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Башкирский государственный аграрный университет, Башкирский государственный медицинский университет.

В 2021 году авторами статьи проводился опрос более 35000 учащихся 10–11 классов общеобразовательных школ в 62 муниципальных образованиях Республики Башкортостан (Гайнанов и др., 2022). Согласно результатам опроса (табл. 1), профориентация в школах проводится, но в основном только как часть текущей учебно-воспитательной работы. Так, 66% респондентов отметили пункт «беседы о профессиях в школе».

В территориальной структуре существенных различий между участием школьников в профориентационных мероприятиях в Уфе и иных муниципальных образованиях регионов нет.

Аналогичные вопросы были заданы выпускникам вузов республики, для которых такие мероприятия проводились более 4-х лет назад. В целом можно отметить, что в тот период гораздо меньше времени уделялось классным часам по профориентации, зато почти 60% выпускников отметили, что принимали участие в профориентационном тестировании (в настоящее время только 26% школьников).

В целом профориентационная работа в школах региона со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления проводится (групповые и индивидуальные консультации специалистов отметили только 11% школьников 10–11 классов и 5–6% выпускников вузов, дни профориентации соответственно 21–22% в обеих категориях), но не системно.

Узел «1». Выбор первичной образовательной траектории (вуз, регион, специальность)

Для анализа ответы выпускников группировались по нескольким классификационным признакам: пол, место проживания, доходы семьи, фактическое место обучения (табл. 2).

Факторами выбора специальности при поступлении в вузы Республики Башкортостан для 90% выпускников являются высокий заработок и возможности трудоустройства. Более важными данные факторы оказались для выпускников мужского пола, а для женского пола более значимы личностные факторы, прежде всего мнение родителей.

Уровень заработной платы при выборе специальности оказался более значимым

Таблица 1. Участие в профориентационных мероприятиях бывших и текущих школьников Республики Башкортостан

	Профориентационные тестирования	Деловые игры, тренинги	Экскурсии на предприятия, встречи с представителями разных профессий	Классные часы на тему профориентации	Встречи с представителями вузов, ссузов	Встречи со студентами, выпускниками вузов/ссузов	Индивидуальные консультации по профориентации	Посещение ярмарок, выставок профессий
Опрос школьников 10–11 классов, 2021 год (N = 3489)								
Всего, чел.	417	516	1714	2379	1420	826	408	500
г. Уфа (N = 1196), %	26	15	25	69	41	24	11	21
Остальная территория РБ (N = 2293), %	26	14	23	66	40	24	12	22
Опрос выпускников вузов, 2022 год (N = 1704)								
Всего	958	300	495	615	711	506	95	368
г. Уфа (N = 862), %	57	19	29	35	43	28	6	22
Остальная территория РБ (N = 842), %	56	16	29	38	42	33	5	20
Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.								

Таблица 2. Результаты опроса выпускников вузов Республики Башкортостан относительно выбора специальности

Классификационный признак	Ориентация на рынок труда		Ориентация на профессиональный рост		Личностные факторы				Другое
	высокий заработок	высокие возможности трудоустройства	престижность получаемой профессии	возможность получения профподготовки	мнение родителей	получение образования не ниже, чем у соседей	положение в обществе	отсрочка от армии	
Гендерный (пол)									
Женский пол (N = 1700), %	46	38	34	26	24	12	20	1	3
Мужской пол (N = 1004), %	54	43	36	27	18	14	21	23	2
Территориальный (место проживания)									
г. Уфа (N = 1358), %	48	41	35	26	23	13	21	10	3
Иные города РБ (N = 409), %	50	36	33	21	24	11	18	11	2
Районные центры РБ (N = 180), %	58	34	41	27	16	16	23	7	2
Сельский населенный пункт в РБ (N = 566), %	51	41	34	28	20	14	22	8	3
Финансовый (доходы семьи)									
Высокий доход* (N = 25), %	48	16	36	24	8	8	32	16	12
Выше среднего** (N = 169), %	44	30	41	33	14	13	25	10	6
Средний*** (N = 1375), %	53	39	37	29	19	12	21	8	2
Ниже среднего**** (N = 736), %	48	42	35	24	24	13	19	10	3
Гораздо ниже среднего***** (N = 323), %	41	43	20	18	29	17	19	13	2
Образовательный (направление обучения в вузе)									
Математические и естественные науки, инженерное дело, технологии и технические науки (N = 3235), %	24	19	16	11	9	6	8	6	1
Здравоохранение и медицинские науки (N = 241), %	22	15	20	12	8	7	11	3	2
Науки об обществе (N = 326), %	23	15	15	15	10	7	10	2	2
Сельское хозяйство и с/х науки (N = 190), %	23	16	17	10	12	8	11	1	1
Образование и педагогические науки (N = 525), %	18	23	14	15	8	7	12	1	2
Гуманитарные науки, искусство и культура (N = 1124), %	21	18	16	12	14	5	10	2	2
* Могу себе позволить купить машину, дачу и др.									
** Покупка товаров длительного пользования не вызывает затруднений.									
*** Денег хватает для приобретения необходимых продуктов питания и одежды.									
**** Денег хватает только на приобретение продуктов питания.									
***** Денег не хватает на приобретение продуктов питания.									
Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.									

для выпускников из районных центров и сел, а также из семей со средним достатком. Для представителей из семей с доходами ниже и гораздо ниже среднего более важным факто-

ром является возможность трудоустройства (42%), из семей с высоким доходом – только 16%. Для выпускников из семей с высоким доходом более значимы положение в

обществе и престижность профессии (32 и 36% соответственно), а для представителей из семей с доходами гораздо ниже среднего уровня эти пункты составили 19 и 20% соответственно.

Значительных отклонений по факторам поступления в зависимости от направлений обучения не наблюдается. Можно отметить только, что для всех направлений, кроме «Образование и педагогические науки», наиболее важным фактором являлся будущий заработок. Для будущих педагогов же более важной оказалась возможность трудоустройства. Для тех, кто поступил в медицинский вуз республики, более важным фактором явилась престижность будущей профессии врача.

Узел «2». Отчисление из вуза

Анализ проводился по данным цифр приема бакалавриата 2017/2018 и выпуска 2021/2022 учебных годов (табл. 3). В категорию «не завершил обучение в срок» помимо отчислившихся студентов отнесены и студенты, взявшие академический отпуск, переведенные на другой курс, и др.).

По результатам анализа можно выделить две проблемы.

1. Понимание не востребоваемости специальности на рынке труда. Максимальная доля отчислившихся приходится на дефицитные направления. Более 2/3 студентов по специальностям-«лидерам» по доле отчислившихся в Республике Башкортостан «Физическая культура и спорт» и «Теология»

Таблица 3. Показатели отчисления студентов бакалавриата вузов Республики Башкортостан (поток обучения 2017–2021 гг.)

Направление подготовки	Направление дисбаланса*	Не завершили обучение в срок		Отдельные специальности направления подготовки	%
		чел.	%		
Математические и естественные науки, в т. ч. топ-3 по доле не завершивших обучение	дефицит	313	33	Компьютерные и информ. науки	62
				Математика и механика	37
				Биологические науки	27
Инженерное дело, технологии и технические науки, в т. ч. топ-3	дефицит	1801	31	Технологии легкой промышленности	64
				Авиационная техника	61
				Нанотехнологии и наноматериалы	51
Сельское хозяйство и с/х науки, в т. ч. топ-3	дефицит	108	17	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	20
				Ветеринария и зоотехния	13
Науки об обществе, в т. ч. топ-3	дефицит	810	23	Полит. науки и регионоведение	32
				Психологические науки	31
				Социология и социальная работа	31
Образование и педагогические науки	профицит	907	33	Образование и педагогические науки	33
Гуманитарные науки, в т. ч. топ-3	профицит	440	44	Физическая культура и спорт	71
				Теология	63
				Философия, этика и религиоведение	47
Искусство и культура, в т. ч. топ-3	профицит	43	23	Сценические искусства и литературное творчество	31
				Музыкальное искусство	28
				Изобразительное и прикладные виды искусств	11

* Дефицит – потребность в специалистах на рынке труда больше выпускников вузов, профицит – потребность ниже количества выпускников по направлению.

Составлено по: Образование и культура в Республике Башкортостан (2021); стат. сб. Уфа: Башкортостанстат. 130 с.

не доходят до выпуска. То же самое касается и будущих педагогов: более тысячи студентов этой специальности (треть от общего количества) не доучиваются. Учитывая, что сложность обучения на данных специальностях в целом ниже, чем на технических, можно предположить, что важным фактором отчисления является разочарование в профессии с позиции ее невостребованности на рынке труда.

2. Дисбаланс трудовых ресурсов в дефицитных для Республики Башкортостан специальностях. Масштаб этой проблемы можно понять, если рассмотреть структуру отчисления по количеству недоучившихся студентов.

42% всех недоучившихся студентов бакалавриата вузов Республики Башкортостан приходится на специальности направления «Инженерное дело, технологии и технические науки», при этом дефицит этих специалистов на рынке труда республики высокий. Аналогично по направлению «Науки об обществе»: не доучилось более 800 человек (18% от общего количества отчислившихся) при нехватке специалистов на рынке труда. Соответственно, возникает необходимость в пересмотре цифр приема по данным специальностям, доведении студентов до выпуска и далее до рынка труда, на основе адекватной профориентационной работы со студентами на этапе их обучения в вузах.

Узел «3». Ожидания выпускников вузов от рынка труда и взаимодействие с рынком труда

Частично будущее поведение выпускника вуза объясняется несоответствием реальности исходным ожиданиям. Мы рассмотрели три проекции ожиданий: востребованность профессии, легкость трудоустройства по специальности с желаемым уровнем заработной платы, а также то, как выпускник вуза на этапе обучения «готовился» к выходу на рынок труда (табл. 4).

Анализ ожиданий выпускников показал следующие результаты.

1) Ожидания от востребованности на рынке труда

В целом практически по всем направлениям подготовки выпускники вузов считают, что их профессия является невостребованной.

Более положительная ситуация наблюдается только среди выпускников по направлению «Инженерное дело, технологии и технические науки», 37% которых считают, что их профессия является востребованной, и это соответствует реальности – в Республике Башкортостан сильный дефицит работников по данному направлению⁵. Эти цифры объясняются в том числе предварительной подготовкой будущих инженеров к рынку труда: 38% из них оценивают свои знания о нем как «высокие», почти половина посетовали ярмарки вакансий, 36% уже работали по специальности во время обучения в вузе.

Похожая ситуация складывается в отношении направления «Математические и естественные науки» (дефицитное направление с позиции спроса⁶): 18% выпускников считают, что их профессия является востребованной на рынке труда. В сравнении с представителями большинства других направлений они более активно готовились к будущему трудоустройству.

Кардинально отличается ситуация по направлению подготовки «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»⁷, по которому также наблюдается сильный дефицит в регионе: только 3% выпускников считают, что их специальность является востребованной. То есть будущие выпускники даже не знают о ситуации на рынке труда, что прямо коррелирует с результатами опроса по их предварительному взаимодействию с рынком труда. Только 2% будущих аграриев посетовали ярмарки вакансий, 2–3% студентов работали во время учебы по специальности или устроились на практику с последующим трудоустройством. Как результат, только 2% выпускников по данному направлению оценивают свои знания о рынке труда как высокие.

⁵ Интерактивный портал службы занятости населения Республики Башкортостан. URL: <https://rabota.bashkortostan.ru/reports/index>

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Таблица 4. Ожидания и отдельные параметры взаимодействия выпускников Республики Башкортостан с рынком труда

	Математические и естественные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки	Здравоохранение и медицинские науки	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	Науки об обществе	Образование и педагогические науки	Гуманитарные науки	Искусство и культура
Востребованность профессии на рынке труда								
Считают, что специальность, которую оканчивают, востребована на рынке труда (N = 2234), %	18	37	4	3	5	10	16	2
Дисбаланс на рынке труда, факт, 2021 год*	Д	СД	Д	СД	Д	СП	П	П
Соответствие «ожидание – реальность»	+	+	+	-	-	+	+	+
Трудоустройство по специальности после выпуска								
Считают, что после окончания вуза легко устроятся на работу по специальности (N = 1692), %	17	37	5	4	4	12	15	2
Соответствие «ожидание – реальность»	+	+	+	-	-	+	+	+
Ожидания от заработной платы								
Соответствие будущей профессии ожиданиям по уровню зарплаты (N = 1506), %	20	39	4	3	5	5	17	2
Какую заработную плату Вы хотите получать? (N = 2709), тыс. руб.	40,0	40,0	50,0	30,0	30,0	30,0	30,0	30,0
Средняя зарплата, соответствующая специальности, на рынке труда РБ, 2020 год, тыс. руб.	34,7	35,7	29,6	23,3	29,2	28,4	28,8	25,6
Участие в мероприятиях по трудоустройству								
Посещали ярмарки вакансий (N = 829), %	17	46	2	2	6	7	16	2
Высокая оценка своих знаний о ситуации на региональном рынке труда (N = 443), %	14	38	3	2	7	12	19	1
Работают во время обучения по специальности (N = 572), %	15	36	8	3	4	12	15	2
Устроились по месту ожидаемой деятельности на практику (N = 342), %	18	37	3	2	6	4	22	1
* СД – сильный дефицит (количество вакансий сильно превышает количество выпускников вузов), Д – дефицит, П – профицит (количество выпускников вузов выше потребности рынка труда), СП – сильный профицит. Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.								

Похожая ситуация складывается с дефицитным направлением «Науки об обществе» (психология, экономика и управление, социальная работа, юриспруденция, сервис и туризм и др.)⁸. Только 5% выпускников этого направления считают, что их профессия является востребованной на рынке труда, что не соответствует реальности; только 5% из

них посещали ярмарки профессий, 4% работают по специальности и 7% оценивают свои знания о рынке труда как «высокие».

Это говорит о том, что в отношении этих двух направлений катастрофически не хватает мер государственной политики по взаимодействию будущих выпускников с рынком труда.

⁸ Интерактивный портал службы занятости населения Республики Башкортостан. URL: <https://rabota.bashkortostan.ru/reports/index>

Иную ситуацию мы наблюдаем по двум профицитным направлениям: «Образование и педагогические науки» и «Гуманитарные науки» (языкознание, история, археология, философия, теология, физическая культура и спорт). 10% будущих педагогов и 16% гуманитариев считают, что их специальности востребованы на рынке труда, хотя фактически спрос на них низкий. Однако с точки зрения взаимодействия с рынком труда они более активны и уступают только будущим инженерам и математикам.

2) Ожидания трудоустройства по специальности

Полученные результаты по очевидным причинам прямо коррелированы с результатами опроса по востребованности. Предполагают, что легко трудоустроятся выпускники направлений «Инженерное дело, технологии и технические науки» и «Математические и естественные науки». 95% и более выпускников по направлениям «Здравоохранение и медицинские науки», «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки», «Науки об обществе», «Искусство и культура» считают, что по специальности им трудоустроиться будет сложно. Если сравнить эти цифры с участием выпускников в мероприятиях по трудоустройству, то очевидно, что они и сами не прикладывают усилий по предварительному взаимодействию с рынком труда.

3) Ожидания по заработной плате

Здесь возникает парадоксальная ситуация. Выпускники только двух направлений («Математические и естественные науки», «Инженерное дело, технологии и технические науки») считают, что будущая профессия соответствует их ожиданиям по заработной плате. Однако если посмотреть конкретные цифры, их предположения не соответствуют состоянию на рынке труда Республики Башкортостан⁹. Запросы их гораздо выше предложений на рынке труда. Это может свидетельствовать, что специалисты этих дефицитных профессий могут

уехать в другие регионы, где предложение по уровню заработной платы соответствует их ожиданиям.

Другая парадоксальная ситуация складывается с выпускниками специальностей «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки», «Науки об обществе», «Образование и педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Искусство и культура». Более 95% выпускников вузов этих направлений считают, что будущая профессия не соответствует их ожиданиям. Однако если сравнить их потребности в заработной плате с предложениями на рынке труда, то среднее отклонение не превышает даже 10%. Следовательно, выпускники не знают ситуацию на рынке труда. И эти цифры также коррелируют с их участием в мероприятиях по трудоустройству. Так, в среднем только 6% выпускников указанных направлений участвовали в ярмарках вакансий.

Особая ситуация складывается для направления «Здравоохранение и медицинские науки». Будущие врачи единственные, кто адекватно оценивает ситуацию на рынке труда в Республике Башкортостан. 96% выпускников считают, что будущая профессия не обеспечит ожидаемый уровень заработной платы, что соответствует действительности. Их запросы относительно заработной платы в 50000 руб. в 1,7 раза превышают предложение на рынке труда¹⁰. Очевидно, названный фактор обуславливает то, что они не устраиваются работать по специальности. Подробнее это будет рассмотрено далее.

Узел «4». Выбор вторичной траектории обучения¹¹

К моменту выпуска из вуза студент уже имеет свою личную образовательную траекторию, поэтому помимо вопросов о перспективах продолжения дальнейшего обучения выпускникам задавались вопросы по поводу удовлетворенности обучением в вузах республики.

Как ни странно, более довольны обучением студенты вузов, находящихся ниже в

⁹ Интерактивный портал службы занятости населения Республики Башкортостан. URL: <https://rabota.bashkortostan.ru/reports/index>

¹⁰ Там же.

¹¹ Рассматривается уровень обучения «бакалавриат/специалитет».

рейтинге (БГПУ и БГАУ). Возможно, в этих вузах «легче» учиться, так как их студенты в наибольшей степени оценивают свои знания как «отличные» и «хорошие», и они же в наименьшей степени разочарованы в получаемой профессии (табл. 5).

В большей степени разочарованы в ожиданиях студенты самых высокорейтинговых вузов Республики Башкортостан: УГАТУ и УГНТУ. Как следствие, они в наименьшей степени хотят продолжать обучение.

Отдельно необходимо отметить ответы студентов Башкирского государственного медицинского университета. Только 67% из них довольны обучением в вузе, и только половина оценивает свои знания для дальнейшей работы как «отличные» и «хорошие». Это коррелирует с данными статистики по отчислению студентов: в среднем 23% студентов БГМУ отчисляются.

Возможные варианты формирования траектории в четвертом образовательном узле по дефицитным и профицитным направлениям подготовки приведены ниже.

Дефицитные специальности для рынка труда региона:

1) «Инженерное дело, технологии и технические науки»; в целом выпускники-инженеры не «торопятся» выходить на рынок

труда: половина предпочитает продолжить обучение по специальности, еще 11% хотят сменить вектор обучения, однако в целом 2/3 выпускников этого направления планируют связать будущую карьеру с полученной специальностью;

2) иная ситуация у выпускников направления «Математические и естественные науки», значительная часть которых предпочитает не выходить сразу на рынок труда, а планирует учиться по другому направлению (37%); при этом основная часть «инженеров» и «математиков» предполагает работать по специальности;

3) другая ситуация складывается по направлению «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»: непосредственно выходить на рынок труда по специальности планируют около 25% выпускников, 29% предполагают сменить образовательный вектор и продолжить обучение на следующей ступени образования, остальные не планируют связывать дальнейшую карьеру с полученной специальностью;

4) в сфере здравоохранения, несмотря на специфичность подготовки специалистов, в среднем каждый пятый выпускник не планирует связывать будущее с профессией врача.

Таблица 5. Удовлетворенность обучением студентов вузов Республики Башкортостан

	БашГУ	УГАТУ	УГНТУ	БГПУ	БГАУ	БГМУ
Количество обучающихся в 2021 году*, тыс. чел.	14,3	15,7	12,8	8,4	11,4	6,8
Средний балл ЕГЭ	64	62	70	62	60	74
Ранг в Российской Федерации	125	84	33	320	249	163
Удовлетворенность качеством обучения						
Удовлетворяет ли Вас в целом учеба в вузе?**, %	83	83	86	87	92	67
Как Вы оцениваете полученные Вами в вузе знания?*** (N = 1845), %	67	61	69	71	76	58
Разочарование в обучении**** (N = 84), %	5	8	6	5	2	5
Продолжение обучения						
Планируют обучение на следующей ступени высшего образования (магистратура, аспирантура (N = 1592), %	61	59	54	60	62	67
из них: по специальности (N = 923), %	66	64	60	48	60	82
* URL: https://vuzoteka.ru/вузы/Республика-Башкортостан						
** Ответы «Полностью удовлетворяет» и «Скорее удовлетворяет».						
*** Ответы «Отличные» и «Хорошие».						
**** Ответ «Разочарование в получаемой специальности на предыдущей ступени образования».						
Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.						

Профицитные специальности для региона:

1) среди выпускников направлений «Гуманитарные науки» и «Искусство и культура» связывают свое будущее с полученной профессией и хотят продолжить обучение по специальности соответственно 41 и 45%, 10–11% планируют работать не по специальности; в целом, несмотря на низкий спрос на данные специальности на рынке труда, большая часть опрошенных не планирует менять образовательный вектор;

2) выпускники педагогических специальностей более адекватно относятся к сильному профициту учителей на рынке труда: не более 28% выпускников планируют получить другое образование.

Далее рассмотрим отдельно векторы продолжения обучения и выходы на рынок труда.

Узлы «5» и «6». Продолжение обучения

Несмотря на дефицитность на рынке труда специалистов по направлениям «Математические и естественные науки» и «Инженерное дело, технологии и технические науки», высокий процент выпускников этих специальностей планируют продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре. Основными причинами продолжить обучение являются конкурентоспособность на рынке труда и возможности продвижения по карьерной лестнице.

Для выпускников направления «Здравоохранение и медицинские науки» продолжение обучения также связано с продвижением по карьерной лестнице, фактор конкурентоспособности на рынке труда не является для них значимым. Как и для будущих педагогов для них более важным фактором является возможность смены профессии.

Фактор конкурентоспособности на рынке труда является более значимым для выпускников направления «Науки об обществе» в связи с широким профилем подготавливаемых специалистов.

На рис. 2 представлена структура выбора специальности для дальнейшего обучения.

Подавляющее большинство (82%) выпускников направления «Инженерное дело, технологии и технические науки» планируют продолжить обучение по этому же профилю – это максимальный процент среди всех направлений подготовки. Несколько другая ситуация складывается среди выпускников направления «Математические и естественные науки», где каждый третий меняет профиль на инженерный, каждый пятый – выбирает гуманитарные, педагогические и общественные науки.

Среди выпускников гуманитарного профиля также подавляющее большинство

Выбранная специальность для переобучения									
Текущая специальность	Математические и естественные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки	Здравоохранение и медицинские науки	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	Науки об обществе	Образование и педагогические науки	Гуманитарные науки	Искусство и культура	
	Математические и естественные науки	40%	34%	2%	2%	4%	2%	9%	4%
	Инженерное дело, технологии и технические науки	3%	82%	1%	3%	2%	1%	4%	3%
	Здравоохранение и медицинские науки	2%	3%	72%	6%	2%	6%	6%	0%
	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	13%	15%	2%	42%	6%	6%	4%	6%
	Науки об обществе	2%	2%	1%	2%	39%	7%	41%	4%
	Образование и педагогические науки	3%	7%	3%	1%	10%	86%	39%	15%
	Гуманитарные науки	7%	12%	3%	2%	11%	16%	232%	14%
	Искусство и культура	0%	0%	0%	3%	0%	3%	10%	81%

Рис. 2. Выбор специальности для переобучения выпускниками вузов Республики Башкортостан
Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.

продолжает обучаться по своему профилю, тогда как по направлению «Науки об обществе» большинство предпочитает сменить профиль на гуманитарный, чем продолжить обучение по текущему направлению (41% против 39). Также меняет профиль на гуманитарный значительная часть выпускников-педагогов.

В очень редких случаях выпускники гуманитарных, педагогических и общественных специальностей меняют профиль на технический (2–4%), что связано со сложностями переобучения по этим направлениям. Исключение составляют выпускники направления «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки», 28% которых предпочитают продолжить обучение по технической специальности.

Узлы «6» и «7». Работа по специальности
Согласно результатам опроса, только около 20% выпускников вузов республики планируют работать по специальности, 70% не важно, чтобы работа соответствовала специальности (табл. 6).

В среднем каждый третий выпускник планирует уехать из республики. Среди представителей направлений «Инженерное дело, технологии и технические науки», «Гуманитарные науки», «Искусство и культура» доля желающих уехать превышает долю тех, кто планирует работать в регионе.

С точки зрения ключевых факторов выбора работы явных отклонений нет. Материальные факторы важны для всех выпускников, ожидаемо менее значимы для направления «Сельское хозяйство и сель-

Таблица 6. Факторы продолжения обучения в вузе

	Математические и естественные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки	Здравоохранение и медицинские науки	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	Науки об обществе	Образование и педагогические науки	Гуманитарные науки	Искусство и культура
Важность трудоустройства по специальности								
После окончания учебы планируют работать точно по специальности (N = 551), %	23	21	37	15	16	18	17	22
Важность соответствия работы обучаемой специальности* (N = 734), %	32	25	47	23	29	25	24	26
Факторы, мешающие трудоустройству по специальности								
Важность соответствия работы обучаемой специальности** (N = 162), %	6	5	5	8	12	4	9	6
Важность соответствия работы обучаемой специальности*** (N = 692), %	30	31	34	33	36	32	28	30
Место трудоустройства								
Дисбаланс	Деф	Деф	Деф.	Деф	Деф	Проф	Проф	Проф
г. Уфа (N = 940), %	36	32	39	36	38	39	35	25
Другой город, село Республики Башкортостан (N = 127), %	4	5	11	6	5	8	1	2
г. Москва (N = 150), %	7	4	4	7	5	3	8	5
г. Санкт-Петербург (N = 129), %	5	4	4	7	5	3	6	4
Иные города России (N = 435), %	15	18	13	14	14	17	15	24
Зарубежные страны (N = 281), %	9	11	11	7	8	9	12	13

Ключевые факторы выбора работы								
Материальные факторы, в т. ч.								
Высокая зарплата (N = 1575), %	58	52	73	49	56	55	73	53
Социальный пакет (N = 46), %	2	1	5	3	1	1	1	0
Факторы построения карьеры								
Возможности карьерного роста (N = 296), %	8	11	6	15	15	10	13	13
Интерес к профессии (N = 550), %	20	15	12	15	27	24	26	25
Возможность получения опыта работы, повышения квалификации и т. п. (N = 131), %	4	6	7	9	3	5	3	5
Условия труда								
Удобный, гибкий график (N = 1249), %	54	44	19	32	55	51	49	29
Близость к дому (N = 56), %	1	2	2	6	3	2	2	0
Условия труда (N = 59), %	2	2	5	0	3	3	3	4
Социально-психологические факторы								
Хороший коллектив (N = 194), %	6	8	13	13	5	8	6	5
Мнение родителей (N = 50), %	1	3	2	4	2	1	1	4
Советы близких (N = 1), %	0	0	0	0	0	0	0	0
* Ответ «Обязательно, я же для этого столько учился».								
** Ответ «По моей специальности сейчас трудно устроиться».								
*** Ответ «Главное, чтобы был высокий доход».								
Составлено по: результаты опроса, проведенного авторами.								

скохозяйственные науки» (49%) и более – «Здравоохранение и медицинские науки» (73%). Наблюдается высокий процент выпускников, для которых важен фактор «удобный, гибкий график». Для представителей направлений «Математические и естественные науки», «Науки об обществе», «Образование и педагогические науки» он почти так же важен, как и уровень заработной платы.

Статистические данные и результаты опроса позволяют построить возможные варианты линий поведения студентов/выпускников вузов по конкретным направлениям обучения как в части продолжения обучения, так и в части вхождения в рынок труда. Примеры моделей поведения по направлениям обучения «Инженерное дело, технологии и технические науки» и «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» представлены на рис. 3–4.

Процент закончивших обучение был определен на основе соотношения числа поступивших в 2017 году на обучение бакалавров и числа выпустившихся в 2021 году

по данным статистической отчетности¹², а дальнейшая траектория – по результатам опроса выпускников вузов в 2022 году.

Несмотря на то, что оба направления востребованы на рынке труда, поведение студентов и выпускников различается. Каждый четвертый «инженер» не доходит до выпуска, однако оставшиеся 74% студентов направления активно взаимодействуют с рынком труда, значительная часть их участвует в ярмарках вакансий и проблем с трудоустройством не видит. Большая часть выпускников планирует продолжить обучение по специальности и дальше выйти на рынок труда. Проблемные узлы поведения студентов направления «Инженерное дело, технологии и технические науки»:

- высокий процент недоучившихся;
- завышенные ожидания от рынка труда по уровню заработной платы;
- высокий процент желающих уехать из республики.

Иное поведение демонстрируют выпускники направления «Сельское хозяйство и

¹² Образование и культура в Республике Башкортостан (2021): стат. сб. Уфа: Башкортостанстат. 130 с.

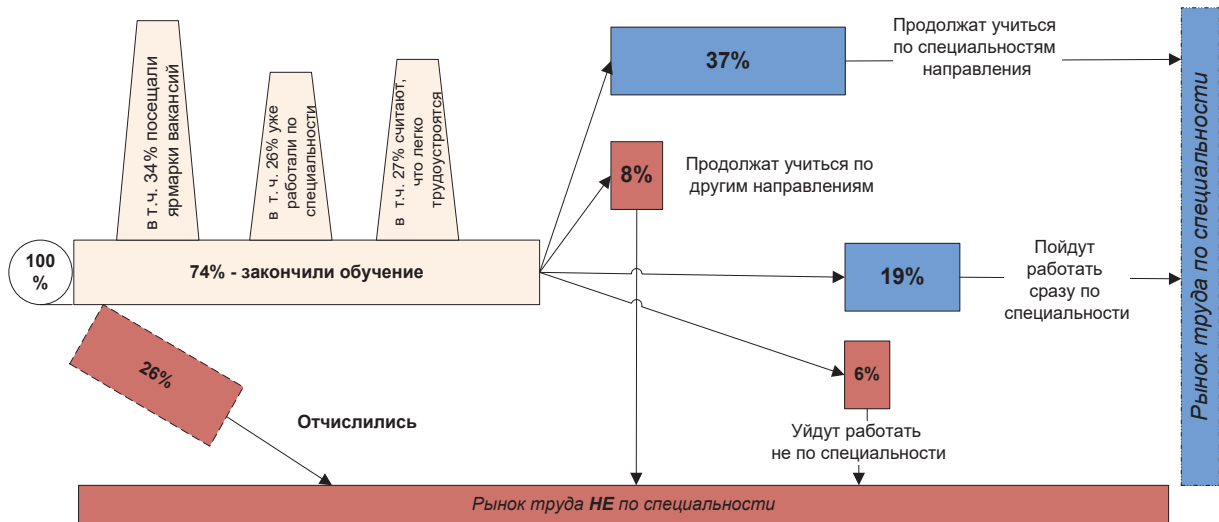

Рис. 3. Модель поведения выпускников направления «Инженерное дело, технологии и технические науки»

Источник: составлено авторами.

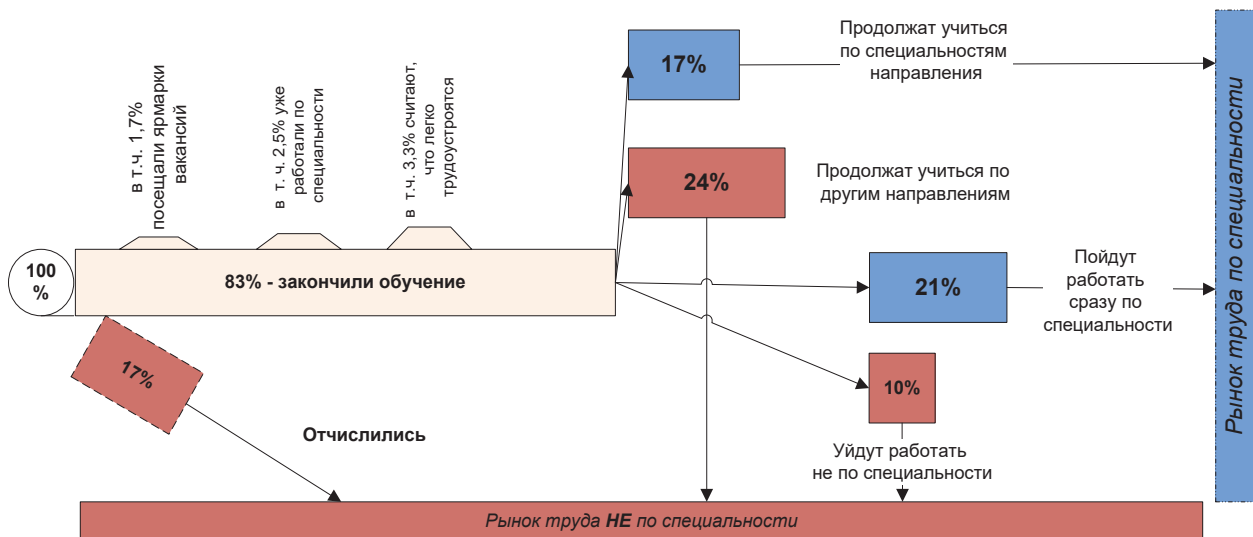

Рис. 4. Модель поведения выпускников направления «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»

Источник: составлено авторами.

сельскохозяйственные науки». Доля завершивших обучение в бакалавриате значительно выше, но студенты фактически не взаимодействуют с рынком труда и считают, что им будет сложно трудоустроиться. Как результат, каждый десятый сразу начинает трудиться не по специальности, а каждый четвертый меняет профиль обучения, более половины не доходят до рынка труда по специальности.

Проблемные узлы поведения студентов этого направления иные:

- фактическое отсутствие взаимодействия с рынком труда (только 2% участвовали в ярмарках вакансий);
- незнание потребностей рынка труда (не более 4% считают, что смогут легко трудоустроиться, при том что в республике наблюдается дефицит работников по аграрным специальностям);

- высокий процент тех, кто сразу начинает трудиться не по специальности;
- разочарование в профессии и смена образовательной траектории.

Подобный анализ можно провести по всем направлениям обучения в регионе, на его основе выстроить вектор государственной политики по корректировке поведения студентов/выпускников вузов для снижения дисбаланса рынков труда и образовательных услуг.

Комплекс мер воздействия государственной политики заключается в построении требуемых для региона маршрутов и программ образовательных продвижений. Поскольку выбор личной образовательной траектории в значительной мере ситуативен, необходимы управляющие действия для направления студентов/выпускников к целевому поведению путем определения значимых для них факторов и условий влияния. Наиболее удобным инструментом прогнозирования возможных сценарных вариантов воздействия на выбор, оценки их эффективности и результативности является агент-ориентированное моделирование (Бахтизин, 2008).

Заключение

По итогам анализа, касающегося поведения выпускников вузов в Республике Башкортостан на образовательной траектории, можно сделать следующие выводы.

1. В регионе должна проводиться системная работа по двум направлениям:

- профориентационная работа для корректировки выбора абитуриентов в пользу дефицитных специальностей на рынке труда; к ней необходимо привлекать стратегические предприятия региона¹³ для удовлетворения их потребностей в специалистах; такая работа должна помочь школьникам выстроить путь «ЕГЭ – бакалавриат (возможно магистратура) – практика – трудо-

устройство» с учетом потребностей рынка региона;

- кадровое обеспечение долгосрочных стратегических целей региона; в республике определены семь приоритетных направлений развития науки, технологий и техники: авиационные и транспортные системы, живые системы, индустрия наносистем и материалов, информационно-телекоммуникационные системы, производственные системы, рациональное природопользование¹⁴, для которых в регионе должны корректироваться структура и качество подготовки кадров высшей квалификации. К сожалению, по ряду этих направлений специалисты в регионе не готовятся, например, отсутствует подготовка по специальности «архитектор живых систем».

2. Существует проблема, связанная с незавершением высшего образования в срок. По некоторым специальностям подготовки цифры значительны, в том числе и по востребованным на рынке труда. Возможными причинами этой проблемы выступают неготовность абитуриентов к сложности обучения по техническим специальностям; разочарование в получаемой специальности студентов самых высокорейтинговых вузов республики (УГАТУ, УГНТУ); смена образовательного вектора и нежелание работать по специальности и др. Тема требует отдельного изучения и внимания со стороны региональных органов государственной власти.

3. Несоответствие реальных характеристик регионального рынка труда ожиданиям выпускников вузов, в первую очередь уровня заработной платы. Необходимы государственные меры поддержки для работающих в этих отраслях.

4. Не имея объективных знаний о состоянии рынка труда, выпускники вузов даже не пытаются найти работу по специальности либо меняют образовательный вектор. Необходимо организовать работы по пред-

¹³ Об утверждении перечней стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ Республики Башкортостан: Указ Главы Республики Башкортостан от 11 ноября 2003 г. № УП-653 (с изм. на 21.10.2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446662449>

¹⁴ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899. URL: <https://base.garant.ru/55171684>

варительной адаптации студентов к рынку труда по направлениям подготовки.

Таким образом, для индивида образовательная траектория представляет собой как «инвестиции» в свое будущее, так и элемент адаптации под изменяющиеся потребности рынка труда. Это личный путь принятия решений для конверсии усилий в соответствующие позиции на рынке труда. Однако в общерегиональном масштабе индивидуальные решения в совокупности влияют на эффективность взаи-

модействия рынков образовательных услуг и труда. Незаметные и неочевидные на первый взгляд отклонения от исходных образовательных траекторий в конечном счете формируют дисбаланс между подготовкой специалистов и их спросом на рынке труда. Соответственно, индивидуальный образовательный вектор должен стать объектом региональной кадровой политики в части помощи в его выборе или корректировке для потребностей регионального рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтизин А.Р. (2008). Агент-ориентированные модели экономики. М.: Экономика. 279 с.
- Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р. (2022). Иррациональность поведения абитуриентов как фактор дисбаланса рынков труда и образовательных услуг региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 194–208. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.10
- Гриншкун В.В., Заславский А.А. (2020). Отечественный и зарубежный опыт организации образовательного процесса на основе построения индивидуальных образовательных траекторий // Вестник МГПУ. Сер.: Информатика и информатизация образования. № 1 (51). С. 8–15. DOI: 10.25688/2072-9014.2020.51.1.01
- Ефимова И.Ю., Веремеенко О.О. (2014). Современные инновационные технологии в организации профориентационной работы // Современная педагогика. № 6. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2420> (дата обращения 24.01.2022).
- Захарова И.Г., Воробьева М.С., Боганюк Ю.В. (2022). Сопровождение индивидуальных образовательных траекторий на основе концепции объяснимого искусственного интеллекта // Образование и наука. Т. 24. № 1. С. 163–190. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-163-190
- Зеер Э.Ф., Заводчиков Д.П., Зиннатова М.В., Лебедева Е.В. (2017). Индивидуальная образовательная траектория как установка субъекта в системе непрерывного образования // Научный диалог. № 1. С. 266–279.
- Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. (2013). Реальность образования // Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП и М. 224 с.
- Константиновский Д.Л., Кузнецов И.С. (2020). Категория доверия в исследовании выбора вуза // Социологический журнал. Т. 26. № 2. С. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7266
- Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. (2012). Современные образовательные траектории школьников и студентов // Социологические исследования. № 2 (334). С. 135–142.
- Ревякина В.И., Осетрин К.Е. (2015). Профориентация школьников: опыт прошлого и проблемы настоящего // Вестник Томского гос. пед. ун-та. № 5 (158). С. 244–248.
- Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. и др. (2019). Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. Сер.: Российское образование: достижения, вызовы, перспективы / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М. 344 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1990-5
- Чередниченко Г.А. (2014). Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М. 560 с.
- Aleshkovski I.A., Moteva A.I., Savina N.E., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. (2020). Educational trajectories of school graduates of the Russian industrial region. *Education and Science Journal*, 22 (10), 41–60. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-41-60

- Azarnova T.V., Kashirina I.L., Shvindt A.N. (2018). Neural network modeling of interaction of labor market subjects and educational services. *Modeling Optimization and Information Technology*, 4 (23), 225–243. DOI: 10.26102/2310-6018/2018.23.4.018
- Bloomer M., Hodkinson P. (2000). Learning careers: Continuity and change in young people's dispositions to learning. *British Educational Research Journal*, 26 (5), 590.
- Bol T., Werfhorst H.G. (2013). Educational systems and the trade-off between labor market allocation and equality of educational opportunity. *Comparative Education Review*, 57 (2), 285–308. DOI: 10.1086/669122
- Borghans, L., Diris, R., Smits W., De Vries J. (2019). The long-run effects of secondary school track assignment. *PLoS ONE*, 14 (10), e0215493. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0215493&type=printable>. DOI: 10.1371/journal.pone.0215493
- Davidyuk E.S., Shishaev M.G., Bystrov V.V. (2018). Predictive modeling for monitoring and managing the staffing of regional development programs. *Works of the Kolsk Scientific Center of the Ras*, 61–76. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.10.61-76
- Dougherty M. (2022). Reconceptualising the transition from post-secondary education to work. *Journal of Education and Work*, 35 (3), 241–255. DOI: 10.1080/13639080.2022.2048251
- Filozova I., Gavrilenko Yu., Ilyina A. et al. (2021). Using labor market data for analysis and education. *Proceedings of the 9th International Conference «Distributed Computing and Grid Technologies in Science and Education» (Grid'2021)*. Dubna, 111–116.
- Gorard S., Rees G., Fevre R., Furlong J. (1997). Life time learning trajectories: Close encounters of five kinds (working paper No. 7). *Patterns of Participation in Adult Education and Training*. Lancaster: Economic and Social Research Council (ESRC), 44.
- Kashirina I., Bondarenko Yu., Azarnova T. (2021). Analysis and forecasting of the market of educational services of the region. *Proceedings – 2021 1st International Conference on Technology Enhanced Learning in Higher Education*, 30–34. DOI: 10.1109/TELE52840.2021.9482804
- Spilerman S. (1977). Careers, labor market structure, and socioeconomic achievement. *American Journal of Sociology*, 83 (3), 551–593.
- Tavakoli M., Faraji A., Vrolijk J., Molavi M., Mol S.T. (2022). An AI-based open recommender system for personalized labor market driven education. *Advanced Engineering Informatics*, 52, 101508. DOI: 10.1016/j.aei.2021.101508
- Traini C., Kleinert C., Schindler S. (2021). Does tracking really affect labour-market outcomes in the long run? Estimating the long-term effects of secondary-school tracking in West Germany. *Longitudinal and Life Course Studies*, 12 (3), 389–422. DOI: 10.1332/175795920X16062248132253
- Valentiy S.D., Matrelov P.V., Korenkov V.V., Belov S.D. (2014). Monitoring the compliance of vocational education with the needs of the labor market. *Social Sciences and Modernity*, 129 (3), 12–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: ice_lu@mail.ru)

Лилия Ишмухаматовна Мигранова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: lilya2710@yandex.ru)

Gainanov D.A., Ataeva A.G., Migranova L.I.

BEHAVIORAL FACTORS OF THE EDUCATIONAL TRAJECTORY IN ENSURING THE STAFFING NEEDS OF THE REGION

The growth of the professional and qualification imbalance between the labor markets and educational services is aggravated by the pronounced regional nature. In each region, the labor market is part of the socio-economic system. Studies have shown that in the Republic of Bashkortostan there is a significant imbalance in a number of training programs. In addition, there are subjective behavioral factors of university applicants and graduates, which increase the imbalance of the labor markets and educational services. Statistical data and survey results helped us to construct possible options for the behavior of students/graduates in specific training programs, both in terms of continuing education and in terms of entering the labor market. We put forward the research hypothesis, which is that the decisions made by the applicant / student / graduate on their educational trajectory correlate with the values of the imbalance of the labor markets and educational services in key training programs. To test the hypothesis, we have identified eight main nodes of the formation of the educational trajectory, possible consequences of the implementation of these trajectories determining the imbalance level between the training of specialists and demand in the regional labor market, factors and conditions affecting the choice of an individual educational trajectory of students / graduates. We have analyzed the behavior of graduates of universities of the Republic of Bashkortostan on the educational trajectory and made the corresponding conclusions. The research results are the basis for building the routes and educational promotion programs required for the region, determining the necessary management actions to direct students / graduates to the target behavior of ensuring the staffing needs of the region.

Educational trajectory, staffing needs of the region, graduates' behavior, survey of graduates, youth in the labor markets.

REFERENCES

- Aleshkovski I.A., Moteva A.I., Savina N.E., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. (2020). Educational trajectories of school graduates of the Russian industrial region. *Education and Science Journal*, 22(10), 41–60. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-41-60
- Azarnova T.V., Kashirina I.L., Shvindt A.N. (2018). Neural network modeling of interaction of labor market subjects and educational services. *Modeling Optimization and Information Technology*, 4(23), 225–243. DOI: 10.26102/2310-6018/2018.23.4.018
- Bakhtizin A.R. (2008). *Agent-orientirovannye modeli ekonomiki* [Agent-Based Models of the Economy]. Moscow: Ekonomika.
- Bloomer M., Hodkinson P. (2000). Learning careers: Continuity and change in young people's dispositions to learning. *British Educational Research Journal*, 26(5), 590.
- Bol T., Werfhorst H.G. (2013). Educational systems and the trade-off between labor market allocation and equality of educational opportunity. *Comparative Education Review*, 57(2), 285–308. DOI 10.1086/669122
- Borghans, L., Diris, R., Smits W., De Vries J. (2019). The long-run effects of secondary school track assignment. *PLoS ONE*, 14(10), e0215493. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0215493&type=printable>. DOI: 10.1371/journal.pone.0215493
- Cherednichenko G.A. (2014). *Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossiiskoi molodezhi (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Educational and Professional Trajectories of Russian Youth (on the Materials of Sociological Research)]. Moscow: TsSP i M.

- Davidyuk E.S., Shishaev M.G., Bystrov V.V. (2018). Predictive modeling for monitoring and managing the staffing of regional development programs. *Works of the Kolsk Scientific Center of the RAS*, 61–76. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.10.61-76
- Dougherty M. (2022). Reconceptualising the transition from post-secondary education to work. *Journal of Education and Work*, 35(3), 241–255. DOI: 10.1080/13639080.2022.2048251
- Efimova I.Yu., Veremeenko O.O. (2014). Modern innovative technologies in the career guidance. *Sovremennaya pedagogika=Modern Pedagogy*, 6. Available at: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2420> (accessed: January 24, 2022; in Russian).
- Filozova I., Gavrilenko Yu., Ilyina A. et al. (2021). Using labor market data for analysis and education. *Proceedings of the 9th International Conference “Distributed Computing and Grid Technologies in Science and Education” (Grid’2021)*. Dubna, 111–116.
- Gainanov D.A., Ataeva A.G., Migranova L.I., Atnabaeva A.R. (2022). Irrationality in the behavior of applicants as a factor in the imbalance of labor markets and educational services in the region. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), 194–208. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.10 (in Russian).
- Gorard S., Rees G., Fevre R., Furlong J. (1997). Life time learning trajectories: Close encounters of five kinds (working paper no. 7). *Patterns of Participation in Adult Education and Training*. Lancaster: Economic and Social Research Council (ESRC), 44.
- Grinshkun V.V., Zaslavskii A.A. (2020). Domestic and foreign experience in organizing the educational process based on the construction of individual educational trajectories. *Vestnik MGPU. Ser.: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya=The Academic Journal OF MCU. Series “Informatics and Informatization of Education*, 1(51), 8–15. DOI: 10.25688/2072-9014.2020.51.1.01 (in Russian).
- Kashirina I., Bondarenko Yu., Azarnova T. (2021). Analysis and forecasting of the market of educational services of the region. *Proceedings – 2021 1st International Conference on Technology Enhanced Learning in Higher Education*, 30–34. DOI: 10.1109/TELE52840.2021.9482804
- Konstantinovskiy D.L., Kuznetsov I.C. (2020). The category of trust in studying one’s choice of university. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 26(2), 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7266 (in Russian).
- Konstantinovskiy D.L., Vakhshain V.S., Kurakin D.Yu. (2013). *Real’nost’ obrazovaniya. Sotsiologicheskoe issledovanie: ot metafory k interpretatsii* [The Reality of Education. Sociological Research: From Metaphor to Interpretation]. Moscow: TsSP i M.
- Popov D.S., Tyumeneva Yu.A., Kuzmina Yu.V. (2012). Modern educational trajectories of schoolchildren and students. *Sotsiologicheskoe issledovaniya=Sociological Studies*, 2(334), 135–142 (in Russian).
- Revyakina V.I., Osetrin K.E. (2015). Vocational guidance of pupils: The experience of the past and the problems of the present. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta=TSPU Bulletin*, 5(158), 244–248 (in Russian).
- Spilerman S. (1977). Careers, labor market structure, and socioeconomic achievement. *American Journal of Sociology*, 83(3), 551–593.
- Tavakoli M., Faraji A., Vrolijk J., Molavi M., Mol S.T. (2022). An AI-based open recommender system for personalized labor market driven education. *Advanced Engineering Informatics*, 52, 101508. DOI: 10.1016/j.aei.2021.101508
- Traini C., Kleinert C., Schindler S. (2021). Does tracking really affect labour-market outcomes in the long run? Estimating the long-term effects of secondary-school tracking in West Germany. *Longitudinal and Life Course Studies*, 12(3), 389–422. DOI: 10.1332/175795920X16062248132253
- Uvarov A.Yu., Geibl E., Dvoretzkaya I.V. et al. (2019). *Trudnosti i perspektivy tsifrovoi transformatsii obrazovaniya. Ser.: Rossiiskoe obrazovanie: dostizheniya, vyzovy, perspektivy* [Difficulties and Prospects of Digital Transformation of Education. Ser.: Russian Education: Achievements, Challenges, Prospects]. Moscow. DOI: 10.17323/978-5-7598-1990-5

Valentiy S.D., Matrellov P.V., Korenkov V.V., Belov S.D. (2014). Monitoring the compliance of vocational education with the needs of the labor market. *Social Sciences and Modernity*, 129(3), 12–18.

Zakharova I.G., Vorobeva M.S., Boganyuk Yu.V. (2022). Support of individual educational trajectories based on the concept of explainable artificial intelligence. *Obrazovanie i nauka=The Educational and Science Journal*, 24(1), 163–190. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-163-190 (in Russian).

Zeer E.F., Zavodchikov D.P., Zinnatova M.V., Lebedeva E.V. (2017). Individual educational trajectory as intention of subject in continuing education system. *Nauchnyi dialog=Scientific Dialogue*, 1, 266–279 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Aisylu G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: ice_lu@mail.ru)

Liliya I. Migranova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: lilya2710@yandex.ru)

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.8

УДК 338.45 | ББК 65.28

© Лебедева М.А.

БАРЬЕРЫ ПЕРЕХОДА К «ZERO WASTE» В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В РЕГИОНАХ СЗФО

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-6143; ResearcherID: R-8097-2018

Проблема обращения с твердыми коммунальными отходами остается актуальной для большинства стран мира, в том числе России. В связи с этим возросла известность концепта «Zero Waste», ключевой идеей которого стало недопущение попадания отходов в окружающую среду. Цель данной работы – определить барьеры перехода к «Zero Waste» в российских регионах на примере субъектов Северо-Западного федерального округа. В ходе работы определено, что объем образования твердых коммунальных отходов в федеральном округе растет и данное явление не связано с ростом численности населения. Анализ стратегических направлений политики в сфере обращения с отходами показал, что цель по снижению объемов образования мусора в большинстве регионов (за исключением Санкт-Петербурга и Мурманской области) не является приоритетной, как того требуют принципы подхода «Ноль отходов». Выявлен ряд культурных, рыночных и нормативных барьеров, мешающих началу реализации «Zero Waste» на рассматриваемой территории: слабая информированность населения о правилах первичной обработки отходов при размещении их в объектах инфраструктуры раздельного сбора отходов, как следствие их ненадлежащее качество, препятствующее заготовителям вторичного сырья производить необходимую продукцию без дополнительных издержек; отсутствие альтернативы перерабатываемой упаковке и государственных требований к возможности ее переработки и к содержанию в ней вторичного сырья; необеспеченность в необходимой степени инфраструктурой по раздельному сбору отходов, наиболее остро проявляющаяся в сельской местности. Относительно создания необходимых условий для поддержания населением «Zero Waste» особую роль

Для цитирования: Лебедева М.А. (2022). Барьеры перехода к «Zero Waste» в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в регионах СЗФО // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 110–123. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.8

For citation: Lebedeva M.A. (2022). Barriers of transition to «Zero Waste» in the sphere of dealing with solid municipal waste in the regions of the SWSFO // Problems of Territory Development. T. 26. No 5. P. 110–123. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.8

следует отвести социально ориентированным некоммерческим организациям, в настоящее время являющимся ключевыми организаторами инфраструктуры по раздельному сбору мусора в субъектах России. Материалы статьи могут быть полезны органам исполнительной власти в регионах, осуществляющих свою деятельность в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

Северо-Западный федеральный округ, экономика замкнутого цикла, Zero Waste, твердые коммунальные отходы, устойчивое развитие.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Проблема обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) как в мире, так и в России остается актуальной последние несколько десятилетий, а пандемия COVID-19 еще сильнее обострила ее (Ускова, 2009; Кожевников, Лебедева, 2019; Терентьев, 2021). В России же помимо пандемии не меньше проблему обострили и введенные в 2022 году антироссийские санкции, запрещающие закупку определенного наукоемкого оборудования, столь необходимого для развития промышленности по обращению с отходами производства и потребления, что в свою очередь тормозит достижение целей по увеличению доли отходов, прошедших сортировку и переработку, и сокращению их захоронения. Несмотря на это, в РФ был принят ряд мер по трансформации действующей системы по обращению с отходами, однако проблемы, связанные с увеличением объема образования ТКО, заполненностью полигонов, несанкционированными свалками, все еще остались нерешенными.

В то же время известно, что без сокращения образования ТКО решить проблему как их чрезмерного захоронения, так и несанкционированных свалок практически

невозможно (Пляскина, Харитоновна, 2016; Королева, 2016; Порфирьев, Наумова, 2018). В связи с этим возросла известность концепции «Zero Waste» или «Ноль отходов», предполагающей безотходный стиль жизни населения и являющейся важнейшей эколого-социальной составляющей экономики замкнутого цикла. Многими эоактивистами¹, международными организациями² разработаны методические рекомендации по переходу к экономике такого рода. В Евросоюзе с 2014 года реализуется программа по переходу к экономике замкнутого цикла³. Американский опыт свидетельствует о том, что мотивы реализации данной концепции не только экологические, но и экономические (Whicher et al., 2017; Rovanto et al., 2022). По состоянию на 2020 год по всей территории Соединенных Штатов насчитывалось чуть более 30 полноценных магазинов «Zero Waste», а также пара десятков онлайн-магазинов⁴. В России данный подход еще не получил столь широкого распространения, при этом ситуация обращения с ТКО не характеризуется положительными изменениями. Поэтому целью работы стало определение барьеров перехода к «Zero Waste» в российских регионах на примере субъектов

¹ Zero waste home. URL: <https://zerowastehome.com> (accessed 10.07.2022); Trash is for tossers. URL: <https://trashisfortossers.com/my-home> (accessed 10.07.2022).

² Guide for zero waste municipalities. URL: https://zerowastecities.eu/wp-content/uploads/2020/02/zero-waste-europe_guide-for-zw-municipalities_en.pdf (accessed 13.07.2022).

³ Communication from the commission to the European Parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions Towards a circular economy: A zero waste programme for Europe Towards a circular economy: A zero waste programme for Europe. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:aa88c66d-4553-11e4-a0cb-01aa75ed71a1.0022.03/DOC_1&format=PDF (accessed 15.07.2022).

⁴ What are zero waste grocery stores and how do they operate? Dar pro solutions. URL: <https://www.darpro-solutions.com/media/blog/zero-waste-store> (accessed 16.07.2022).

Северо-Западного федерального округа. Для достижения цели были решены следующие задачи:

- 1) изучены теоретические основы концепта «Zero Waste»;
- 2) проанализирована текущая ситуация в сфере обращения с ТКО;
- 3) определены барьеры перехода населения к «Zero Waste».

Научная новизна работы заключается в оценке условий для реализации основных положений концепции «Ноль отходов» в регионах.

Теоретико-методологические основы концепции «Zero Waste»

С развитием концепций «устойчивое развитие» и «зеленая экономика» была выделена «экономика замкнутого цикла» или «циркулярная экономика». Определений понятия «экономика замкнутого цикла» довольно много. Под экономикой такого рода понимаются и «восстановительная или регенеративная производственная система» (Сербулова и др., 2016; Гурьева, 2019), и «регенерирующая система, в которой затраты ресурсов и потери, выбросы и утечки энергии сводятся к минимуму за счет замедления, закрытия и сужения материальных и энергетических циклов» (Geissdoerfer, 2017), и «составная часть более широкого понятия «зеленая» экономика; следующий этап развития «зеленой» экономики» (Антропов и др., 2018), и «инициатива по устойчивому развитию, целью которой является сокращение линейных материальных и производственных потоков в системах производства и потребления общества путем применения материальных циклов, возобновляемых и каскадных потоков энергии к линейной системе» (Korhonen et al., 2017).

Существенной составляющей циркулярной экономики является концепт «Zero Waste», которое, согласно определению альянса Zero Waste, ориентировано на «со-

хранение всех ресурсов посредством ответственного производства, потребления, повторного использования и восстановления всех продуктов, упаковки и материалов без их сжигания и без сбросов в землю, воду или воздух, которые угрожают окружающей среде или здоровью человека. Термин «Zero Waste» в переводе с английского имеет два значения: «ноль отходов» и «ноль потерь». Концепция «Zero Waste» подразумевает не только сведение к нулю неблагоприятного воздействия на окружающую среду, но и восстановление «предпроизводственных» цепочек с использованием «постпроизводственных» средств (Мюррей, 2004).

Основной идеей концепта «Ноль отходов» является недопущение попадания отходов в окружающую среду, в то время как для экономики замкнутого цикла помимо снижения негативного воздействия на природу не менее важным является восстановление нарушенных экосистем, тем самым возвращение им возможности полноценно функционировать. То есть можно сказать, что «Ноль отходов» – это набор принципов, а циркулярная экономика – модель, в рамках которой данные принципы реализуются⁵.

Концепт «Zero Waste» изначально включал в себя принципы «3R» (reduce, reuse, recycle – сокращать потребление, повторно использовать, перерабатывать). Затем он был расширен до «5R» (refuse, reduce, reuse, recycle, rot – отказаться, сократить, повторно использовать, переработать, компостировать органические отходы), дополнив схему «3R» этапами отказа от ненужного и компостирования пищевых отходов⁶.

Переходом к «Zero Waste» занялись во многих странах и межгосударственных блоках. Так, в Евросоюзе в 2020 году был принят Новый план действий по экономике замкнутого цикла для более чистой и более конкурентоспособной Европы как одна из составляющих Европейского зеленого курса

⁵ Zero waste vs circular economy – your guide to getting in the loop. URL: <https://www.zerowaste.com/blog/zero-waste-vs-circular-economy-a-guide> (accessed 05.07.2022).

⁶ Zero waste home. URL: <https://zerowastehome.com> (accessed 10.07.2022).

(Mazur-Wierzbicka, 2021)⁷. В этом документе особое внимание уделяется предотвращению появления отходов еще на этапе проектирования товаров, а также повышению срока их функционирования и возможности их ремонта. Также данный план призывает производителей увеличить долю перерабатываемых фракций в производстве и сокращать углеродный след.

В США также при переходе к «Zero Waste» большое внимание уделяется долговечности производимых товаров, возможности их ремонта в процессе эксплуатации, а также повышению ответственности производителя за весь жизненный цикл товара (Pforzheimer, Truelove, 2021).

В России, еще до распада Советского Союза, сложились предпосылки для перехода к «Zero Waste», о чем свидетельствуют работы российских исследователей. Так, О. Федоткина с соавторами (Fedotkina et al., 2019) приводят информацию об эволюции системы обращения с отходами в России за последние 50 лет (табл. 1).

Действительно, начиная с 1960–1970-х гг. велся отдельный сбор макулатуры, стекла, металлолома. В школах он имел соревновательный характер, взрослое население стимулировалось другим путем: металлолом сдавался за определенную плату, макулатура в обмен на книжные талоны и подписку на печатные издания, в отношении стеклянной тары действовала залоговая система, т. е. стоимость стекла была включена в стоимость товара, вернуть ее можно было при сдаче тары в специализированные пункты приема. В Европе же впервые такая система стала применяться только в начале 2000-х гг.

в Германии, то есть на 20–30 лет позднее, чем на территории современной России⁸.

После распада СССР приоритет был отдан восстановлению экономики, поэтому проблемам обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными, не придавалось большого значения. Больше внимания проблематике охраны окружающей среды стало уделяться с принятием Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в 2002 году и началом реализации государственных программ «Охрана окружающей среды»⁹, «Воспроизводство и использование природных ресурсов»¹⁰.

На территории РФ с 2019 года стартовала реформа системы обращения с ТКО, известная как «мусорная реформа» в рамках федерального проекта «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами». Для формирования комплексной системы была создана публично-правовая компания «Российский экологический оператор», которая должна усиливать инвестиционную активность в данной сфере, выкупать земельные участки для капитального строительства объектов обращения с ТКО, осуществлять экологические сборы и распределять полученные средства между регионами через региональных операторов¹¹. На сайте Российского экологического оператора указано, что его миссия – формирование экономики замкнутого цикла в России¹². Тем не менее уже в первый год реформы 13 регионов страны не смогли перейти на новую схему обращения с ТКО по причине неподготовленности мусорных полигонов, а ряд субъектов РФ попросили отсрочку старта на несколько лет.

⁷ Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. A new circular economy action plan for a cleaner and more competitive Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1583933814386&uri=COM:2020:98:FIN>

⁸ Киберов В. ЕС запускает систему приема стеклянной и пластиковой тары за деньги. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3290670.html> (дата обращения 17.07.2022).

⁹ Государственная программа «Охрана окружающей среды»: утв. Постановлением Правительства от 15 апреля 2014 г. № 326. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/874/events> (дата обращения 02.08.2022).

¹⁰ Государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов»: утв. Постановлением Правительства от 15 апреля 2014 г. № 322. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/817/events> (дата обращения 02.08.2022).

¹¹ В России будет создан единый экологический оператор // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/01/15/v-rossii-budet-sozdan-edinuj-ekologicheskij-operator.html> (дата обращения 18.07.2022).

¹² Российский экологический оператор. URL: <https://reo.ru> (дата обращения 19.07.2022).

Таблица 1. Изменения в системе обращения с отходами в период с 1970 года по настоящее время

Аспекты системы обращения с отходами	Советский период. Предпосылки для циркулярной экономики (1970–1990 гг.)	Ранний постсоветский период (1990–2004 гг.)	Осознанное управление отходами (2004–2019 гг.)	Появление ответственных за обращение с отходами (с 2019 года)
Правительственная политика	Реализуются государственные программы раздельного сбора и переработки отходов	Минимальное регулирование, которое не работает	Акцент государственной политики и правил по переработке отходов на развитии инфраструктуры	Разработка системы управления отходами с акцентом на переработку
Муниципальная политика	Нет конкретной роли	Нет конкретной роли	Делегирование ответственности за обращение с твердыми отходами на муниципальный уровень	Региональные операторы получили право контролировать все методы обращения с отходами от мусорного бака до полигона или завода по переработке
Бизнес	Ответственность за сбор и переработку / повторное использование нескольких видов промышленных отходов	Основной практикой является захоронение. Стимулы для переработки практически отсутствуют	Расширение ответственности производителя (EPR) - компании, производящие упакованные товары, должны самостоятельно участвовать в их переработке или платить экологический сбор в государственный бюджет	Ответственный за управление промышленными отходами, экологические сборы, активное развитие бизнес-инициатив по повторному использованию твердых отходов
Домохозяйства	Культура раздельного сбора отходов	Нет стимулирования населения и нет от него инициативы	Инициативы по раздельному сбору отходов для населения внедряются в нескольких регионах; мало стимулов и практически никакой роли	Мало стимулов; развитие общественных инициатив по сокращению отходов и ответственному потреблению; новые высокие тарифы для муниципальных служб за утилизацию отходов
Инфраструктура	Существует повсюду для сбора, сортировки и переработки	Свалки	Свалки, несколько заводов по сжиганию отходов и несколько заводов по переработке отходов	Быстрое развитие установок для сжигания отходов и нескольких заводов по переработке отходов; все еще отсутствует инфраструктура для раздельного сбора отходов; появляется цифровая инфраструктура для переработки отходов
Ограничения	Перерабатывается только часть отходов, таких как стеклянные бутылки, металлический лом и макулатура	Управление отходами ограничивалось сбором и захоронением твердых отходов на свалках	Неструктурированная политика, роль бизнеса и людей очень низка, стимулов по-прежнему недостаточно	Инфраструктура для раздельного сбора бытовых отходов недостаточна

Источник: Fedotkina O., Gorbashko E., Vatolkina N. (2019). Circular economy in Russia: Drivers and barriers for waste management development. Sustainability, 11, 5837. DOI: 10.3390/su11205837

В январе 2022 года стартовал федеральный проект «Экономика замкнутого цикла», направленный на «создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100 процентов и снижение объема отходов, направляемых на полигоны, в два раза»¹⁵.

В данном документе указано, что до начала 2025 года будет принята Концепция минимизации образования отходов в Российской Федерации. В целом федеральным проектом предусмотрено обеспечить использование вторичных ресурсов из отходов к 2030 году на 32%, а утилизируемой упаковки – на 85%.

¹⁵ Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». URL: https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/07/EZTs_pasport.pdf (дата обращения 02.07.2022).

Таблица 2. Образование ТКО, куб. м на душу населения

Территория	Год														2020 год к 2007 году, %
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020		
Российская Федерация	1,5	1,5	1,6	1,6	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,9	1,9	2,1	2,3	155,8	
Северо-Западный федеральный округ	1,6	1,6	1,7	1,7	1,9	1,8	1,7	1,8	1,8	1,9	2,0	2,1	2,1	134,9	
Республика Карелия	1,6	1,9	1,9	2,0	1,9	2,0	2,0	2,1	2,0	1,7	2,4	2,9	2,9	180,5	
Республика Коми	2,3	1,4	1,9	2,3	1,8	2,4	2,5	1,8	1,9	1,9	2,1	2,2	2,2	95,4	
Архангельская область	1,5	1,4	1,4	1,4	1,6	1,6	1,7	2,1	2,1	2,0	1,8	1,6	2,2	146,4	
Ненецкий автономный округ	2,6	3,7	3,8	3,4	3,3	2,5	3,0	2,7	2,7	2,5	2,7	2,7	1,4	53,5	
Вологодская область	1,2	1,9	1,9	1,8	1,5	1,7	1,9	1,9	1,4	1,6	1,7	3,3	3,2	268,7	
Калининградская область	2,3	2,2	2,3	2,2	2,4	2,4	2,1	1,3	1,7	1,1	1,1	2,7	2,6	113,3	
Ленинградская область	1,2	1,3	1,3	1,5	1,6	1,5	1,3	1,5	1,4	1,6	1,8	1,6	н. д.	135,3*	
Мурманская область	1,8	1,9	2,0	2,1	1,7	1,4	2,8	2,8	2,2	2,3	2,5	2,7	2,6	147,5	
Новгородская область	1,9	2,1	1,9	2,1	3,2	2,3	2,4	3,6	2,7	2,6	1,7	2,2	2,8	147,0	
Псковская область	1,2	1,1	1,2	1,3	1,4	1,6	2,2	1,8	2,1	1,6	1,4	1,9	2,5	213,4	
Город Санкт-Петербург	1,5	1,7	1,7	1,6	2,0	1,8	1,4	1,6	1,7	2,0	2,4	1,9	2,2	148,6	

* 2019 год к 2007 году, %.
Источник: данные ЕМИСС.

Результаты исследования

Ситуация в сфере обращения с отходами в большинстве регионов России, в т. ч. и в СЗФО, остается весьма напряженной. Количество вывезенных коммунальных отходов в РФ увеличилось с 210,4 млн куб. м в 2007 году до 336,2 млн куб. м в 2020 году, в СЗФО аналогичный показатель вырос с 21,3 до 29,46 млн куб. м. При этом наблюдается удельное увеличение количества ТКО на душу населения (табл. 2). Подушное образование отходов снизилось только в Ненецком автономном округе и Республике Коми.

В 2019 году в России стартовала «мусорная реформа», направленная на разработку системы обращения с ТКО в основном за счет увеличения доли их сортировки и переработки. Однако, как замечают некоторые эксперты, данная реформа не в полной мере соответствует ФЗ от 24 июня 1998 года № 89 «Об отходах производства и потребления», согласно которому в первую очередь необходимо стимулировать сокращение об-

разования ТКО, затем увеличивать их долю, направленную на сортировку и переработку. Представитель Greenpeace А.В. Киселев подчеркивает, что все регионы прогнозируют рост образования ТКО в ближайшие 10 лет¹⁴. Действующие стратегии социально-экономического развития рассматриваемых регионов это подтверждают (табл. 3).

В большинстве проанализированных стратегий, за исключением аналогичных документов в Санкт-Петербурге и Мурманской области, задача по снижению объемов образования отходов вообще не ставится, более того, наравне с развитием инфраструктуры по отдельному сбору и переработке отходов особое внимание уделяется строительству новых полигонов для размещения ТКО, часто в большем количестве и с большей мощностью, чем мусороперерабатывающих заводов. Соответственно, задача по сокращению отходов не ставится перед региональным оператором, который, по мнению эксперта проекта «Ноль отходов», руководителя токсического отдела Greenpeace В.А. Киселева, и должен ее решать¹⁵.

¹⁴ Киселев В.А. Вместо «мусорной» реформы нужна «мусорная» революция. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-01-21/3_8063_kartblansh.html (дата обращения 03.07.2022).

¹⁵ Там же.

Таблица 3. Стратегические направления политики регионов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами

Регион	Снижение объема образования отходов	Увеличение доли отходов, направленных на сортировку	Увеличение доли переработки	Снижение доли захораниваемых отходов	Ликвидация несанкционированных свалок
Республика Карелия	-	+	+	-	+
Республика Коми	-	+	+	-	+
Архангельская область	-	+	+	-	+
Вологодская область	-	+	+	+	+
Мурманская область	+	+	+	+	+
Калининградская область	-	+	+	-	+
Новгородская область	-	+	-	-	+
Ленинградская область	-	+	+	-	-
Псковская область	-	+	+	-	+
Санкт-Петербург	+	+	+	+	+

Источник: составлено автором на основе действующих в регионах стратегий социально-экономического развития.

Тем не менее в некоторых регионах, например Республике Карелии, стратегическим направлением «Развитие экономики и предпринимательства» предусматривается реализация концепции «Нулевые отходы» в секторе переработки древесины и реализация пилотного проекта по созданию сектора циклической экономики, в котором отходы одного предприятия станут сырьем для другого. Для этого будет разработана платформа, через которую предприятия смогут обмениваться отходами/сырьем или делать совместные закупки больших партий сырья (2-й, 3-й этапы реализации Стратегии)¹⁶. Однако в Стратегии не идет речи о применении принципов «Ноль отходов» в сфере обращения с ТКО.

Согласно концепции «Zero Waste», сокращение отходов должно начинаться еще на этапе осознанного потребления. Исследование Greenpeace в России в 2021 году показало, что состав ТКО, направляемых на захоронение, на 27% по весу и 54,2% по объему состоит из одноразовой упаковки, которая в свою очередь на 43% по весу и 69% по объему состоит из пластика¹⁷. И именно с

этой составляющей ТКО связано большое количество проблем. В то же время переработка в регионах развита очень слабо. Несмотря на то, что в регионе имеются возможности переработки некоторых видов пластика, на переработку принимаются далеко не все отходы даже внутри одного выделяемого вида (табл. 4). Например, отдельно выделяются бутылки из-под молочной продукции и из-под масла, хотя, как правило, сделаны они из одного и того же материала (ПЭТ).

Кроме того, стоит отметить, что в результате первичной сортировки (осуществляется населением) значительная часть ТКО все равно уйдет на захоронение вследствие неправильной подготовки к утилизации. Например, заготовители вторсырья, у которых процесс переработки ТКО уже налажен, отказываются принимать пластик, загрязненный пищевыми отходами, так как их отмывание требует дополнительных затрат, соответственно делает переработку нерентабельной¹⁸ (Порфирьев, Наумова, 2018). Часто недостаточная обработка отходов перед их отдельным сбором и вторичной сортировкой ведет к даунсайклингу – пере-

¹⁶ Экологичные практики в жизни россиян // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения 20.06.2022).

¹⁷ Результаты оценки морфологического состава отходов, оставшихся после прохождения сортировки (2021) / Гринпис. URL: <https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2021/10/npeace-2021.pdf.pdf>

¹⁸ Экономика разомкнутого цикла (2021) / Гринпис. 36 с.

Таблица 4. Виды упаковки, принимаемые на переработку в регионах СЗФО

Регион	Предметы, принимаемые на переработку
Республика Карелия	Контейнеры и тара из полипропилена (ПП); непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции; стаканчики от кисломолочной продукции
Республика Коми	Контейнеры и тара из ПП; непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; мягкая пищевая упаковка; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции; стаканчики от кисломолочной продукции
Архангельская область	Непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; мягкая пищевая упаковка; пластиковые трубочки; мешалки и столовые приборы, бутылки из-под масла; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции
Ненецкий автономный округ	Бутылки от молочной продукции
Вологодская область	Непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции
Мурманская область	Непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; тара от бытовой химии
Новгородская область	Контейнеры и тара ПП; непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; мягкая пищевая упаковка; пластиковые контейнеры-ракушки
Псковская область	Непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции
Ленинградская область	Контейнеры и тара ПП; непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; мягкая пищевая упаковка; пластиковые контейнеры-ракушки; пластиковые подложки; бутылки из-под масла; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции; стаканчики от кисломолочной продукции; бутылки от молочной продукции
Калининградская область	Контейнеры и тара ПП; непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; пластиковые трубочки; мешалки и столовые приборы; бутылки из-под масла; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции
Санкт-Петербург	Контейнеры и тара ПП; непрозрачные и цветные ПЭТ-бутылки; пластиковые пакеты; пластиковые стаканчики; мягкая пищевая упаковка; пластиковые тарелки; пластиковые подложки; пластиковые крышки от стаканов для кофе; пластиковые трубочки; мешалки и столовые приборы; бутылки из-под масла; тара от бытовой химии; бутылки от молочной продукции; стаканчики от кисломолочной продукции; дойпак; тубы от зубной пасты или крема
Источник: Экономика разомкнутого цикла (2021) / Гринпис. 36 с.	

работке по нисходящему циклу, то есть получению сырья более низкого качества, из которого будет произведен не аналогичный товар, а товары, которые не могут быть вторично переработаны и в конечном итоге будут захоронены (Волков, 2018; Рзаев, 2017).

По данным ВЦИОМ, на 2021 год всего 31% россиян сортировали ТКО¹⁹. Люди согласны сортировать отходы, только в случае если объекты сбора будут в шаговой доступности²⁰. Доступность таких контейнеров разная. В российских регионах преимущественно на обработку ТКО вывозятся из городов, на сельских территориях такая практика если и случается, то является скорее исключением (табл. 5).

Например, по данным Яндекс.Карты, в Новгородской области, инфраструктура по отдельному сбору ТКО представлена толь-

ко в административном центре, в остальных населенных пунктах таких объектов нет.

Важная роль в развитии инфраструктуры по отдельному сбору мусора принадлежит социально ориентированным некоммерческим организациям (СОНКО). Всего их в СЗФО в 2021 году насчитывалось 12841 единица, однако экологической проблематикой из них занята только 41 организация (0,3%), а проблемой отдельного сбора мусора – всего 12 (0,09%; табл. 6).

Деятельность СОНКО, занимающихся отдельным сбором ТКО, как правило, носит культурно-просветительский характер и направлена на приобщение населения обычно к отдельному сбору небольшого количества видов отходов. Как показывает практика, инфраструктурные объекты, созданные за счет средств СОНКО, востребованы населе-

¹⁹ Экологические практики в жизни россиян. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения 07.08.2022).

²⁰ 9 из 10 россиян готовы сортировать мусор, если рядом с домом появятся специальные контейнеры // Экология России. 7 декабря 2021 г. URL: <https://ecologyofrussia.ru/rezultaty-oprosa-minprirody-rossii>

Таблица 5. Доступность объектов инфраструктуры для раздельного сбора мусора в некоторых населенных пунктах СЗФО*

Городские населенные пункты	Временная доступность, мин.	Сельские населенные пункты	Временная доступность, мин.
Архангельская область			
Архангельск	5	пос. Талаги	15
Северодвинск	10	пос. Боброво	15
Новодвинск	10	пос. Беломорье	10
Вологодская область			
Вологда	10	с. Липин Бор	25
Череповец	15	с. Сямжа	20
Белозерск	10	д. Хорошево (Грязовецкий район)	25
Тотьма	15	с. Борисово-Судское	30
Новгородская область			
Великий Новгород	15	–	
Боровичи	н. д.	–	
Ленинградская область			
Выборг	50	д. Лангереве	15
Кириши	25	–	
Гатчина	45	–	
Город федерального значения Санкт-Петербург			
Санкт-Петербург	15	–	-
Пушкин	40	–	-
Кронштадт	30	–	-

* Указано максимальное количество времени, требующегося на преодоление расстояния до ближайшей точки раздельного сбора мусора.
Составлено по: <https://www.geoapify.com/isoline-api>; https://yandex.ru/maps/21/vologda/category/separate_garbage_collection_point/31382373914/?ll=39.896460%2C59.216013&sl=39.896460%2C59.216001&z=12

Таблица 6. Социально ориентированные некоммерческие организации, занимающиеся проблемой раздельного сбора ТКО в СЗФО, ед.

Территория	Количество СОНКО всего	Количество СОНКО, занятых экологической проблематикой	Количество СОНКО, занимающихся раздельным сбором отходов
Северо-Западный федеральный округ	12841	41	12
Республика Карелия	963	5	1
Республика Коми	880	2	1
Архангельская область, в т. ч.	1274	7	1
Ненецкий автономный округ	149	1	0
Архангельская область (без НАО)	1125	6	1
Вологодская область	1161	7	4
Калининградская область	1186	6	0
Ленинградская область	968	3	0
Мурманская область	730	1	0
Новгородская область	604	2	2
Псковская область	585	1	0
г. Санкт-Петербург	4490	7	2

Составлено по: Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций по состоянию на 25.07.2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/nko/default/index> (дата обращения 25.06.2022).

нием, следовательно, можно сделать вывод о том, что некоммерческие организации оказывают ощутимое положительное влияние на экологическую культуру людей в ряде населенных пунктов. Тем не менее в силу ограниченности средств некоммерческие орга-

низации не могут создать всю необходимую инфраструктуру по раздельному сбору отходов, а имеющиеся муниципальные сортировочные станции не всегда имеют достаточно мощностей для обеспечения нужного количества и качества вторсырья (табл. 7).

Таблица 7. Количество вывезенных ТКО, в т. ч. на объекты обработки

Территория	Показатель	Год										2020 год к 2007 году, %
		2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2017	2019	2020	
Вывезено ТКО всего, млн куб. м	Российская Федерация	210,4	218,2	228,4	235,4	255,8	262,8	266,5	274,4	304,4	336,2	159,8
	Северо-Западный федеральный округ	21,3	22,4	23,4	23,4	24,7	25,1	24,7	25,9	29,5	29,5	138,5
Доля ТКО, вывезенных на объекты обработки, %	Российская Федерация	11,3	12,2	11,8	13,6	10,5	8,1	7,8	10,2	16,2	24,3	13
	Северо-Западный федеральный округ	39,8	35,7	38,4	35,3	10,3	4,6	9,2	5,5	12,8	20,2	-19,6

Как видно по данным табл. 7, на обработку (в т. ч. сортировку) вывозится лишь 29,5% всех образованных ТКО в России, а в СЗФО всего 20%, то есть довольно мало, учитывая тот факт, что после сортировки все равно будет выделена перерабатываемая фракция, которая в дальнейшем будет направлена на захоронение.

Выводы и обсуждение

Таким образом, можно выделить следующие барьеры перехода к концепции «Zero Waste». Во-первых, нужно отметить рыночные барьеры, связанные с отходами – сырьем низкого качества вследствие недостаточной подготовки и последующей сортировки, что повышает издержки заготовителей. Также не стоит исключать, что в текущих условиях рынок не может предложить адекватную экологически чистую альтернативу, например, одноразовой пластиковой упаковке, что не способствует сокращению образования отходов. Во-вторых, явно прослеживаются культурные барьеры, выражающиеся в недостаточных заинтересованности населения к переходу к «Zero Waste» и информированности о том, как правильно сортировать отходы и подготовить их к разделному сбору. В-третьих, необходимо указать и некоторые

нормативные барьеры, а именно отсутствие нормирования размещения объектов для отдельного сбора ТКО и запретов на законодательном уровне на отдельные виды перерабатываемой упаковки.

Учитывая структуру захораниваемых отходов, целесообразно ввести запрет на использование отдельных видов одноразовой перерабатываемой упаковки²¹. Подобные запреты уже введены в некоторых группах стран. Например, в Европейском союзе действует Директива об одноразовом пластике²², запрещающая вывод на рынок ряд изделий из пластика, а также устанавливающая требование по доле переработанного пластика в упаковке.

В случае использования многоразовой тары имеет смысл возвратиться к «залоговой системе», причем это применимо не только для магазинов, но и для мест общественного питания. В местах общепита также следует уделить внимание распространению концепта использования собственной тары клиентов (например, движению «my cup, please»). Особую роль в популяризации таких концептов нужно отвести НКО.

В то же время важно продолжать совершенствование инфраструктуры по сортировке и дальнейшей переработке отходов как в городских, так и в сельских населенных

²¹ Без соломинок и пакетов: когда запретят одноразовый пластик в России, Канаде и других странах // BCS Express. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/bez-solominok-i-paketov-kogda-zapretiat-odnorazovyi-plastik-v-rossii-kanade-i-drugikh-stranakh> (дата обращения 01.08.2022).

²² The new EU single-use plastics directive. URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/plastics/single-use-plastics_en (accessed 12.07.2022).

пунктах, в том числе в части временной доступности объектов сбора ТКО для населения. В настоящее время норматив для действующих контейнерных площадок накопления ТКО подразумевает их доступность в 20–100 метрах от места проживания (то есть менее чем в трех минутах ходьбы). Исходя из этого, целесообразно постепенно на таких контейнерных площадках размещать контейнеры и для отдельного сбора ТКО.

Что касается переработки, то здесь важно обратить внимание на следующее. Во-первых, необходима деятельность по информированию общества относительно определенной подготовки отходов перед

их отдельным сбором на контейнерных площадках, здесь, на наш взгляд, также не последнюю роль могут сыграть НКО. Во-вторых, особое внимание стоит уделить тому, чтобы отходы именно перерабатывались во вторичное сырье, а не сжигались. Кроме того, что такой вид обращения с ТКО чреват загрязнением атмосферного воздуха и потребует дополнительных очистных мощностей, сжигание одной тонны ТКО IV класса опасности («малоопасные отходы») приведет к образованию 330 кг токсичной золы, захоронение которой потребует строительства новых и более сложных полигонов²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропов В., Бочко В., Книсс М. (2018). Развитие «зеленой» экономики России // Вестник Уральского гос. ун-та путей сообщения. № 3. С. 68–83. DOI: 10.20291/2079-0392-2018-3-68-83
- Волкова А.В. (2018). Рынок утилизации отходов / НИУ ВШЭ. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/Рынок%20утилизации%20отходов%202018.pdf> (дата обращения 19.08.2022).
- Гурьева М.А. (2019). Теоретические основы концепта циркулярной экономики // Экономические отношения. № 3. С. 2311–2336. DOI: 10.18334/eo.9.3.40990
- Кожевников С.А., Лебедева М.А. (2019). Проблемы перехода к «зеленой» экономике в регионе // Проблемы развития территории. № 4. С. 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4
- Королева Л.П. (2016). Где взять деньги на рециклинг? // ЭКО. № 10 (508). С. 142–155.
- Мюррей П. (2004). Цель – Zero waste: пер. с англ. М.: Совет Гринпис. 232 с.
- Пляскина Н.И., Харитонова В.Н. (2016). Управление в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами: современное состояние // ЭКО. № 12. С. 5–19.
- Порфирьев Б.Н., Наумова Ю.В. (2018). Утилизация бытовых отходов в мегаполисах: проблемы, технологические решения и перспективы // Проблемы теории и практики управления. № 9. С. 30–42.
- Рзаев К.В. (2017). Переработка отходов пластмасс в России // Твердые бытовые отходы. № 1. URL: http://ecotechpro.ru/images/pdf/yan_2017.pdf (дата обращения 03.08.2022).
- Сербулова Н., Сиволапенко Е., Паносян С. (2016). Актуальность перехода от линейной к циркулярной модели экономики // Экономист года – 2016: сб. статей III международного научно-практического конкурса. Пенза: Наука и просвещение. С. 60–65.
- Терентьев Н.Е. (2021). Зеленая экономика и ESG в условиях пандемии COVID-19: некоторые вызовы развития // Ученые записки Международного банковского ин-та. № 3. С. 86–102.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Fedotkina O., Gorbashko E., Vatolkina N. (2019). Circular economy in Russia: Drivers and barriers for waste management development. *Sustainability*, 11, 5837. DOI: 10.3390/su11205837
- Korhonen J., Nuur K., Feldman A., Birkie S.E. (2018). Circular economy as an essentially contested concept. *Journal of Cleaner Production*, 544–552. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.111

²⁵ Экономика разомкнутого цикла (2021) / Гринпис. 36 с.

- Mazur-Wierzbicka E. (2021). Circular economy: Advancement of European Union countries. *Environmental Science Europe*. Available at: <https://enveurope.springeropen.com/articles/10.1186/s12302-021-00549-0> (accessed 01.08.2022). DOI: 10.1186/s12302-021-00549-0
- Nandy S., Fortunato E., Martins R. (2022). Green economy and waste management: An inevitable plan for materials science. *Progress in Natural Science: Materials International*, 32, 1–9. DOI: 10.1016/j.pnsc.2022.01.001
- Pforzheimer A., Truelove A. (2021). *Trash in America. Moving from Destructive Consumption Towards a Zero-Waste System*. U.S. PIRG Education Fund.
- Rovanto S., Finne M. (2022). What motivates entrepreneurs into circular economy action? Evidence from Japan and Finland. *Journal of Business Ethics*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10551-022-05122-0>
- Whicher A., Harris C., Beverley K., Swiatek P. (2017). Design for circular economy: Developing an action plan for Scotland. *Journal of Cleaner Production*. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.11.009

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Анатольевна Лебедева – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Lebedeva M.A.

TRANSITION BARRIERS TO “ZERO WASTE” IN THE FIELD OF MUNICIPAL SOLID WASTE MANAGEMENT IN THE REGIONS OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

The issue of municipal solid waste management remains relevant for most countries of the world including Russia. In this regard, the popularity of the concept “Zero Waste” has increased the key idea of which was to prevent waste from entering the environment. The purpose of this work is to determine the barriers to the transition to “Zero Waste” in the Russian regions in the case of the subjects of the Northwestern Federal District. In the course of the work, we have determined that the volume of municipal solid waste production in the federal district is growing and this phenomenon is not associated with population growth. The analysis of strategic policy directions in the field of waste management has proved that the goal of reducing the waste production volume in most regions (except Saint Petersburg and the Murmansk Oblast) is not a priority, as required by the principles of the “Zero Waste” approach. We have identified a number of cultural, market and regulatory barriers that prevent the start of the implementation of “Zero Waste” in the territory under consideration: poor awareness of the population about the rules of primary waste treatment when placing them in separate waste collection infrastructure facilities, as a result of their inadequate quality, preventing secondary raw materials producers from producing the necessary products without additional costs; lack of an alternative to non-recyclable packaging and state requirements for the possibility of its processing and for the content of secondary raw materials in it; the lack of sufficient infrastructure for separate waste collection which is most acute in rural areas. Regarding the creation of the necessary conditions for the maintenance of “Zero Waste” by the population, we should give a special role to socially oriented non-profit organizations, which are currently the key organizers of the infrastructure for separate garbage collection in Russia’s entities. The materials of the article may be useful to the executive authorities in the regions that carry out their activities in the field of municipal solid waste management.

Northwestern Federal District, circular economy, Zero Waste, municipal solid waste, sustainable development.

REFERENCES

- Antropov V., Bochko V., Kniss M. (2018). Development of Russia's green economy. *Vestnik Ural'skogo gos. un-ta putei soobshcheniya*, 3, 68–83. DOI: 10.20291/2079-0392-2018-3-68-83 (in Russian).
- Fedotkina O., Gorbashko E., Vatolkina N. (2019). Circular economy in Russia: Drivers and barriers for waste management development. *Sustainability*, 11, 5837. DOI: 10.3390/su11205837 (in Russian).
- Guryeva M.A. (2019). The theoretical basis of the concept of circular economy. *Ekonomicheskie otnosheniya=Journal of International Economic Affairs*, 9(3), 2311–2336. DOI: 10.18334/eo.9.3.40990 (in Russian).
- Korhonen J., Nuur K., Feldman A., Birkie S.E. (2018). Circular economy as an essentially contested concept. *Journal of Cleaner Production*, 544–552. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.111
- Koroleva L.P. (2016). Where can we get money for recycling? *EKO=The All-Russian ECO Journal*, 10(508), 142–155 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Lebedeva M.A. (2019). Problems of transition to green economy in the region (based on the materials of the European North of Russia). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4, 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4 (in Russian).
- Mazur-Wierzbicka E. (2021). Circular economy: Advancement of European Union countries. *Environmental Science Europe*. Available at: <https://en europe.springeropen.com/articles/10.1186/s12302-021-00549-0> (accessed: August 1, 2022). DOI: 10.1186/s12302-021-00549-0
- Murray P. (2004). *Tsel' – Zero waste: per. s angl.* [The Goal is Zero Waste: Translated from English]. Moscow: Sovet Grinpis.
- Nandy S., Fortunato E., Martins R. (2022). Green economy and waste management: An inevitable plan for materials science. *Progress in Natural Science: Materials International*, 32, 1–9. DOI: 10.1016/j.pnsc.2022.01.001
- Pforzheimer A., Truelove A. (2021). *Trash in America. Moving from Destructive Consumption Towards a Zero-Waste System*. U.S. PIRG Education Fund.
- Plyaskina N.I., Kharitonova V.N. (2016). Management in the sphere of circulation solid municipal waste: Current status. *EKO=The All-Russian ECO Journal*, 12, 5–19 (in Russian).
- Porfir'ev B.N., Naumova Yu.V. (2018). Recycling of household waste in megacities: Problems, technological solutions and prospects. *Problemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 9, 30–42 (in Russian).
- Rovanto S., Finne M. (2022). What motivates entrepreneurs into circular economy action? Evidence from Japan and Finland. *Journal of Business Ethics*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10551-022-05122-0>
- Rzaev K.V. (2017). Recycling of plastic waste in Russia. *Tverdye bytovye otkhody=Municipal Solid Waste*, 1. Available at: http://ecotechpro.ru/images/pdf/yan_2017.pdf (accessed: August 3, 2022; in Russian).
- Serbulova N., Sivolapenko E., Panosyan S. (2016). The relevance of the transition from a linear to a circular model of the economy. In: *Ekonomist goda – 2016: sb. statei III mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* [Economist of the Year – 2016: Collection of Articles of the 3rd International Scientific and Practical Competition]. Penza: Nauka i prosveshchenie (in Russian).
- Terent'ev N.E. (2021). Green economy and ESG in the context of the COVID-19 pandemic: Some development challenges. *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo in-ta=Proceedings of the International Banking Institute*, 3, 86–102 (in Russian).
- Uskova T.V. (2009). *Upravlenie ustoychivym razvitiem regiona* [Managing the Sustainable Development of the Region]. Vologda: ISERT RAN.
- Volkova A.V. (2018). *Rynok utilizatsii otkhodov* [Waste Disposal Market]. NIU VShE Available at: <https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/Рынок%20утилизации%20отходов%202018.pdf> (accessed: August 19, 2022).

Whicher A., Harris C., Beverley K., Swiatek P. (2017). Design for circular economy: Developing an action plan for Scotland. *Journal of Cleaner Production*. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.11.009

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Lebedeva – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИЮЛЬ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

По данным Росстата и Минэкономразвития ВВП России во II квартале 2022 года снизился на 4% (рис. 1). Если в I квартале в большинстве отраслей экономики фиксировались позитивные изменения, то во II квартале произошел разворот динамики показателей (согласно Росстату в январе – июне суммарный спад ВВП составил 0,4%). В це-

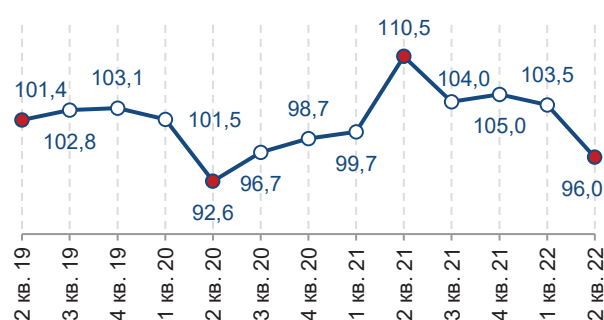

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

лом же за январь – июль¹ согласно предварительной оценке Минэкономразвития снижение показателя составило 1,1%.

Во II квартале больше других пострадала оптовая и розничная торговля: сокращение ее выпуска составило 14,1% (рис. 2). Существенный спад производства также отмечен в обрабатывающей промышленности, транспорте и в профессиональной научной и технической деятельности.

Для цитирования: Сидоров М.А. (2022). Мониторинг экономики: июль 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 124–134. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.9

For citation: Sidorov M.A. (2022). Monitoring of the economy in July 2022. *Problems of Territory's Development*, 26 (5), 124–134. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.9

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – июль 2022 года сопоставляется с январем – июлем 2021 года.

Рис. 2. Темп прироста физического объема валовой добавленной стоимости (ВДС) по отраслям экономики России во II квартале 2022 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

1. Производство валового продукта

Промышленное производство в РФ увеличилось на 1% (табл. 1). Прирост выпуска отмечен как в сфере добычи, так и обработки (на 2,6 и 0,1% соответственно).

В Вологодской области промышленное производство снизилось на 4,4%, что обусловлено сокращением выпуска обрабатывающей индустрии на 6%. Другие регионы-металлурги также затронула индустриальная рецессия: В Кемеровской области отмечен спад выпуска промышленности на 5,6%, в Челябинской – на 2,4%, в Липецкой – на 1,2%.

В целом по стране отмечено резкое торможение роста цен производителей промышленных товаров (на 2,3% к декабрю предыдущего года в сравнении с 23% годом ранее). В Вологодской области зафиксировано снижение уровня этого индикатора на 18,1%.

Большая часть отраслей обрабатывающей промышленности продемонстрировала относительную устойчивость. В частности, в секторе промышленности конечного спроса сохранился умеренный рост производства.

Пищевая промышленность в целом по стране увеличила выпуск на 0,8% (табл. 2). Наиболее существенный прирост отмечен в сфере производства мясных консервов (на 26,3%), круп (на 14,1%), растительного масла (на 16,1%). В определенной степени позитивную динамику отрасли затормозил спад выпуска соленой рыбы на 10,1%, консервированных овощей – на 13,1%.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	105,6	105,8	106,4	105,1	101,0	-
ВО	101,1	100,8	101,7	99,5	95,6	60
АО	98,3	100,3	102,4	112,3	108,6	14
МО	99,7	103,8	105,9	110,2	105,5	18
РКо	96,7	98,9	101,4	108,1	105,2	20
РКа	101,1	101,3	102,7	98,2	94,2	67
Добыча полезных ископаемых						
РФ	101,5	102,7	104,2	107,3	102,6	-
ВО	84,0	88,9	100,3	113,1	97,7	45
АО	99,9	103,2	104,4	121,7	115,3	10
РКо	93,0	95,6	99,2	111,9	108,1	18
РКа	104,4	103,4	104,1	100,5	94,3	54
МО	95,4	94,2	95,6	96,6	92,9	57
Обрабатывающие производства						
РФ	107,6	107,2	107,3	104,7	100,1	-
ВО	102,3	101,8	102,3	98,3	94,0	68
МО	101,4	108,5	111,2	121,6	112,8	7
АО	93,6	93,4	97,9	99,1	97,9	52
РКо	108,9	109,4	108,3	99,6	97,8	53
РКа	98,5	99,6	101,7	96,8	93,1	70
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	123,0	123,6	128,5	110,2	102,3	-
ВО	185,1	155,6	148,6	103,4	81,9	2
РКа	153,4	135,8	131,6	110,9	90,3	7
МО	131,4	125,3	106,4	124,9	93,5	10
РКо	128,0	130,2	143,0	108,1	94,6	12
АО	126,5	123,9	130,1	113,9	106,0	45

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области. РКа – Республика Карелия, РКо – Республика Коми, АО – Архангельская область, МО – Мурманская область.
 ** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – июле 2022 года (если не оговорено иное).

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.
Пищевое производство					
РФ	103,5	103,9	104,8	104,0	100,8
ВО	100,0	101,1	100,3	96,3	94,7
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	108,8	109,2	109,8	108,2	103,4
ВО	114,0	111,8	109,0	101,5	90,4
Химическое производство					
РФ	109,3	108,3	108,2	106,7	102,7
ВО	97,1	97,9	101,1	102,2	105,6
Металлургическое производство					
РФ	105,4	104,6	104,6	104,2	101,2
ВО	103,0	101,9	100,2	96,0	88,4
Деревообработка					
РФ	114,7	113,0	111,6	102,8	93,5
ВО	105,6	104,9	103,5	100,5	92,9
Машиностроение					
РФ	119,1	114,7	111,0	102,1	94,4
ВО	85,3	85,1	83,4	93,8	107,5
Производство стройматериалов					
РФ	108,7	109,2	109,2	111,0	104,7
ВО	98,5	103,0	114,7	164,9	104,3

- ❖ В Вологодской области пищевая промышленность испытала спад производства на 5,3%. В частности, выпуск переработанного мяса снизился на 7,7%, рыбы – на 20%, молочной продукции – на 13,4%. При этом напитков было произведено больше на 7,2%.
- ⬆️ Целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность в РФ увеличила выпуск на 3,4%, что во многом обусловлено приростом выпуска полиграфических услуг (на 14,3%), бумажных полотенец (на 23,2%), коробок из гофрированного картона (на 9,9%) и офсетной бумаги (на 6,8%). В то же время резко сократилось производство обоев (на 20,5%).
- ❖ В Вологодской области выпуск отрасли резко снизился, что отчасти объясняется эффектом высокой базы в аналогичном периоде прошлого года (спад на 9,6% против прироста на 14% соответственно). Наиболее значимым для динамики отрасли при этом

стало сокращение выпуска бумаги и картона на 14%.

Отрасли **сектора промышленности промежуточного спроса** продемонстрировали разнонаправленную динамику.

- ⬆️ Химическая промышленность в целом по стране нарастила производство на 2,7%. Значимое увеличение выпуска отмечено в сфере фармацевтической продукции (на 23,9%) и гербицидов (на 14,1%). В Вологодской области производство химической индустрии выросло на 5,6%, чему способствовало повышение темпов производства кислорода (на 9,6%) и азотных удобрений (на 9,4%).
  - ⬆️ Металлургия страны показала прирост производства на 1,2%. Позитивное влияние оказали отрасли, выпускающие нержавеющую сталь (их прирост выпуска составил 22,5%), обсадные бесшовные стальные трубы (на 23,7%), а также конструкции из черных металлов (на 26,7%).
  - ❖ В Вологодской области металлургическое производство (во многом экспортоориентированное) сократилось на 11,6%, в том числе выпуск готовой металлопродукции уменьшился на 13,3%, стальных труб и профилей – на 27,3%, металлопроката – на 16,5%, при этом конструкций из черных металлов было произведено на 15,3% больше.
  - ❖ Деревообрабатывающая промышленность испытала наибольшее сокращение выпуска среди отраслей обрабатывающей промышленности (на 6,5%). Существенно снизилось производство фанеры и паркета (на 20,9 и 10,9% соответственно). В Вологодской области продукции деревообрабатывающей индустрии было выпущено меньше на 7,1%, на что повлиял спад производства фанеры (на 17,2%), деревянных окон и домов заводского изготовления (на 56,8 и 20,8% соответственно), при этом в производстве деревянных дверей отмечен прирост на 20,4%.
- Динамика сектора промышленности инвестиционного спроса** во многом отражает характер происходящих изменений в экономике.
- ❖ Российское машиностроение сократило выпуск на 5,6%, в частности легковых автомобилей – на 64,2%, грузовых – на 20,1%.

При этом было произведено на 5,8% больше компьютеров, электронных и оптических изделий.

«Подготовлена стратегия развития отрасли до 2030 года. Минпромторг подготовил обновленную концепцию госполитики по развитию российской микроэлектроники до 2030 года. В документе чиновники признают ключевые проблемы отрасли: серьезное технологическое отставание, зависимость от зарубежных технологий и фабрик, острый кадровый дефицит. Чтобы исправить ситуацию, предлагается увеличить производственные мощности, расширить фундаментальные исследования и фактически с нуля создать профильное машиностроение. Участники рынка и эксперты не спорят с базовой логикой этих планов, но подчеркивают, что прямо сейчас отрасли нужна не красивая стратегия, а экстренная помощь»².

В Вологодской области машиностроение нарастило выпуск на 7,5%. Зафиксировано резкое ускорение производства тракторов для сельского хозяйства (на 72,3%) и автотранспортных средств специального назначения (на 44%). Замедляющим фактором при этом стало сокращение изготовления подшипников (на 9,5%) и электрооборудования (на 6,6%).

² Электронику начнут с чистого нуля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5558844> (дата обращения 20.09.2022).

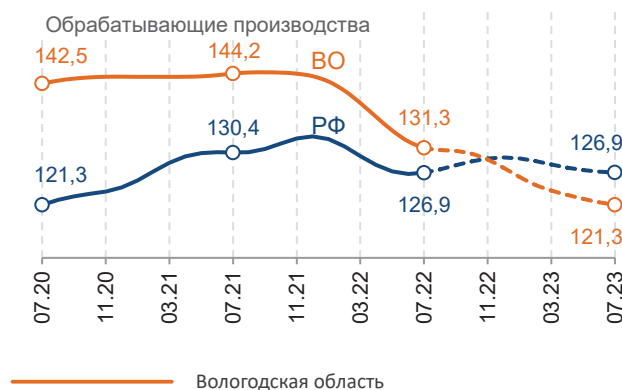
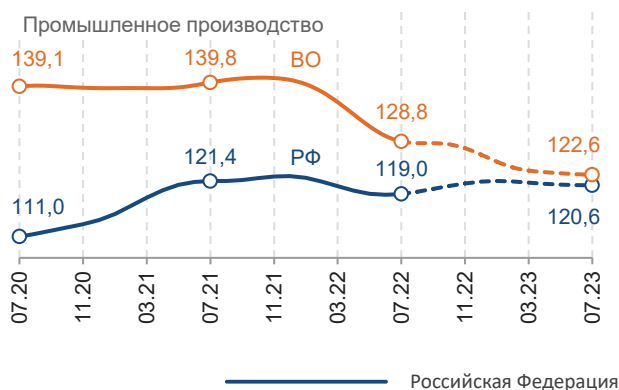
В сфере производства неметаллических минеральных продуктов отмечен прирост выпуска на 4,5%, во многом поддерживаемый государственной программой поддержки ипотечного кредитования. Заметно вырос выпуск товарного бетона (на 13%), термополированного листового стекла (на 12,1%) и кирпичей (на 11,1%). В Вологодской области производство отрасли увеличилось на 4,3%. Прирост производства в регионе товарного бетона составил 17%, строительных блоков – на 10,4%.

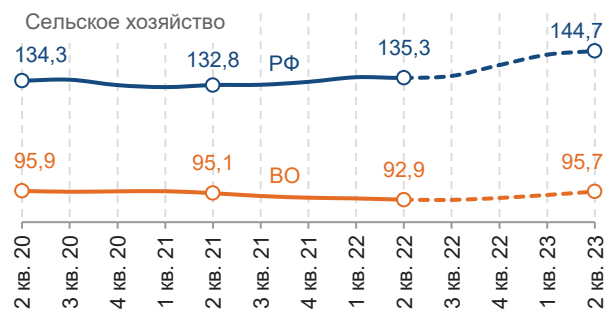
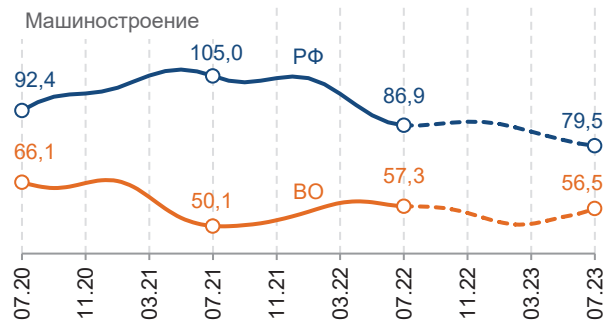
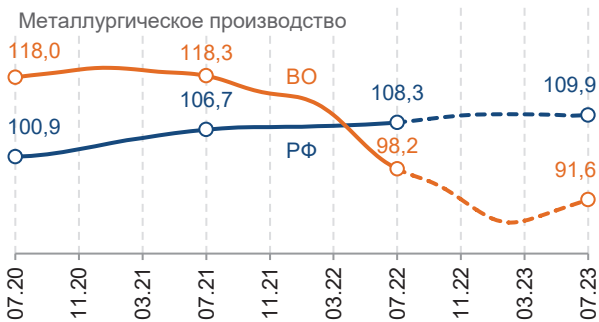
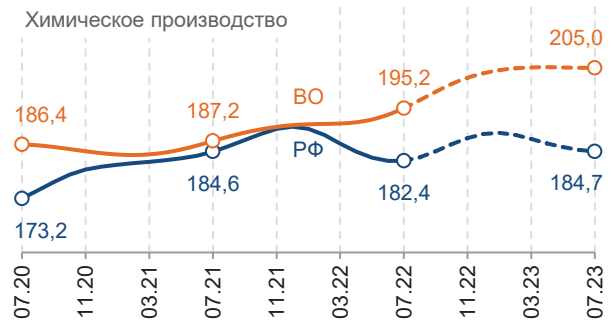
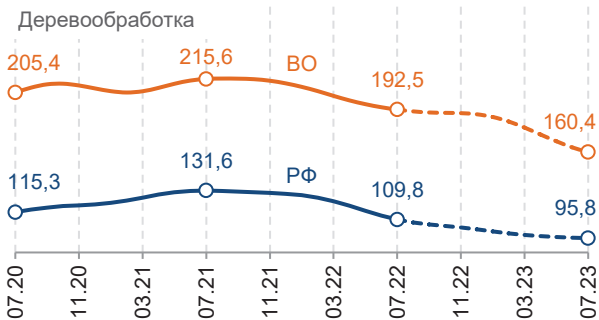
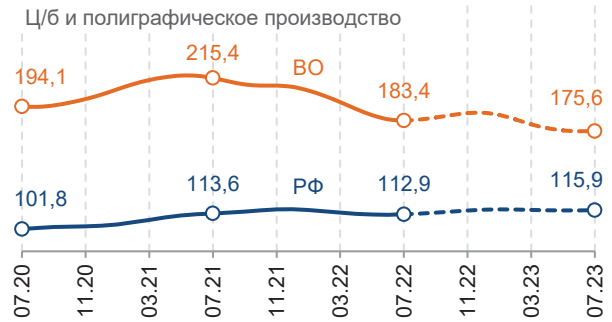
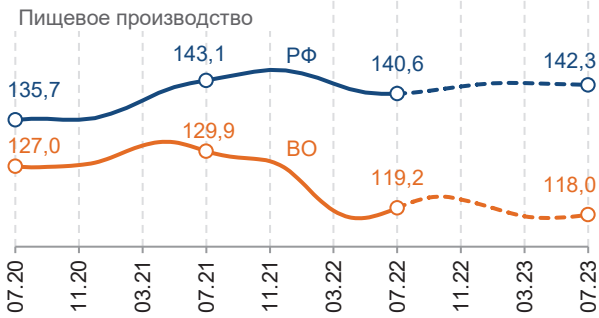
Продукции **сельского хозяйства** в РФ было произведено больше на 2,2% (табл. 3). Выпуск скота и птицы на убой вырос на 4,1%, куриных яиц – на 2,1%, молока – на 0,9%. В Вологодской области производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 0,7%, в том числе куриных яиц на 0,7%, скота и птицы на убой – на 3,3%. Прирост производства молока составил 1,7%.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	p**
РФ	99,8	96,2	99,1	101,9	102,2	-
ВО	99,3	99,1	98,7	100,9	99,3	56
АО	97,3	99,3	99,4	98,9	99,1	57
РКа	92,5	94,1	94,2	100,1	98,7	59
РКо	101,7	100,6	98,3	96,8	97,9	65
МО	92,5	107,1	104,1	92,1	90,8	78

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация

— Вологодская область

На **рынке труда** зафиксированы позитивные изменения.

▲ Уровень безработицы в России продемонстрировал снижение более чем на треть

(до 3,9% в сравнении с 5,3% в аналогичном периоде 2021 года; табл. 4). В Вологодской области снижение индикатора было еще существеннее – до 3,4%.

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	5,3	4,9	6,4	4,2	3,9	-
ВО	5,2	4,8	6,1	3,0	3,4	31
МО	6,8	6,1	7,7	4,9	4,8	57
АО	6,8	6,6	8,6	5,6	5,6	64
РКа	7,3	6,7	8,9	6,3	5,7	65
РКо	6,8	6,8	9,2	7,5	7,0	69
Потребность работодателей в работниках						
РФ	127,5	128,8	128,6	126,4	121,3	-
ВО	112,7	111,5	117,1	131,5	119,3	45
РКа	133,4	136,4	131,0	140,3	127,6	16
МО	95,3	98,3	100,2	129,7	122,1	31
АО	121,4	118,4	111,3	102,0	101,2	80
РКо	103,0	99,3	99,2	89,3	90,3	82

«За период с 15 августа по 5 сентября 2022 года численность зарегистрированных безработных сократилась на 10,4 тысячи человек и составила 664,6 тысячи человек. Численность зарегистрированных безработных по-прежнему не превышает 0,9% от общей численности работников. В то же время снизилось количество граждан, работающих в режиме неполного рабочего дня или рабочей недели, на 14,5 тысячи – до 128 тысяч человек, а число работников, находящихся в простое, снизилось на 9 тыс. человек – до 97 тысяч»³.

Заявленный в службы занятости объем потребности работодателей в работниках продолжил быстро увеличиваться (хоть и несколько замедлившись, прирост составил 21,3% после 27,5% годом ранее). В Вологодской области потребность в работниках выросла на 19,3%.

2. Образование доходов

На стадии **образования доходов** в экономике отмечено ухудшение показателей.

Реальные денежные доходы россиян в январе – июне сократились на 1% (табл. 5).

³ Татьяна Голикова провела заседание межведомственной рабочей группы по восстановлению рынка труда. URL: <http://government.ru/news/46485> (дата обращения 20.09.2022).

Реальная начисленная заработная плата снизилась в среднем на 1,3%. Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму выросло на 4,3%, что может быть связано с необходимостью пересмотра величины прожиточного минимума.

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	Р
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	103,4	103,0	104,5	103,1	98,7	-
ВО	97,8	98,3	99,4	109,7	102,6	-
МО	103,5	103,0	104,8	104,3	100,3	-
РКо	99,0	98,0	100,2	100,0	96,6	-
РКа	100,2	99,3	100,2	94,3	96,1	-
АО	101,2	100,3	101,8	95,2	93,7	-
Реальные денежные доходы населения						
РФ	103,4	103,0	104,5	103,1	98,7	-
ВО	97,8	98,3	99,4	109,7	102,6	-
МО	103,5	103,0	104,8	104,3	100,3	-
РКо	99,0	98,0	100,2	100,0	96,6	-
РКа	100,2	99,3	100,2	94,3	96,1	-
АО	101,2	100,3	101,8	95,2	93,7	-
Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	99,8	106,4	104,1	96,1	95,2	-
ВО	99,8	99,8	99,0	98,8	95,7	-
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму						
РФ	104,0	107,9	107,3	102,1	104,3	-
ВО	99,3	103,0	103,7	96,6	96,2	-
РКа	101,5	104,8	104,9	104,8	107,0	-
РКо	98,7	101,2	103,1	91,0	92,7	-
АО	96,5	102,4	103,6	92,2	94,8	-
МО	100,9	103,9	104,4	104,3	104,8	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	264,5	280,1	256,2	131,8	132,0	-
ВО	267,7	306,3	225,3	131,8	253,4	4
МО	327,1	249,5	180,5	139,5	98,0	57
РКо	-	1313,1	902,1	386,6	94,5	58
РКа	370,9	373,2	267,0	79,4	64,3	68
АО	-	-	1511,4	-	-	-
Поступление налогов, сборов в иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации						
РФ	124,0	129,0	125,3	126,2	118,5	-
ВО	156,3	178,4	159,3	152,5	134,1	-
РКо	156,4	188,3	195,9	201,0	180,9	-
МО	-	-	-	-	164,0	-
АО	123,1	124,3	106,1	141,0	112,1	-
РКа	165,1	162,7	150,2	89,4	90,0	-

↗ Реальные денежные доходы вологжан за первую половину года выросли на 2,6%, размер реальных заработных плат в регионе также увеличился на 2,6%. Отметим, что в регионах-металлургах – Кемеровской и Липецкой областях – происходил спад этого показателя (на 0,2 и 1,4% соответственно), тогда как в Челябинской области зафиксирован прирост на 1,2%. При этом отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму в Вологодской области снизилось на 3,8%.

↘ **Реальный размер назначенных пенсий** россиян сократился на 3,9%, вологжан – на 4,3%.

↗ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ с учетом инфляции в январе – июне вырос почти на треть (при приросте на 164,5% годом ранее). В Вологодской области доходы бизнеса увеличились более чем в 2,5 раза, что во многом обусловлено высокими ценами на минеральные удобрения (см. табл. 11).

↗ **Объем поступивших налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** РФ с учетом инфляции увеличился на 18,5%. В Вологодской области уровень этого индикатора вырос более чем на треть.

«Правительство подготовило бюджет на следующие три года, он будет дефицитным, сообщил премьер-министр Михаил Мишустин на заседании правительственной комиссии по бюджетным проектам. Ожидаемые в 2023 году доходы бюджета оцениваются в сумму около 26 трлн руб., расходы – около 29 трлн руб. Дефицит бюджета в 2023 году составит 2,9 трлн руб., или 2% ВВП»⁴.

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** также зафиксированы негативные изменения.

↘ **Оборот розничной торговли** в стране сократился на 4,3%, в Вологодской области – на 1,5% (табл. 6). При этом зафиксирован переток потребительского спроса из непро-

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.	p**
Оборот розничной торговли						
РФ	110,0	109,0	107,8	103,5	95,7	-
ВО	105,7	105,8	104,3	109,0	98,5	31
МО	98,2	99,9	100,5	99,1	99,4	26
АО	103,4	103,0	102,5	100,1	93,1	72
РКа	104,9	103,6	101,8	99,2	93,0	73
РКо	102,1	101,6	101,6	95,1	91,7	78
Индекс потребительских цен						
РФ	104,5	105,3	108,4	110,0	111,0	-
ВО	104,3	105,6	109,3	110,5	110,8	51
МО	104,2	104,5	107,2	110,6	113,0	4
АО	105,5	106,4	109,3	112,8	111,6	24
РКа	105,1	106,2	109,4	111,4	111,5	27
РКо	104,1	104,1	107,5	110,5	111,1	40
Объем платных услуг населению						
РФ	119,8	118,4	116,7	107,8	104,2	-
ВО	112,5	110,7	109,9	101,8	101,7	46
РКа	119,8	118,1	117,5	106,4	105,8	12
МО	112,7	112,8	112,8	105,4	102,5	38
РКо	114,4	111,6	109,0	97,4	96,5	76
АО	119,4	116,6	114,2	99,2	93,6	81

довольственных товаров в продовольственные. Так оборот торговли непродовольственными товарами в стране снизился на 8,1%, в регионе – на 10,6%. Оборот торговли продовольственными товарами увеличился на 0,2 и 6,4% соответственно.

↘ **Инфляция** в России ускорилась с 4,5 до 11% к декабрю предыдущего года. Наиболее быстро росли цены на непродовольственные товары (на 12,4%); продовольственная продукция подорожала на 10,8%. Цены на услуги ЖКХ за то же время выросли на 4,8%. В Вологодской области индекс потребительских цен составил 110,8%, при этом цены на непродовольственные товары также росли быстрее, чем на продовольственные (на 13,7 и 11,2% соответственно). Услуги ЖКХ подорожали на 1,8%.

↗ В сфере **платных услуг населению** отмечен прирост выпуска на 4,2%, в Вологод-

⁴ Правительство заложило дефицитный бюджет до 2025 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/09/2022/6329bcf39a794741509265f9> (дата обращения 21.09.2022).

ской области – на 1,7% после прироста годом ранее на 19,8 и 12,5% соответственно. Такое замедление во многом объясняется высокой базой прошлого года по причине восстановления активности в сфере услуг после пандемических ограничений в 2020 году.

▲ В **строительстве** России увеличился на 4,5%. Это отчасти вызвано продолжающейся государственной поддержкой жилищного строительства (ввод жилья вырос на 38,1%; табл. 7).

▲ В Вологодской области индекс ввода жилья составил 145,2%.

▼ При этом объем выполненных строительных работ в регионе снизился на 18,4%.

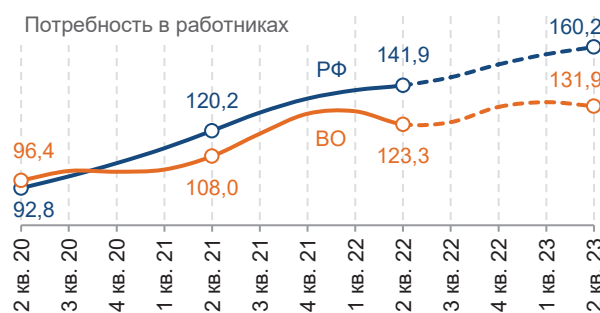
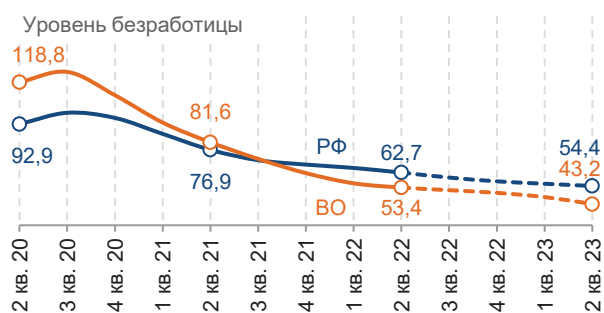
▼ **Объем выданных ипотечных кредитов** в стране продемонстрировал снижение на 29%, что во многом свидетельствует о потребительской нерешительности в этой сфере. Другим фактором замедления ипотечной активности может быть завершение периода «взрывного» роста спроса на данный банковский инструмент. В Вологодской области спад индикатора был соразмерным среднестрановому и составил 30,8%.

▲ Прирост объема инвестиций в основной капитал в РФ в январе – июне сохранился на уровне прошлого года (7,8%; табл. 8).

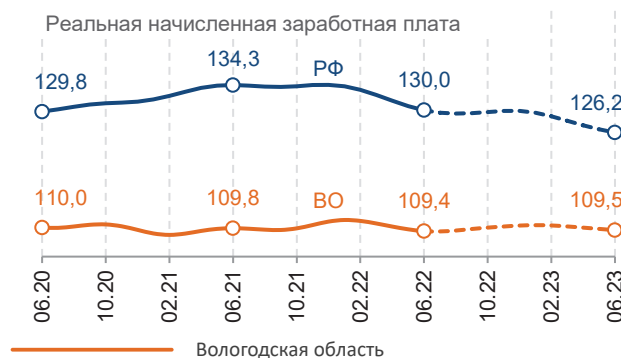
Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

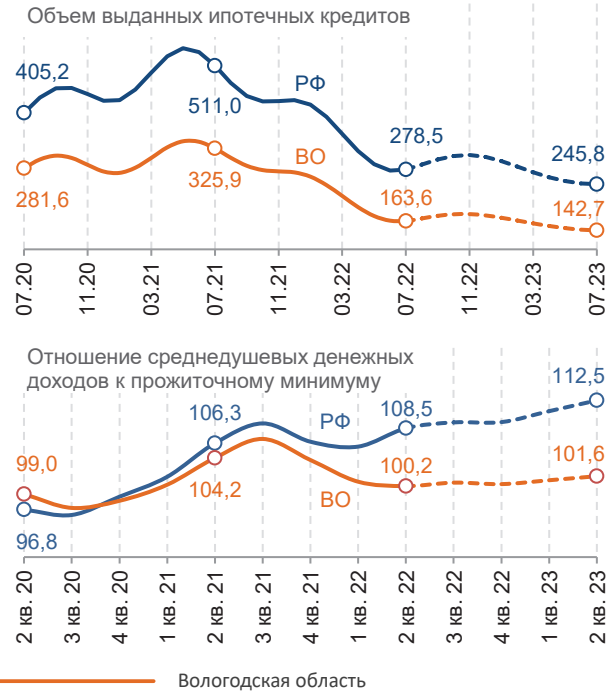
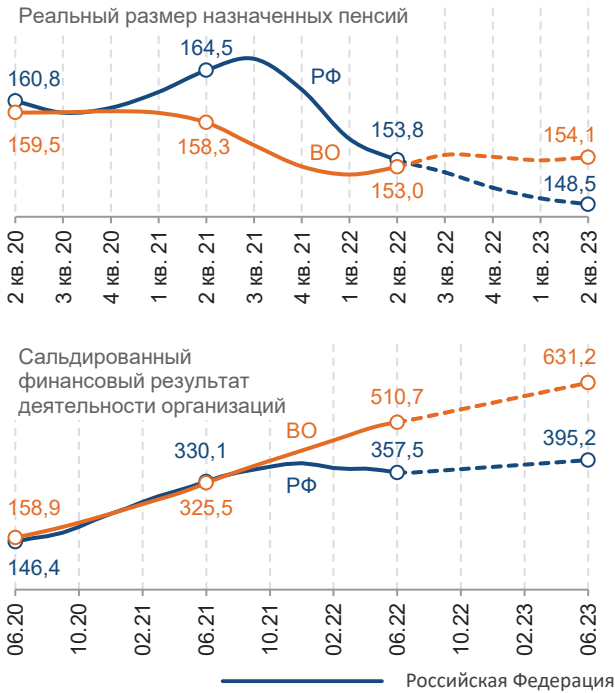
	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.	р**
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	106,9	105,8	106,0	104,5	104,5	-
ВО	95,0	102,9	105,1	54,8	81,6	70
РКа	78,6	98,4	93,3	201,4	185,0	3
МО	109,3	120,3	117,1	119,0	109,9	27
АО	119,4	130,5	139,4	83,3	89,7	61
РКо	119,4	117,8	95,3	63,1	67,5	80
Ввод жилых домов						
РФ	129,9	129,4	112,7	164,6	138,1	-
ВО	119,2	128,8	127,8	346,6	145,2	26
МО	245,9	214,7	142,8	429,8	474,4	2
РКо	105,0	102,8	87,8	354,8	172,2	15
РКа	114,8	97,3	110,3	220,5	147,1	24
АО	155,2	167,3	117,8	145,9	111,4	65
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	162,0	142,0	128,1	113,8	71,0	-
ВО	139,2	127,4	118,3	119,3	69,2	45
МО	154,2	131,8	123,2	123,5	73,2	26
АО	145,9	126,1	116,1	112,2	65,5	63
РКо	146,1	126,4	112,6	101,3	63,7	72
РКа	140,8	122,6	109,6	107,6	61,3	76

Тренды развития рынка труда в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	Р
РФ	107,8	107,8	107,7	112,8	107,8	-
ВО	100,2	97,6	95,0	77,1	-	
РКа	120,7	122,0	121,0	157,9	-	
РКо	87,5	88,4	84,0	95,7	-	
АО	94,6	91,7	86,3	79,5	-	
МО	107,2	116,9	114,5	121,2	-	

Таблица 9. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	7 мес. 2022 г.
Нефть	161,5	163,1	167,4	162,9	160,3
Газ	353,9	414,9	497,2	500,4	417,8
Мет.	171,2	186,2	182,4	131,7	119,5
ФУ	196,5	191,7	192,4	160,7	150,5

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

Цены на мировых рынках на ключевые для экспорта страны энергопродукты продолжили расти: природный газ подорожал почти в 4,2 раза, нефть – на 60,3% (табл. 9).

Цены на основные товары, экспортируемые Вологодской областью, также заметно

увеличились: фосфорсодержащие удобрения подорожали более чем наполовину, металлопрокат – на 19,5%. Однако на начало сентября цены на металлопродукцию испытали резкое снижение не только на мировом рынке, но и на отечественном (табл. 10, 11).

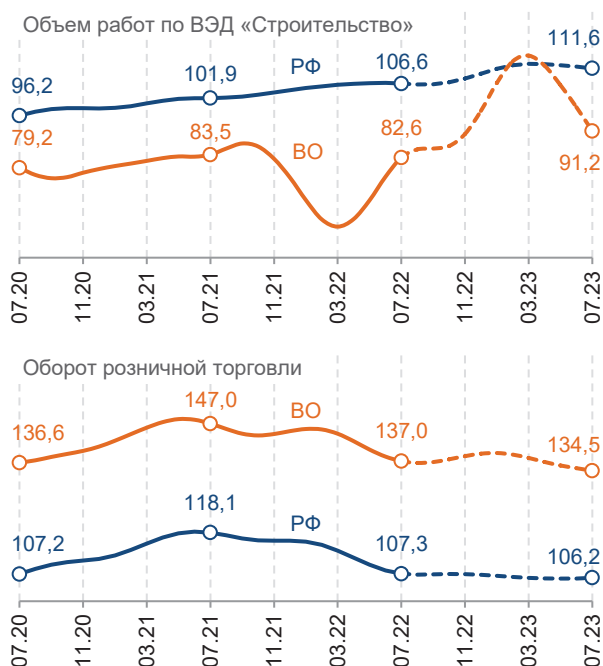
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало сентября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2020 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	825	1380	570	59,8	144,7
Лист оцинкованный	долл. США	873	1405	643	62,1	135,7
Лист горячекатаный	долл. США	710	1155	500	61,5	142,0
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	895	888	493	100,8	181,5
Конструкционные профили	долл. США	1025	1258	625	81,5	164,0
Сортовой прокат	долл. США	990	1090	595	90,8	166,4

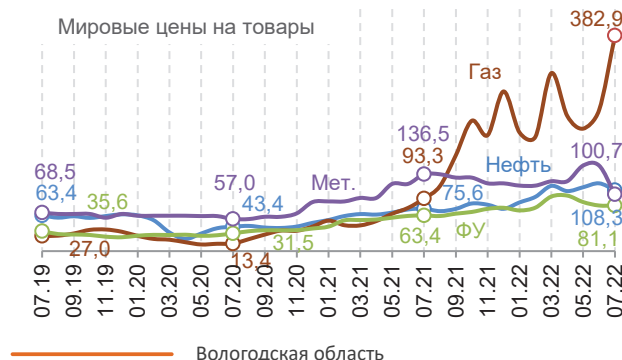
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало сентября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2020 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	61057	87063	48395	70,1	126,2
Лист оцинкованный	руб.	77350	116333	61698	66,5	125,4
Лист горячекатаный	руб.	54471	84125	42541	64,8	128,0
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	51433	66758	38981	77,0	131,9
Балка и швеллер	руб.	67249	83721	48711	80,3	138,1
Круг	руб.	49900	68200	40499	73,2	123,2
Уголок	руб.	60856	73111	40977	83,2	148,5

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

❖ В августе 2022 года индекс предпринимательской уверенности в добыче полезных ископаемых впервые с прошлого года приобрел отрицательное значение, в обрабатывающей промышленности и сфере услуг

также отмечено усиление негативных ожиданий (рис. 3). Оценки предпринимателей в сфере строительства в III квартале оставались негативными, превышая при этом уровень двух предыдущих лет.

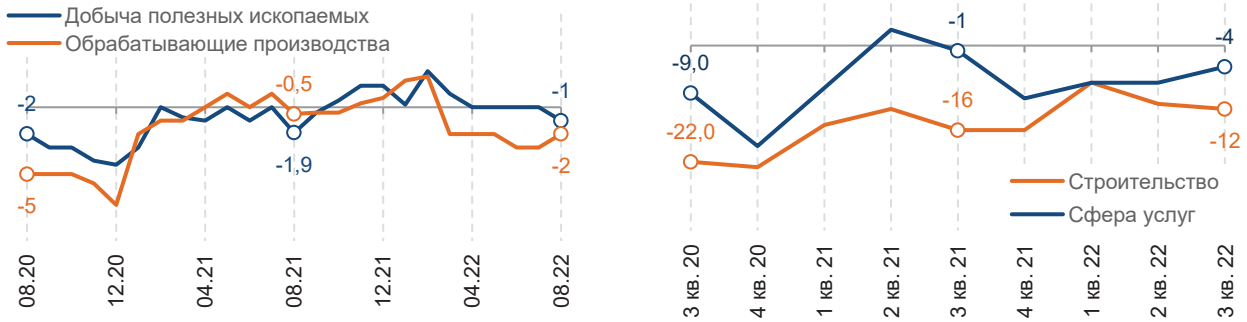

Рис. 3. Индекс предпринимательской уверенности, %

Таким образом в январе – июле 2022 года российская экономика переживала разнонаправленные изменения. В реальном секторе зафиксирован умеренный рост производства, ситуация на рынке труда выглядит благополучной, увеличился объем инвестиций и доходов бизнеса. Доходы населения при этом сократились, следствием чего стало сжатие оборота потребительского рынка, резко замедлилось ипотечное кредитование. В совокупности эти тенденции несут высокие риски для сжатия внутреннего потребительского спроса и финансового сектора страны. В целях сглаживания кризисных явлений немаловажным будет усиление ме-

роприятий по поддержке потребительского спроса и высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности.

Источники: Росстат, Вологдастат, Карелиястат, Комистат, Архангельскстат, Мурманскстат, Федеральная налоговая служба, metaltorg.ru, metalinfo.ru, indexmundi.com

*Материал подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В июле – августе 2022 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественно-го мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

🟡 В августе 2022 года по сравнению с июнем 2022 года социальное настроение жителей области существенно не изменилось: доля положительных оценок сохранилась на уровне 70%, отрицательных – 25%. Соответствующий индекс составляет 145 п. (табл. 1).

🟢 В разрезе социально-демографических групп наиболее заметное улучшение показателей социального настроения произошло в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 6 п., со 143 до 149 п.), среди лиц со средним образованием (на 6 п., со 138 до 144 п.),

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2022). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 135–144. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.10

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2022). Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in August 2022. *Problems of Territory's Development*, 26 (5), 135–144. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
																июню 2022
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,9	70,6	72,2	69,3	66,4	68,6	70,0	+1	+2
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	26,5	25,5	23,1	26,6	29,0	27,0	24,8	-2	-2
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,4	139,4	141,4	145,1	149,1	142,7	137,5	141,6	145,2	+3	+4
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	77,0	77,2	80,1	76,4	75,7	78,9	79,3	0	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,7	17,1	15,3	17,7	17,7	16,3	14,1	-2	-3
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,3	160,1	164,8	158,9	158,0	162,6	165,2	+2	+5

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 6 п., со 144 до 150 п.).

☉ Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 79%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 14%. Соответствующий индекс находится на отметке 165 п. ⬆️ В разрезе социально-демографических групп населения за период с июня по август 2022 года оценки запаса терпения улучшились в возрастной группе старше 55 лет (на 6 п., со 159 до 165 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п., со 170 до 178 п.).

⬆️ В августе 2022 года по сравнению с августом 2021 года показатели социального самочувствия несколько улучшились: индекс социального настроения увеличился на 4 п. (со 141 до 145 п.), индекс запаса терпения – на 5 п. (со 160 до 165 п.).

☉ В динамике самооценок материального положения в августе 2022 года не произошло существенных изменений. Размер фактических доходов среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в различные доходные группы, сохранился на уровне двухмесячной давности; табл. 2).

⬆️ В августе 2022 года по сравнению с августом 2021 года уровень доходов возрос во всех группах населения. Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума не претерпело существенных изменений.

⬆️ В период с июня по август 2022 года характер суждений об экономическом положении России и региона несколько улучшился: соответствующие индексы увеличились на 5 и 6 п. (с 78 до 83 п. и с 73 до 79 п. соответственно; табл. 3). В большинстве социально-демографических групп населения наблюдалось повышение индекса, наиболее существенное – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 6 и 7 п., с 76 до 82 п. и с 72 до 79 п.), среди лиц со средним образованием (на 8 и 9 п.,

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
														июню 2022	авг. 2021
Доход на одного члена семьи, руб.															
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	9285	8646	9202	9073	9827	9792	10595	+803	+1310
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	16141	15910	16580	16514	16913	16925	17645	+720	+1504
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	30600	33604	32948	36246	36116	36559	36385	-174	+5785
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	17665	17997	18381	18972	19333	19423	19987	+564	+2322
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	11767	11767	11767	12781	12781	14059	14059	0	+2292
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз															
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,8	+0,1	0
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	+0,1	-0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,6	2,9	2,8	2,8	2,8	2,6	2,6	0	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	0	-0,1

*Источник: Постановления Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
														июню 2022	авг. 2021
Экономическое положение России															
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,2	12,5	14,8	14,2	9,9	11,2	13,0	+2	+2
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	44,5	43,2	41,0	42,1	40,7	43,1	43,7	+1	-1
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	30,6	30,7	30,7	30,0	34,3	33,3	30,5	-2	0
<i>Индекс</i>	<i>85,2</i>	<i>70,7</i>	<i>87,2</i>	<i>88,6</i>	<i>80,6</i>	<i>80,8</i>	<i>80,6</i>	<i>82,8</i>	<i>84,1</i>	<i>84,2</i>	<i>75,6</i>	<i>77,9</i>	<i>82,5</i>	<i>+5</i>	<i>+2</i>
Экономическое положение области															
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,3	11,0	13,0	11,1	8,8	10,6	13,1	+3	+2
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	42,9	39,9	39,7	39,9	38,3	40,2	41,3	+1	-2
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	35,3	38,1	36,6	36,4	38,7	37,3	34,6	-3	-1
<i>Индекс</i>	<i>80,5</i>	<i>62,2</i>	<i>74,9</i>	<i>76,6</i>	<i>73,9</i>	<i>75,0</i>	<i>76,0</i>	<i>73,9</i>	<i>76,4</i>	<i>74,5</i>	<i>70,1</i>	<i>73,3</i>	<i>78,5</i>	<i>+6</i>	<i>+3</i>
Материальное положение семьи															
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	7,0	8,8	10,1	9,2	7,3	8,2	10,2	+2	+3
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	50,8	49,9	49,7	47,9	47,5	47,9	46,7	-1	-4
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	33,3	32,2	30,9	33,4	34,4	32,3	31,2	-1	-2
<i>Индекс</i>	<i>82,7</i>	<i>76,7</i>	<i>81,6</i>	<i>80,4</i>	<i>76,2</i>	<i>76,0</i>	<i>73,7</i>	<i>76,6</i>	<i>79,2</i>	<i>75,8</i>	<i>72,9</i>	<i>75,9</i>	<i>79,0</i>	<i>+3</i>	<i>+5</i>

с 73 до 81 п. и с 63 до 72 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 12 и 15 п., с 78 до 90 п. и с 76 до 91 п.).

⊙ Характеристики материального положения семьи в среднем по области за два последних месяца существенно не изменились. Соответствующий индекс сохранился

на отметке 79 п. В разрезе социально-демографических групп населения оценки экономического положения в регионе заметно улучшились в возрастной группе старше 55 лет (на 7 п., с 70 до 77 п.), среди лиц с высшим образованием (на 10 п., с 76 до 86 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 6 п.,

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
														июню 2022	авг. 2021
В России															
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	36,7	36,6	36,8	34,1	29,2	28,0	28,6	+1	-8
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	47,6	49,6	48,0	50,6	56,6	55,9	54,0	-2	+6
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>89,1</i>	<i>87,0</i>	<i>88,8</i>	<i>83,5</i>	<i>72,6</i>	<i>72,1</i>	<i>74,6</i>	<i>+3</i>	<i>-15</i>
В области															
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	53,7	52,0	52,3	50,2	46,4	48,1	50,2	+2	-4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	34,4	36,0	36,1	36,4	40,2	39,2	38,5	0	+4
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>119,3</i>	<i>116,0</i>	<i>116,2</i>	<i>113,8</i>	<i>106,2</i>	<i>108,9</i>	<i>111,7</i>	<i>+3</i>	<i>-7</i>

с 75 до 81 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п., с 91 до 99 п.).

☉ В период с августа 2021 года по август 2022 года оценки экономической ситуации в стране и области не изменились (83 и 79 п. соответственно). 🟢 Оценки собственного материального благополучия стали более благоприятными (соответствующий индекс увеличился на 5 п., 79 п. против 74 п.).

☉ За последние два месяца оценки политической ситуации в России и области существенно не изменились. Доля тех, кто считает ситуацию «благополучной, спокойной», сохранилась на отметках 29 и 50% соответственно, удельный вес негативных оценок – на уровне 54 и 39% (табл. 4).

В распределении по социально-демографическим группам индекс оценки политической обстановки в стране и регионе наиболее существенно увеличился в возрастной группе старше 55 лет (на 11 и 8 п., со 68 до 79 п. и с 111 до 119 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 8 и 11 п., с 75 до 83 п. и со 110 до 121 п. соответственно).

🔴 В августе 2022 года по сравнению с августом 2021 года индекс оценки политической ситуации в стране снизился на 15 п., в области – на 7 п.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в июне – августе 2022 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области произошли неоднозначные изменения

Позитивные тенденции отмечены в оценках экономической ситуации в России: соответствующий индекс увеличился на 5 п. (с 78 до 83 п.);

более благоприятными стали оценки экономической обстановки в регионе (на 6 п., с 73 до 79 п.).

На прежнем уровне сохранились показатели социального настроения (соответствующий индекс фиксировался на отметке 145 п.). Не претерпели существенных изменений оценки запаса социального терпения (165 п.). На уровне двухмесячной давности сохранились оценки материального положения семьи (79 п.). Значительно не изменились оценки политического положения в России и области (75 и 112 п.).

В августе 2022 года по сравнению с августом 2021 года по различным показателям мониторинга наблюдались разнонаправленные изменения.

Позитивную динамику продемонстрировали индексы:

- социального настроения (на 4 п., со 141 до 145 п.);
- запаса терпения (на 5 п., со 160 до 165 п.);
- материального положения семьи (на 5 п., с 74 до 79 п.).

Негативные изменения произошли в оценках:

- политического положения области (на 7 п., со 119 до 112 п.);
- политического положения России (на 15 п., с 89 до 75 п.).

Не претерпели изменений оценки:

- экономической обстановки в области (79 п.);
- экономического положения России (83 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные позитивные тенденции отмечались в следующих категориях:

- в зависимости от возраста – в группе старше 55 лет (индекс социального терпения увеличился на 6 п., индекс экономической ситуации в регионе – на 7 п., политической обстановки в России и области – на 11 и 8 п. соответственно, материального положения – на 6 п.;

- в зависимости от уровня образования – в группе лиц со средним и неполным средним образованием (индексы социального настроения и запаса терпения увеличились на 6 и 5 п., индексы экономической ситуации в стране и регионе – на 8 и 9 п., индекс политической обстановки в России – на 15 п.);

- в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наиболее обеспеченных жителей региона (индекс запаса терпения увеличился на 9 п., индексы экономической ситуации в стране и регионе – на 12 и 15 п., индекс материального положения – на 8 п.); в 60%-й группе среднеобеспеченных (индекс социального настроения вырос на 6 п., индексы политической обстановки в России

и регионе – на 9 и 11 п. соответственно), индекс материального положения – на 6 п.);

- в зависимости от территории проживания – в районах (индекс социального настроения увеличился на 5 п., экономического положения области – на 7 п.).

Отсутствие позитивных тенденций в оценках различных аспектов личной и общественной жизни населения (оценки экономической и политической ситуации, материального положения) может быть связано с негативными процессами, которые наблюдаются в экономике региона. Так, по данным официальной статистики, в первом полугодии 2022 года по отношению к соответствующему периоду предыдущего года индекс промышленного производства составил 95,6%, объем производства продукции сельского хозяйства – 99,3%, оборот розничной торговли – 99,7%, индекс потребительских цен – 115,6%¹. Определенную роль в улучшении показателей социального настроения и запаса социального терпения мог сыграть сезонный фактор, а именно продолжающиеся летние месяцы, позволяющие приспособливаться к сложностям экономической ситуации за счет увеличения опоры на личное хозяйство, а также традиционно являющиеся периодом ежегодных отпусков. Существенное улучшение социального настроения в старшей возрастной категории может быть связано с индексацией социальных пенсий. Согласно Постановлению от 28 мая 2022 года № 973 Правительство РФ проиндексировало пенсии, прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда на 10%².

Вместе с тем решение ключевых проблем региона, которые связаны прежде всего с динамикой уровня и качества жизни населения, не теряет своей значимости. Эффективность мероприятий властей в этом

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Об особенностях исчисления и установления в 2022 году минимального размера оплаты труда, величины прожиточного минимума, социальной доплаты к пенсии, а также об утверждении коэффициента индексации (дополнительного увеличения) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии, коэффициента дополнительного увеличения стоимости одного пенсионного коэффициента и коэффициента дополнительной индексации пенсий, предусмотренных абзацами четвертым – шестым пункта 1 статьи 25 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2022 г. № 973. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205300031>

направлении приобретают все большую актуальность как объективное условие, необходимое для дальнейшего улучшения социального самочувствия и поддержания социальной стабильности.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мони-

торинга ВолНЦ РАН, который пройдет в октябре 2022 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

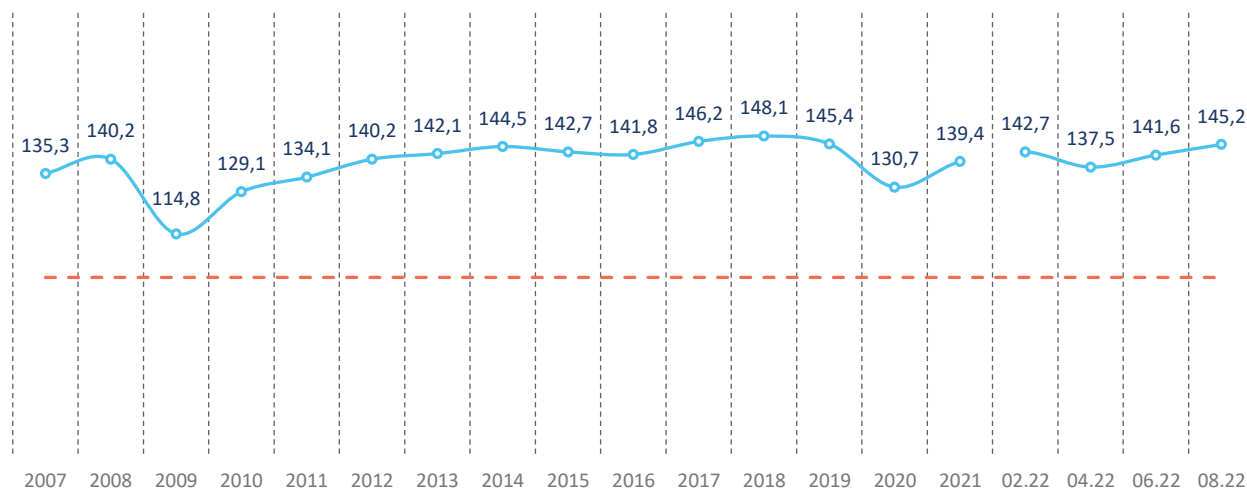

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В августе 2022 года продолжилось начавшееся в июне т. г. увеличение индекса социального настроения жителей Вологодской области на 3 пункта (со 142 до 145 п.).

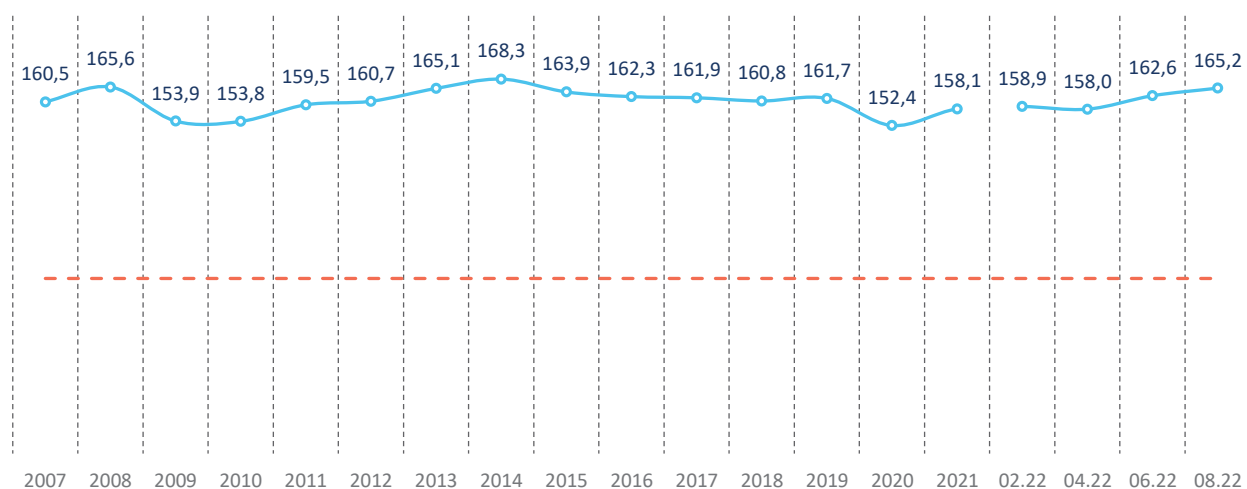

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В августе 2022 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области составляет 165 п., что на 2 пункта больше июньского значения.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

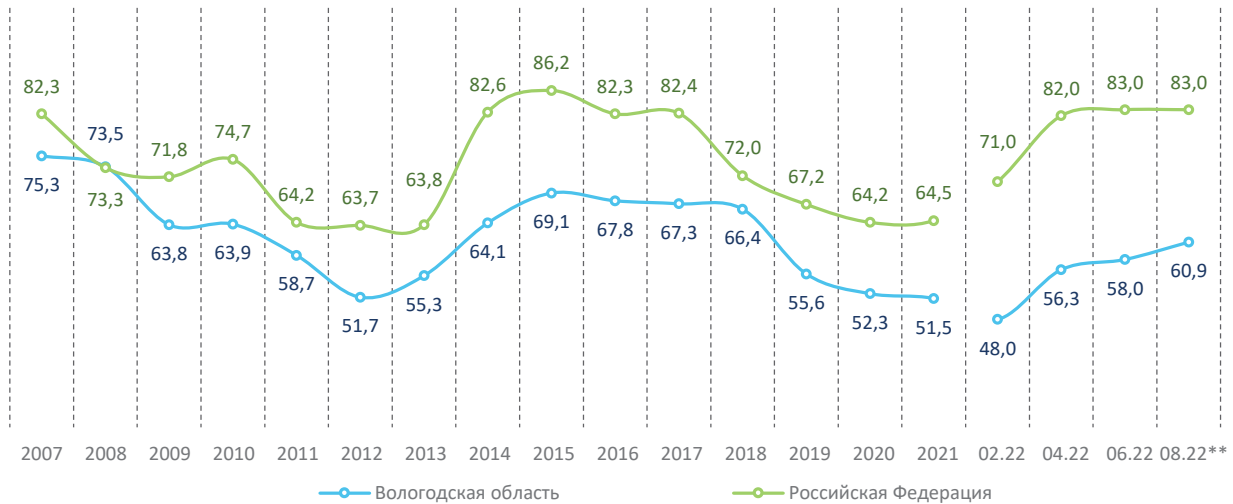

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2022 года уровень одобрения деятельности Президента РФ жителями Вологодской области увеличился на 3 п. п. (с 58 до 61%). В целом по России данный показатель за летние месяцы не претерпел изменений и составляет 83%.

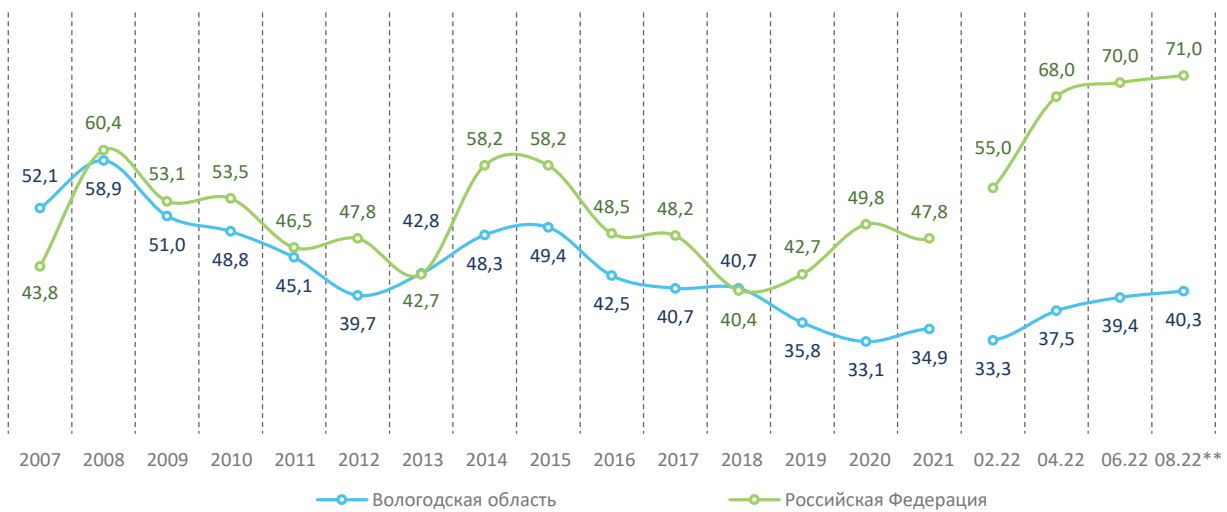

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2022 года как по Вологодской области, так и по России в целом не отмечается изменений в одобрительных оценках работы Правительства РФ. По региону данный показатель составляет 39–40%, по России – 70–71%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра* (<http://www.levada.ru>).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

** Данные Левада-Центра* за июль 2022 года.

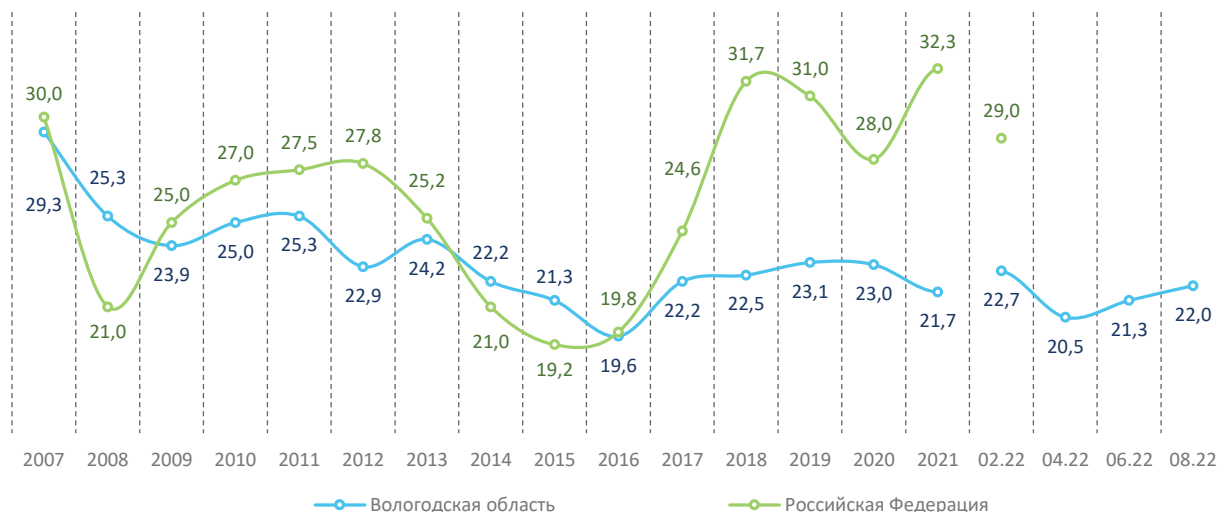

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

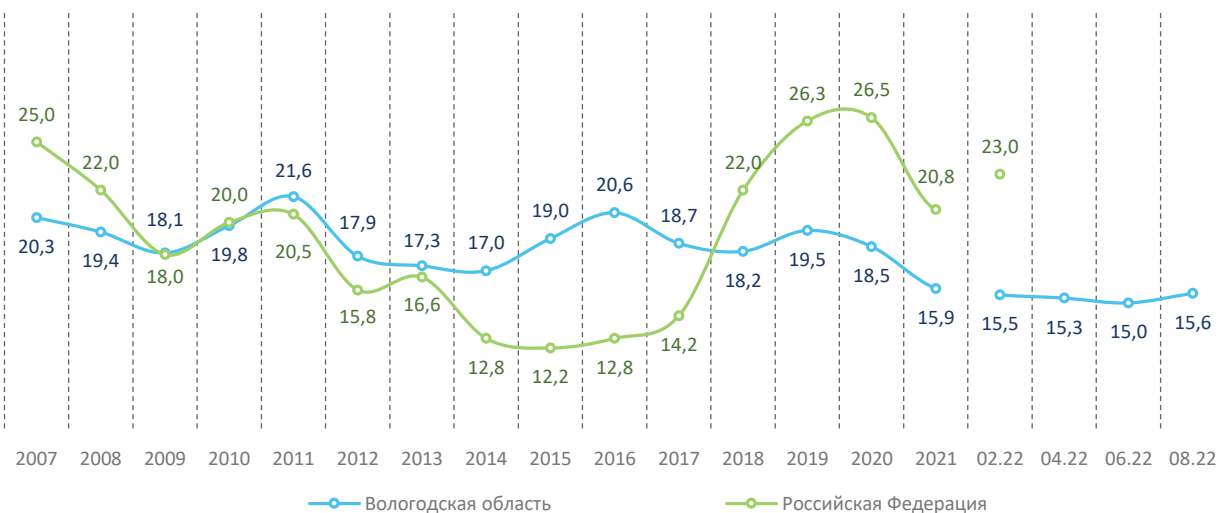

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В период с июня по август 2022 года не произошло существенных изменений в оценках жителей Вологодской области относительно уровня социальной напряженности в регионе. Доля вологжан, указывающих на вероятность протестных выступлений, находится на уровне 21–22%, доля выражающих свою готовность принять в них участие составляет 15–16%.

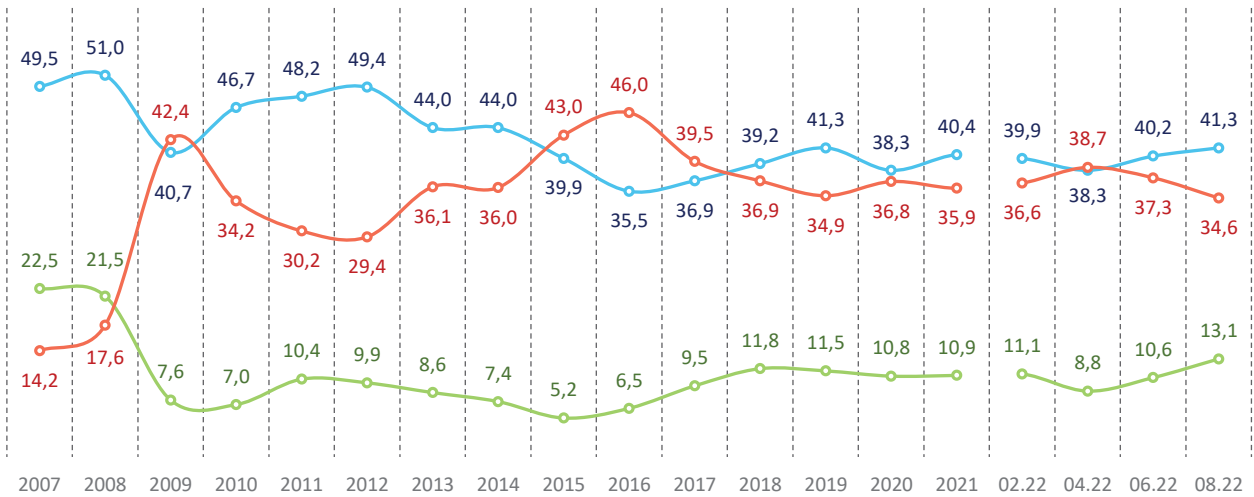

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В августе 2022 года по сравнению с июнем т. г. удельный вес одобрительных оценок экономического положения области увеличился на 2 п. п. (с 11 до 13%), негативных – снизился на 2 п. п. (с 37 до 35%). Доля нейтральных характеристик практически не изменилась и составила 40–41%.

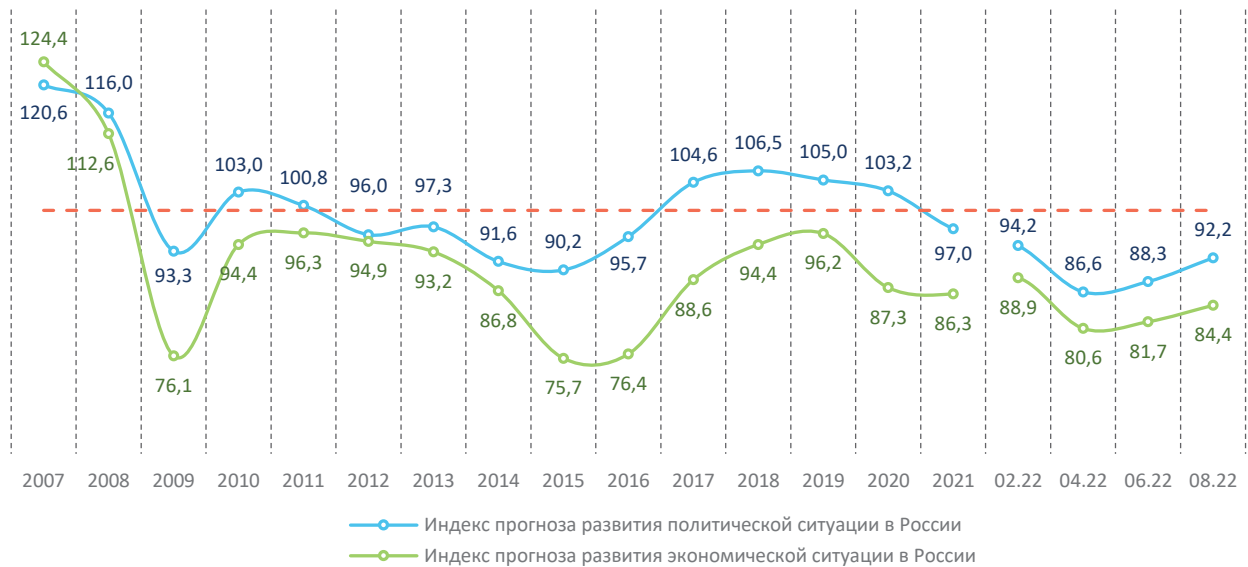

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В течение лета 2022 года несколько увеличились индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России. Индекс прогноза развития политической ситуации вырос на 4 пункта (с 88 до 92 п.), экономической – на 2 пункта (с 82 до 84 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ИТОГИ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

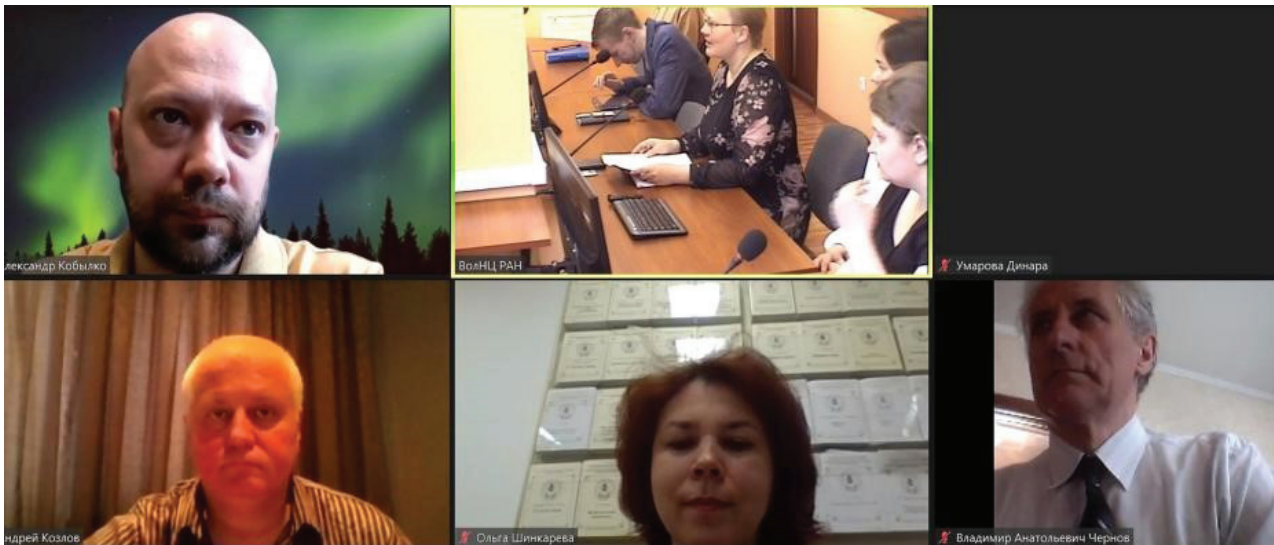

4–17 июня 2022 года ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» провел VI Международную научную интернет-конференцию «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства». Ученые и начинающие исследователи, аспиранты – всего 142 участника из России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Донецкой Народной Республики, Индонезии – обсудили проблемы поиска и обоснования путей развития научно-технологического пространства России и активизации инновационных процессов в регионах. В конференции также принимали участие представители органов власти и управления, Фонда «Центр стратегических разработок».

Актуальность проведения конференции обусловлена тем, что в России объявлено десятилетие науки и технологий, среди основных задач которого привлечение талантливой молодежи в сферу научных исследований и разработок, вовлечение их в решение

важнейших для страны и общества задач. Наряду с этим продолжают сохранять значимость актуальность положения Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, среди приоритетных задач которой обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, а также ускорение темпов технологического развития. При этом отдельное внимание целесообразно уделить сбалансированному развитию научно-технологического пространства и цифровой трансформации страны.

Основная идея конференции заключалась в поиске и обосновании путей развития научно-технологического пространства, активизации инновационных процессов в регионах с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания условий для повышения качества

жизни населения и развития человеческого потенциала.

Работа интернет-конференции была организована по четырем научным направлениям:

- научно-технологическое развитие территорий: региональные тенденции и практики;
- инфраструктурное обеспечение научно-технологического развития территорий и проблемы организации инновационной деятельности в реальном секторе экономики;
- проблемы моделирования социально-экономических систем;
- цифровая экономика: современные вызовы и возможности развития.

Следует подчеркнуть ежегодное расширение географии участников, рост количества обсуждаемых вопросов и качества предоставляемых докладов. Так, в 2022 году в работе конференции приняли участие представители Российской Федерации, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Донецкой Народной Республики, Индонезии, Китая и Западной Африки, в обсуждение докладов были вовлечены представители 57 научных и образовательных организаций из 21 региона России. На интернет-форуме конференции представлено 108 докладов (для сравнения: в 2018 году – 76 докладов).

Если говорить о происходящих изменениях, то можно в первую очередь отметить увеличение доли молодых ученых и специалистов, занимающихся научно-исследова-

тельской деятельностью, среди участников конференции в 2022 году до 54% (2021 год – 47%). Наряду с этим в качестве положительного момента необходимо назвать увеличение числа участников с ученой степенью до 36% (2021 год – 34%). Для справки отметим, что количество участников кандидатов наук выросло с 29 чел. в 2021 году до 39 чел. в 2022 году, докторов наук – с 10 до 12 чел.

Тематические направления, по которым осуществлялась работа конференции, а также обсуждаемые актуальные проблемные вопросы привлекли внимание представителей органов власти и управления (Управление территориального развития и поддержки предпринимательства Правительства Ярославской области), Фонда «Центр стратегических разработок».

На пленарном заседании в режиме онлайн выступили ведущий научный сотрудник канд. экон. наук Д.Т. Умарова (Центр социально-экономических исследований, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан), проф. кафедры финансов и кредита д-р экон. наук В.А. Чернов (Институт экономики и предпринимательства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»), вед. науч. сотр. ЦЭМИ РАН, доц. кафедры менеджмента экономического факультета ГАУГН канд. экон. наук А.А. Кобылко, доц. кафедры экономики и

менеджмента Института права и управления ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» канд. экон. наук О.В. Шинкарева, доц. кафедры политической экономии и экономической политики экономического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» канд. экон. наук А.Н. Козлов, руководитель отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН д-р социол. наук Л.С. Рубан (содокладчик – ст. науч. сотр. М.А. Ананьин).

Представленные на пленарном заседании доклады вызвали интерес со стороны слушателей, в особенности это касалось вопросов цифровизации производства России в новых геополитических и экономических условиях, социального предпринимательства в контексте инновационных преобразований экономики России, а также осуществления налогового мониторинга в России как неотъемлемой части цифровизации налогового администрирования.

Научное сообщество дало высокую оценку проведенному мероприятию: уча-

стие в конференции предоставило возможность обобщить и выразить собственный научный опыт, ознакомиться с результатами изысканий коллег, а также ведущих ученых-экономистов. В целом участники отметили, что проведение мероприятий подобного рода будет способствовать решению важнейших социально-экономических задач современной России и ЕАЭС. В перспективе нам видится возможным привлекать представителей реального сектора экономики, а также расширять число зарубежных участников (ЕАЭС, БРИКС, страны АСЕАН, Европейский союз).

С полными текстами докладов и материалов можно ознакомиться на форуме конференции (<http://fic.vscs.ac.ru>). Кроме того, планируется подготовка сборника докладов конференции с присвоением УДК, ББК, ISBN и размещением в РИНЦ.

Материал подготовила

К.А. Устинова

*кандидат экономических наук
старший научный сотрудник*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

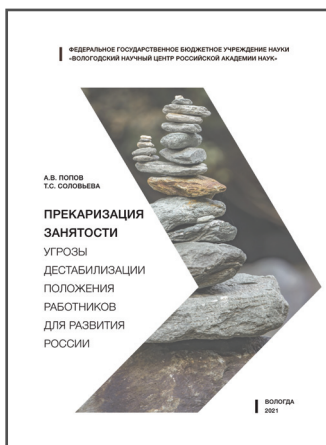

Калачикова О.Н., Боброва А.Г., Короленко А.В. [и др.] (2022). Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 179 с.

В монографии представлены результаты проекта, посвященного разработке методологии измерения активного долголетия и его факторов для совершенствования механизмов реализации политики активного долголетия в контексте демографического старения. В ходе исследования изучены демографические предпосылки внедрения концепции активного долголетия в России и Республике Беларусь, систематизированы теоретико-методологические подходы к трактовке сущности и выделению факторов активного долголетия. Авторским коллективом разработан уникальный социологический инструментарий измерения активного долголетия населения и его факторов, в том числе индексная методика оценки внутренних и внешних факторов активного долголетия, осуществлена его апробация на данных Вологодской области.

На основании рассчитанных индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия по их соотношению проведена типологизация населения. Проанализирован зарубежный опыт реализации политики в области активного долголетия в ряде стран мира, для России и Беларуси выявлены ее сильные и слабые стороны. Разработаны основные положения концепции активного долголетия для Российской Федерации, в частности сформулированы ее цель и принципы реализации, приоритетные направления.

Книга предназначена для ученых, занимающихся тематикой активного долголетия, для представителей органов власти, ведающих вопросами демографии, здравоохранения, социальной защиты и занятости, для преподавателей, аспирантов и студентов экономических и социологических специальностей, а также для широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

Попов А.В., Соловьева Т.С. (2021). Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 131 с.

Монография посвящена теоретическим и практическим аспектам изучения феномена прекаризации занятости как одной из глобальных угроз в системе социально-трудовых отношений. В первой главе рассмотрены общие вопросы формирования новой парадигмы занятости, в т. ч. в ракурсе однофакторных и комплексных сценариев будущего сферы труда. Во второй главе представлены результаты исследования прекаризации занятости в концептуальном единстве с феноменом «неустойчивая занятость» на основе дихотомии «процесс – результат». Раскрыты теоретические основы изучения обозначенных категорий. Особое внимание уделено классификации последствий прекаризации занятости на индивидуальном, организационном и общественном уровнях. В третьей главе определены масштабы и последствия прекаризации занятости в условиях российской действительности. Отдельно рассмотрено влияние пандемии коронавируса COVID-19 на устойчивость положения наемных работников и самозанятых.

Книга предназначена научным работникам, преподавателям, студентам, представителям органов власти и всем интересующимся вопросами развития социально-трудовой сферы. Основные выводы и положения исследования могут быть использованы в практике федерального и регионального управления для разработки мер по повышению устойчивости положения работников.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» через объединенный каталог «Пресса России» (подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.09.2022.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17.9. Тираж 500 экз. Заказ № 47
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru